Sprache und kultur

СБОРНИК СТАТЕЙ
XIX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

Language and culture

Sprache und kultur

Sprache und kultur

Langue et culture

Language and culture

Language and culture

Language and culture

Sprache und kultur

Language and culture

Langue et culture

Sprache und kultur

Langue et culture

Langue et culture

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ СОВЕТ
ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Сборник статей
XIX Международной научной конференции,
посвященной 130-летию
Томского государственного
университета

17–20 октября 2007 г.

Под редакцией
С.К. Гураль

Том 1

Томск
2007

УДК 410/378.147
ББК 81.1
Я41

Я41 **Язык и культура:** Сб. статей XIX Международной научной конф. / Отв. ред. С.К. Гураль. – Томск: Томский государственный университет, 2007. – Т. 1. – 186 с.

ISBN 5-94621-247-8

Настоящий сборник составлен на основе докладов участников XIX Международной конференции «Язык и культура», проходившей в Томском государственном университете 17–20 октября 2007 г.

Представленные в издании материалы посвящены актуальным вопросам теоретической и прикладной лингвистики, важным вопросам языкового образования и духовного совершенствования личности.

Рассматриваются новые модели и подходы, направленные на развитие межкультурной коммуникации, а также на внедрение новых технологий в исследовательской и педагогической работе.

Для преподавателей высших учебных заведений, учителей школ, лицеев, гимназий и колледжей.

УДК 410/378.147
ББК 81.1

Редакционная коллегия сборника:
Л.Т. Леушина, канд. филол. наук, доцент (зам. редактора),
Л.В. Комаровская, канд. пед. наук, доцент

ISBN 5-94621-247-8 © Томский государственный университет, 2007

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

СИНЕРГЕТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

С.К. Гураль
Томский государственный университет

Синергетический подход к образованию основывается на следующих идеях. Мы живём в мире неустойчивых процессов с нарушенной симметрией между прошлым и будущим. Будущее предстаёт как пространство возможностей, а настоящее – как напряжённый процесс отбора. Система образования может быть как замкнутой и статичной, так и открытой и динамичной, в зависимости от того, насколько образовательный процесс связан с динамикой освоения мира, с познанием, понимаемым как жизнедеятельность.

Синергетика формирует новую познавательную ситуацию. В классическом подходе к осмыслению познавательных практик формируется модель познания, в которой субъект исключается из мира, а мир предстаёт как некая внешняя реальность, данная субъекту. Субъект посредством своих познавательных способностей может эту реальность постигать, изменять, сам занимая некую выделенную позицию внешнего наблюдателя. Классическая стратегия познания формировалась на основе модели мира Декарта (картезианский каркас мира). Подразумевалось, что факт существования мира сопряжён с мыслительным актом существования субъекта. В новой неклассической модели познания, которая формируется в значительной степени под влиянием эволюционно-синергетической научной парадигмы, познающий субъект не сторонний наблюдатель, а участник и «творец», а познание трактуется как жизнедеятельность. Синергетика предполагает, что субъект входит в познаваемую им систему как составляющая этой системы.

Попробуем показать, как система образования может быть сопричастна описанным изменениям в когнитивных практиках, каковы требования, предъявляемые методологией синергетики к образовательному процессу. Образование является сложной системой, в которой сопряжены коммуникативная деятельность, когнитивная деятельность, связанная с получе-

нием и обменом знаниями, социально мировоззренческая, обеспечивающая формирование и трансляцию ценностей и норм социального бытия и ещё ряд важнейших составляющих этого сложного процесса, который является сложной системой, сочетающей элементы саморазвития и управляемого воздействия.

Основные элементы этой системы, педагог и учащийся, представляют собой взаимосвязанные и взаимообусловленные во взаимодействии необходимые составляющие, которые позволяют системе существовать как целому, относительно обособленному в структуре социума. Сложность указанной системы определена разнородностью элементов, несводимостью целого ни к одному из указанных элементов, несводимостью совокупного поведения системы к поведению любого из элементов, характерным типом саморегулирования и самоорганизации.

Образование не только сложная, но и открытая система. Участники образовательного процесса взаимодействуют, обмениваясь информационными, материальными и человеческими ресурсами с социальной средой, воспринимают и интерпретируют в своих изменениях процессы, происходящие в обществе. Система образования и общество становятся взаимосвязанными, коэволюционирующими системами. Для обеспечения этой взаимосвязи образование должно быть коррелятивно процессам, происходящим в обществе. Однако в данном случае моделируется не актуальное состояние общества, наличные общественные отношения и их нормы, а действие тех универсальных законов, которые имеют место на всех этапах развития систем различной природы. Освоив такую модель, учащийся сможет проецировать систему универсальных законов на актуальные состояния общества, обнаружить спектр его возможных состояний, то есть прогнозировать будущее, благодаря чему появляется реальная возможность предварить изменения в обществе готовностью к своим собственным изменениям.

Открытость системы образования создаёт, с одной стороны, многообразие интересов, обращённых к школе со стороны государства и общества, то есть некоторую неопределённость «социального заказа». С другой стороны, в системе образования создаётся многообразие форм учебной деятельности, обеспечивающее формирование личности педагога и ученика, соответствующее не только сложившемуся социальному многообразию, но и возможному многообразию будущего. Открытость делает систему образования способной не только воспринимать инновационные тенденции извне, со стороны изменившегося общества, но и сопрягать это внешнее воздействие с внутренними потребностями и возможностями, изменять десятилетиями сложившиеся авторитарные формы преподавания учебных дис-

циплин и управления образовательным процессом. Внутренние потребности играют определяющую роль в развитии и закреплении новаторских тенденций в образовании. Они позволяют не только откликнуться на изменения в обществе, но и создать преимущественную ориентацию на обеспечение условий для развития личности и ученика, и учителя, раскрытие многообразия их возможностей. Таким образом, откликаясь на многообразие действительности, образование само превращается во внутренне многообразную систему, элементы которой обеспечивают существование друг друга и достижение единой цели.

Следующая особенность, позволяющая рассматривать образование в аспекте синергетического подхода, это динамичный, неравновесный характер процессов, **образование – неравновесная система.** Открытость системы образования социуму приводит к появлению в этой системе новаций, увеличению степени внутреннего многообразия. Это обстоятельство формирует ряд внутренних противоречий в системе образования.

Так, противоречие между устойчивостью и изменчивостью вызвано тем, что система образования, призванная транслировать культурные образцы, обладает консерватизмом, и в то же время, являясь элементом социальной системы, образование не может не изменяться в связи с изменениями социума. Противоречие между единством и многообразием выражается в необходимости поддерживать педагогические новации, сохранять единство и общность требований к результатам образовательного процесса, к содержанию образования, представленного, в частности, образовательными стандартами. Противоречие между индивидуализацией и унификацией процесса образования проявляется в стремлении обеспечить каждому учащемуся условия для развития его личности при наличии единых требований к успешности обучения.

Перечень противоречий можно продолжать, но специфика синергетического подхода состоит в том, что эта противоречивость понимается не как недостаток, а как внутренний источник изменения и развития системы образования. Наличие многообразных и взаимоисключающих тенденций в системе образования делает её чувствительной к воздействиям социума, способной к эволюционным изменениям.

Четвёртая особенность образовательного процесса, рассматриваемого в рамках синергетического подхода, в том, что **образование – нелинейная система.** Во всех формах взаимосвязи с обществом система образования сохраняет свою специфику, относительную обособленность и единство. Поэтому реакция системы образования на изменения в обществе не является однозначно детерминированной. Так, система образования не просто отражает изменения в обществе, а производит определённую их селекцию.

Поскольку система образования обеспечивает будущее, её изменения отражают не столько актуальные, сколько потенциальные состояния общества. Многообразие потенциальных состояний выражает неопределённость будущего, благодаря чему система образования имеет несколько вариантов своего изменения и открыта не только настоящему, но и будущему обществу. В соответствии с принципами синергетики будущее социальной системы воздействует на настоящее состояние образования.

Охарактеризуем особенность синергетического дискурса в образовании. Прежде всего, обратимся к смысловому анализу термина «дискурс». Термин «дискурс» происходит от латинского discursus – беседа, разговор. В XX столетии за этим термином закрепились две основных смысловых нагрузки. Одна идёт от англо-американской теории языковых актов, формулирующей этические принципы дискурса в рамках теории коммуникативного действия. Другая идёт от французской школы дискурс-анализа, которая отождествляет дискурс с феноменом власти. Первая трактовка проникает в психологию, этнографию, лингвистику. Такая трактовка дискурса как речевой коммуникативной практики, включая и невербальные, становится междисциплинарной.

Характерной чертой дискурса является его эпистемологическая, политическая, социальная и моральная нагруженность. Например, моральная составляющая дискурса выражена в «дискурс-этике» Ю. Хабермаса, в которой дискурсы представляют собой интерсубъективные процессы обоснованной коммуникации, нацеленной на взаимопонимание. Важно подчеркнуть, что этот коммуникативный феномен является сложной многоаспектной системой.

В соответствии с методологией синергетики содержание образования должно быть многообразно и вариативно, включать в себя как сложившиеся социокультурные образцы, так и элементы приращения культуры, то есть быть одновременно и устойчивым, и изменчивым. Наличие этого и других противоречий в содержании образования делает его многообразным, а значит, неустойчивым, способным воспринимать изменения социокультурной среды. Благодаря этому содержание образования придёт в соответствие с реальным социальным многообразием. Это важно при смене принципов организации содержания. Пока содержание образования будет определяться через содержание предметов учебного плана, присвоение реального многообразия культуры будет происходить лишь в границах скрытого содержания образования. Изменение предметности содержания образования должно выражать как состояние социокультурной среды, так и потребности самоопределения субъекта в ситуации многообразия и взаимодействия культур.

Как вариант новой предметности можно предложить отношение, субъективный компонент которого определяется как переживание, то есть эмоционально-личностный способ представленности в субъекте объективного содержания культуры. Ведь определение субъектом себя в культуре и культуры в себе происходит не только через знание, но и через переживание, проживание принадлежности к культуре в специфическом укладе жизни, языке, способах деятельности и общения. В этой ситуации самоопределение субъекта в культуре происходит и помимо института образования. Но отношение как новая предметность образования предполагает и объективный компонент, выраженный как динамическая поликультурная связь, характерная для современных социокультурных процессов. Для включения в содержание институционализированного образовательного процесса этот аспект предметности образования должен быть представлен через переживание. Такой вариант предметности, безусловно, требует и методологического обоснования, и разработанного методического сопровождения. Он вполне согласуется с принципами синергетики, поскольку содержит противоречивое единство объективного и субъективного, соотношение которых будет меняться в связи с вариациями содержания образования.

Синергетическая модель развития образовательного пространства. В связи с изменением содержания образования изменяется и форма процесса его организации. Принципы синергетики могут послужить методологической основой для моделирования организации и самоорганизации образовательного процесса. Структурированное многообразие отношений между субъектами образовательного процесса назовём образовательным пространством. Отношения между субъектами образовательного пространства обусловлены процессами трансляции информации, поэтому для определения структуры образовательного пространства используем понятие информационного поля как множества источников информации и среды, в которой она распространяется.

Информация рассматривается здесь как характеристика меры упорядоченности отношений элементов системы, как мера снятой неопределённости их поведения. Информационное поле является фрагментом транслированного в образовательное пространство информационного пространства общества, которое представляет собой многообразие форм упорядоченности социальных отношений, законов их функционирования и развития. Образовательное пространство является сферой взаимодействия трех его субъектов – учителя, ученика и среды между ними.

Вывод Л.С. Выготского о трёхстороннем активном процессе – «активен учитель, активен ученик, активна среда между ними» – позволяет рассмат-

ривать трехкомпонентное взаимодействие субъектов образовательного пространства как единый процесс целенаправленного формирования личности ребёнка, не разделяя воспитание и образование. В этом процессе взаимодействие субъектов образовательного пространства, учителя и ученика, представлено как активное отношение со средой, которую можно рассматривать как информационный компонент образовательного пространства, структурированного так, что он сам оказывает активное воздействие на других субъектов образовательного пространства. Эта структура может быть определена, по терминологии Л.С. Выготского, как «идеальная форма среды», то есть то содержание культуры, которое было выработано человечеством в процессе исторического развития.

Литература

1. ***Синергетика*** и психология текста. Вып. 2. Социальные процессы. М., 2000.
2. ***Герман И.А., Пищальникова В.А.*** Введение в лингвосинергетику. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1999.
3. ***Базылёв В.Н.*** Новая метафора языка (семантико-синергетический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
4. ***Мышкина Н.Л.*** Лингводинамика текста: контрадиктно-синергетический подход. 1999.
5. ***Пономаренко Е.В.*** Нелинейность как фактор самосохранения языка и речи // Нелинейная динамика и классическая наука. М., 2003. С. 359–366.

ПОИСК СТРАТЕГИЙ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ МЕДИА КОМПЕТЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

И.А. Цатурова, М.А. Афанасьев
Таганрог
К.А. Аветисова
Хельсинки (Финляндия)

Предстоящий век будет определяться приспособляемостью и изменениями; вопрос мобильности будет стоять как никогда остро. Сегодня, чтобы путешествовать, нужны паспорт и билет. В будущем паспортом для мобильности станут образование и способность к обучению в течение всей жизни.

(Кёльнская Хартия «Цели и задачи обучения в течение всей жизни», 18 июня 1999 г.)

Это заявление было сделано семь лет назад в Хартии Кёльнского саммита Группы Восьми. Интересно отметить, что описанное в документе будущее наступило очень скоро, а изменения, о которых говорили лидеры ведущих индустриальных держав в 1999 г., происходят быстрее, чем на них успевает реагировать человечество. Их стремительность в значительной мере обусловлена достижениями в сфере науки и высоких технологий. С целью объяснения новейших явлений, явившихся результатом компьютерной и информационной революции, западная общественно-политическая мысль выдвинула различные варианты концепции так называемого «информационного общества».

Сегодня термин «информационное общество» ("information society") прочно занял свое место не только в лексиконе специалистов в области информации, но и в лексиконе политических деятелей, экономистов, ученых. В большинстве случаев это понятие ассоциируется с развитием информационных коммуникационных технологий (ИКТ) и средств телекоммуникации.

Особо подчеркивается мысль о том, что коммуникация представляет собой «ключевой элемент информационного общества», а информационно-коммуникационные технологии все более становятся инструментом доступа к информации, важным средством межличностной и межкуль-

турной коммуникации, инструментом поддержания культурного разнообразия и развития международного сотрудничества.

Становление глобального информационного общества и развитие ИКТ способствовали тому, что образование стало рассматриваться не только в функции передачи знаний от поколения к поколению, но и получило особый, приоритетный статус как один из важнейших факторов, имеющих критическое значение для становления как отдельной личности, так и гражданского общества в целом, а также для ускорения общественного развития, экономического роста и обеспечения национальной безопасности.

Эти идеи получили развитие на Всемирных встречах на высшем уровне по вопросам информационного общества, проходивших в Женеве в 2003 г. и в Тунисе в 2005 г., где было отмечено, что ИКТ обладают огромным потенциалом для расширения доступа к качественному образованию для всех, а также для модернизации и придания инновационного характера самому процессу обучения.

Специалисты в сфере образования осознали необходимость поиска адекватных стратегий адаптации устаревающей образовательной парадигмы под нужды общества, что в свою очередь привело к развитию идеи «обучения в течение всей жизни», появлению компетентностного подхода к обучению, а также концепций применения ИКТ в образовании, где основными направлениями стали *компьютерное обучение* ("E-learning", "computer-enhanced learning") и *медиа образование* ("Media education", "Medienpaedagogik").

Основное отличие между ними заключается в том, что в компьютерном обучении упор делается на эффективное использование новых достижений ИКТ (в первую очередь компьютеров и компьютерных программ, интерактивных досок, мультимедиа плееров, карманных компьютеров, высокоскоростных цифровых сетей, сети Интернет и т.д.), в то время как в поле зрения медиа образования попадают как различные способы применения ИКТ в образовании, так и сами медиа как средства передачи и сообщения информации, а также связанный с ними набор компетенций, подразумевающий способность находить, анализировать, оценивать информацию и обмениваться сообщениями, используя различные медиа, технологии и способы доступа к информации.

Кроме того, медиа образование предполагает развитие у обучаемых способности к критическому мышлению, к восприятию медиа как средства конструирования реальности, активный характер этого восприятия, способность к распознанию предвзятости, возможной «сфабрикованности» сообщения, а также осознание того, что медиа являются продуктом определенной культуры.

В контексте медиа образования исследователями выделяются направления, такие как медиа компетенция ("media competence/literacy", "Medienkompetenz"), информационная грамотность ("information literacy"), электронная грамотность ("digital literacy"), критическая грамотность ("critical literacy"), визуальная грамотность ("visual literacy") и другие.

Зачастую по своей сути эти понятия дублируют друг друга. Сегодня предпринимаются попытки их разграничить и уточнить их содержание, чтобы затем синтезировать различные аспекты медиа образования в единую концепцию.

Несмотря на повышенный интерес академического сообщества к проблеме медиа образования и наличие определенной теоретической базы, на наш взгляд, остро ощущается нехватка методических моделей и практических разработок, которые могли бы быть использованы в педагогической практике.

Мы предлагаем рассматривать в качестве одной из задач медиа образования формирование медиа компетенции ("media competence"). С нашей точки зрения, этот термин является наиболее удобным для применения в сфере образования.

Уточнение места медиа компетенции в компетентностной парадигме вообще и её влияния на уровень коммуникативной компетенции в частности, позволит поставить педагогические цели, выработать соответствующие этим целям методики, создать приемы и подготовить соответствующую платформу для формирования у обучаемых представления о медиа, для обучения с помощью медиа, а также для более активного внедрения ИКТ в учебный процесс.

На наш взгляд, российские вузы имеют достаточный потенциал для активного участия в реализации проектов, направленных на достижение этой цели. В частности, Таганрогский государственный радиотехнический университет, успешно реализующий инновационную программу в рамках Национального проекта «Образование», имеет богатый опыт международного сотрудничества в сфере медиа образования.

В 2004 г. кафедра лингвистического образования ТРТУ начала сотрудничество с Научно-исследовательским центром профессионального образования университета г. Тампере (Финляндия) и медиа лабораторией университета искусств и дизайна г. Хельсинки (Финляндия).

20 декабря 2004 г. в рамках данного сотрудничества состоялась видеоконференция на тему «Система глобального университета». В обсуждении приняли участие около 150 студентов, преподавателей и ученых из России и Финляндии. Год спустя, 12 декабря 2005 г. состоялся второй видеосеминар «Медиа грамотность и медиа компетенция». В работе се-

минара, помимо ТРТУ и университета г. Тампере, приняли участие ученые из Университета искусств и дизайна г. Хельсинки (Финляндия). На семинаре обсуждался широкий круг вопросов, посвященных Интернет-образованию и формированию медиа компетенции, а также проблемы интеграции России в общеевропейскую образовательную систему и участия российских университетов в международных образовательных проектах.

В весеннем семестре, с марта по май 2006 г. в рамках сотрудничества между ТРТУ и университетами Финляндии проводился интерактивный курс «Новые медиа, коммуникация и мирное сосуществование в глобальном информационном обществе». Организаторами и партнерами нового проекта выступили кафедра ЛО ТРТУ и университет г. Тампере, при содействии медиа лаборатории университета искусств и дизайна г. Хельсинки.

Целью курса являлось формирование медиа компетенции у студентов-переводчиков. В курсе обсуждался широкий круг вопросов, в частности, проблемы образования нового типа, совмещающего достижения науки и развитие технологии с искусством, гуманитарными науками и вопросами религии; медиа грамотность как многогранное понятие, включающее в себя когнитивные, эмоциональные, эстетические и нравственные аспекты; медиа образование как процесс, протекающий в течение всей жизни и требующий хорошо скоординированной работы всех участников образовательного процесса, профессионалов в области мультимедиа и технологий и представителей неправительственных организаций.

Ведущим лектором курса выступил проф. Тапио Варис, председатель комитета ЮНЕСКО по медиа образованию. Курс включал в себя 8 сеансов Интернет-связи между медиа лабораторией университета искусств и дизайна г. Хельсинки и конференц-залом Ученого совета ТРТУ. Занятия проводились на английском языке. Перед каждым занятием студенты обязаны были ознакомиться с рядом материалов, ссылки на которые представлялись очередным лектором на Интернет-странице курса http://mlab.uiah.fi/~kavetiso/tsure/seminar_2006.html. В течение каждого двухчасового сеанса проводилась лекция, краткая сессия вопросов и ответов и дискуссия по проблемам, рассматриваемым в лекции.

Работа студентов оценивалась, как в европейских университетах: в течение недели после занятия студенты должны были написать эссе на заданные темы, вести электронные учебные дневники и загружать их на одну из веб-страниц курса, где их мог прочитать профессор Тапио Варис (см., напр. http://e-research.mylivepage.com/). В обязанности участников также входило сдать финальные эссе по окончании курса. После их

проверки студенты получили по электронной почте отзывы и комментарии лекторов и координаторов проекта.

Итоговая оценка складывалась из активности студента во время сеансов связи, своевременного представления записей из электронного учебного дневника и финального эссе по одной из проблем, обсуждённых в течение курса. Лучшие эссе по курсу готовятся к публикации в сборнике студенческих научных работ, ежегодно выпускаемом университетом г. Тампере. По окончании курса участникам был выдан сертификат международного образца, свидетельствующий об успешном овладении ими содержанием курса и сформированности медиа компетенции.

Проведение такого курса, который стал первым подобным образовательным проектом в России, не только является хорошим примером участия российского университета (ТРТУ) в международных образовательных проектах и способствует интеграции России в общеевропейскую образовательную систему, но и заставляет российских специалистов в области образования задуматься над тем, что инструменты, которые медиа образование дает обучаемому, являются необходимым условием его функциональности в контексте становления глобального информационного общества.

Для развития концепции инновационного образования в следующем 2006–2007 учебном году кафедрой лингвистического образования Таганрогского государственного радиотехнического университета планируется проведение более углубленного и расширенного интерактивного медиа курса с привлечением других университетов России, выразивших желание участвовать в проекте (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Пятигорский государственный лингвистический университет, Волгоградский государственный университет), а также проведение дальнейших исследований в области формирования у студентов и преподавателей медиа компетенции.

Реализация целей медиа образования, и в частности формирование медиа компетенции у обучаемых, по нашему мнению, позволит придать образованию инновационный характер, а также сделать его инструментом развития общества, основанного на знаниях.

Литература

1. Кёльнская Хартия «Цели и задачи обучения в течение всей жизни», 18 июня 1999 г. http://www.g7.utoronto.ca/summit/1999koln/charter.htm

2. Multiple Visions of Multimedia Literacy: Emerging Areas of Synthesis. Renee, Temple University. http://reneehobbs.org/renee's%20web%20site/publications/Hobbs%20final%20PDF%20Literacy%20and%20Technology%20Vol%202.pdf

3. ECML book. Guideline for Media Literacy in Education. European Centre for Media Literacy, 2004. P. 5–11.

4. Московская Декларация со встречи министров образования государств-членов Группы восьми. Москва, 1–2 июня 2006 г. http://www.mon.gov.ru/news/announce/2550/

5. «Образование для инновационных обществ в XXI веке». Саммит «Группы восьми». Санкт-Петербург, 16 июля 2006 г. http://www.mon.gov.ru/news/announce/2753/

6. «Тунисское обязательство». Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества». Женева, 2003 г. Тунис 2005 г. http://www.itu.int/wsis/doc2/tunis/off/7-ru.doc

Часть 1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРИКЛАДНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

КВАЗИРЕМОТИВАЦИЯ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

О.И. Блинова
Томский государственный университет

С выходом в свет «Энтимологического словаря» Б.Ю. Нормана [6. С. 207–211], включающего около 500 лексических единиц русского языка, подвергшихся волею составителя словаря их переосмыслению, то есть квазиремотивации, и перешедших в разряд окказионализмов, представилась возможность осмыслить этот уникальный лингвистический материал путем создания еще одного словаря на его основе.

Термин **квазиремотивация** означает прием контрастного переосмысления исходного узуального слова, ведущего к созданию окказиональной лексической единицы с новым значением и новой внутренней формой [4. С. 22]. Например, *завалинка* (студ.) – экзаменационная сессия, *заголовок* – затылок, *заложник* – филолог, специалист по категории залога, *замша* – заместительница директора, *земляк* – червяк, *зубило* – врач-стоматолог [6. С. 211].

Квазиремотивация (далее – КРМ) является приемом речевой игры [5. С. 16–22 и др.] и служит средством создания комического эффекта (иронии, сарказма, пародии).

Термин состоит из двух компонентов: *квази* (от лат. quasi – как бы, будто бы) – ненастоящий, подобный – и *ремотивация* – обретение словом мотивированности [4. С. 50], буквальное значение – процесс, подобный ремотивации. От ремотивации этот процесс отличается рядом параметров: КРМ – это не естественный языковой процесс, обусловленный действием тенденции к мотивированности языкового знака, а искусственный, обусловленный потребностью речевой игры, поэтому он носит не массовый, всеобщий характер, а единичный, индивидуальный; это процесс, удовлетворяющий не только коммуникативную функцию, облегчающую общение, а прежде всего функцию эстетическую, связанную

с категорией комического; сфера осуществления ремотивации – узуальные слова, КРМ – слова окказиональные. Компонент же **ре-** (ремотивация), означающий возобновление, повторность процесса мотивировки отражает его сущность: в окказионализме мотивированность имеет повторный, возобновленный характер, за исключением тех случаев, когда смысловому преобразованию подверглось немотивированное исходное слово; например, *экстаз* 'высшая степень воодушевления, восторга' → *экстаз* 'таз, бывший в употреблении' (мотивирующие единицы – таз и экс 'бывший'), *цоколь* 'часть фундамента стены, колонны' → *цоколь* 'копыто' (мотивирующее – цокать).

Возобновленная мотивированность в квазиремотивате (КР) выражается за счет узуальных слов, выступающих в роли лексического и структурного мотиваторов (ЛМ и СМ): для КР *баранка* 'овца' – это *баран* и *кошка*, для КР *крестец* 'крестный отец' – это *крёстный* и *отец*.

Средством (способом) выражения мотивированности является его внутренняя форма – морфосемантическая структура слова, позволяющая осознать взаимообусловленность его звучания и значения [4. С. 16]. В настоящей статье различаются внутренняя форма узуального слова (ВФС) и окказионального – внутренняя форма квазиремотивата (ВФКР). Структуру ВФС и ВФКР представляют: мотивационная форма (МФ) – значимые сегменты звуковой формы слова / графемы, обусловленные его мотивированностью, и мотивационное значение (МЗ) – значение (синтез значения) МФ [4. С. 16]. Структуру ВФКР представляет нижеследующая схема:

	ДВОРЯНКА 'дворовая собака'.
МФ:	дворянка.
МЗ:	'собака, <живущая во> дворе'.
ЛМ:	двор, дворовый.
СМ:	собака, лайка.*

Основными методами изучения КРМ являются два: метод научного описания и лексикографический метод, обладающие широкими возможностями [3. С. 110–117; 4. С. 29]. Лексикографическое представление КР и ВФКР позволит детально и наглядно продемонстрировать этапы процесса КРМ от исходного узуального слова до ВФКР, для чего привлекается дополнительно к названным методам сопоставительный прием.

---

* Здесь и далее знак / отделяет сегменты МФ, в фигурные скобки заключаются слова, не выраженные МФ.

Автором статьи разработана концепция мотивационно-сопоставительного словаря КР (МССК), получившая первое воплощение в дипломном сочинении Е.В. Наумовой, выполненной на материале «Энтимологического словаря» Б.Ю. Нормана.*

Структура МССК состоит из трех зон: 1) заглавной зоны, в которой дается исходное слово или соотносительный с ним КР с толкованием их значения, 2) зоны мотивирующих лексических единиц и 3) зоны ВФС или ВФКР.

Исходное слово заглавной зоны сопровождается кратким толкованием, у КР сохраняются шутливые пометы и толкование, предложенное составителем «Энтимологического словаря».

Мотивирующие единицы исходного слова (ЛМ и СМ) подбираются автором статьи приемом интроспекции и толкуются в необходимых случаях (напр., при их многозначности), мотивирующие единицы КР формируются на базе их толкования: а) с учетом мотивирующих КР слов лексически и/или структурно (напр., *крестец* – крестный отец; ЛМ: *крестный*, СМ: *отец*;), *радист* (филос.) – оптимист, человек, который всему рад; ЛМ: *рад*; СМ: *оптимист*), б) путем подбора дублетов или эквивалентов (напр., *токарь* (тамб.) – тетерев; СМ: *глухарь*; *чарка* – колдунья; СМ: *знахарка*); в) комбинированным способом (см. а) и б)): *рогатка* – корова; ЛМ: *рогатый*, СМ: *бурёнка*; *странник* – человек с необъяснимым поведением, чудак; ЛМ: *странный*, СМ: *путник*; г) приемом интроспекции (напр., *трясина* – плохая дорога; ЛМ: *тряский*; СМ: *колдобина*; *этажерка* – соседка по лестничной площадке; ЛМ: *этаж*; СМ: *соседка*).

Словарные статьи с исходным словом располагаются в левом столбце, словарные статьи с КР – в правом, что отражает направление процесса, обозначенного знаком →.

Образцы словарных статей:

ВОЛНУШКА – съедобный гриб с волнистой шляпкой. → ВОЛНУШКА (разг.) – мелодрама.

ЛМ: волнистый.
СМ: чернушка.

ЛМ: волноваться.
СМ: киношка (прост.).

ВФС
- МФ: волн/ушка.
- МЗ: ‘гриб <с> волнистой <шляпкой>’.

ВФК
- МФ: волнушка.
- МЗ: ‘то, <что> волнует’.

* Дипломная работа Е.В. Наумовой «Квазиремотивация слова как средство создания комического эффекта (лексикологический и лексикографический аспекты) (Томск, 2005)» хранится в Лаборатории общей и диалектной лексикографии Томского государственного университета.

ОШАЛЕТЬ – потерять способность здраво мыслить. →
ЛМ: шалый.
СМ: одуреть.

ВФС
- МФ: о/шал/еть.
- МЗ: ‘стать шалым’.

ОШАЛЕТЬ – купить в магазине пуховый платок.
ЛМ: шаль.
СМ: овладеть.

ВФК
- МФ: о/шал/еть.
- МЗ: ‘обзавестись шалью’.

ПРИВРАТНИК – сторож у ворот, у входа куда-л. →
ЛМ: ворота.
СМ: при/служник.

ВФС
- МФ: при/врат/ник.
- МЗ: ‘тот, <кто> при воротах’.

ПРИВРАТНИК – любитель приврать.

ЛМ: приврать.
СМ: балов/ник.

ВФК
- МФ: приврат/ник.
- МЗ: ‘тот, <кто любит> приврать’.

ПУДЕЛЬ – порода комнатных собак. →
ЛМ: –.
СМ: спаниель.

ВФС
- МФ: пуд/ель.
- МЗ: ‘порода собак (какая?)’.

ПУДЕЛЬ (спорт.) – 16-килограммовая гиря.

ЛМ: пуд.
СМ: гантель.

ВФК
- МФ: пуд/ель.
- МЗ: ‘пудовый снаряд’.

УХАРЬ (разг.) – бойкий, удалой человек; хват.
ЛМ: ух!
СМ: бездарь, сухарь.

ВФС
- МФ: ух/арь.
- МЗ: ‘человек ух <какой!>’

УХАРЬ (мед.-обих.) – отоларинголог.

ЛМ: ухо.
СМ: лекарь.

ВФК
- МФ: ух/арь.
- МЗ: ‘врач, <лечащий> уши’.

УШАТ – небольшая кадка с ушами. →
ЛМ: ухо (боковой выступ).
СМ: ухват.

ВФС
- МФ: уш/ат.
- МЗ: ‘то, <что с> ушами’.

УШАТ – мужчина с крупными ушами.

ЛМ: ухо (орган слуха).
СМ: панибрат.

ВФК
- МФ: уш/ат.
- МЗ: ‘мужчина <с крупными> ушами’.

ФОРСУНКА – устройство для распыления жидкостей.
ЛМ: –
СМ: стремянка.

ВФС
- МФ: форсун/ка.
- МЗ: ‘устройство <какое?>’.

→ ФОРСУНКА – модница, то же РЯЖЕНКА.
ЛМ: форсить, форсун.
СМ: беглянка, грубиянка.

ВФК
- МФ: форсун/ка..
- МЗ: ‘женщина, <которая любит> форсить’.

МССК по своему замыслу представляет тип аспектного (мотивационного) словаря, толково-сопоставительного, охватывающего узуальные и окказиональные лексические единицы. Его назначение – обнаружить средства, способы, механизмы и некоторые закономерности процесса КРМ, осуществлённого отдельной языковой личностью, обладающей теорией лингвистики и богатым чувством юмора.

Литература

1. ***Блинова О.И.*** Внутренняя форма слова и её функции // Русистика сегодня. М., 1995. № 2. С. 114–124.
2. ***Блинова О.И.*** Внутренняя форма слова и фигуры речи // Теоретические и прикладные аспекты филологии: Сб. науч. трудов. Томск, 2003. С. 15–19.
3. ***Блинова О.И.*** Лексикографический метод и сферы его применения в диалектологических исследованиях // Язык и культура в Евразийском пространстве: Сб. ст. XVI Междунар. науч. конф. 16–20 апреля 2003 г. Томск, 2003. Разд. 1. С. 110–117.
4. ***Блинова О.И.*** Русская мотивология: Учеб.-метод. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Томск, 2005. 68 с.
5. ***Гридина Т.А.*** Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. 214 с.
6. ***Норман Б.Ю.*** Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987. 227 с.

РУССКАЯ И АНГЛИЙСКАЯ ПУНКТУАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ (НА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ МАТЕРИАЛЕ)

М.С. Власов
Бийский педагогический государственный университет
им. В.М. Шукшина

На проблему влияния пунктуации на восприятие и понимание смысла письменных высказываний в условиях синтаксической омонимии указывали многие отечественные лингвисты (А.Б. Шапиро, Б.С. Шварцкопф, Б.И. Осипов, Н.Н. Орехова, Н.Д. Голев и др.). Однако до сих пор данная проблема остается малоизученной в конкретно-исследовательском плане. Можно назвать одну экспериментальную работу, выполненную в рамках данного направления на материале русского языка (это диссертация О.В. Тисковой, посвященная исследованию влияния русской пунктуации на понимание текста, выполненная под рук. Н.Д. Голева) [5]. Результаты данного исследования позволяют говорить о реальном влиянии знаков препинания на понимание письменного русского текста. На материале английского языка подобного исследования не проводилось. В нашей работе мы расширяем материал исследования, привлекая тексты на русском и английском языках, а также планируем использовать в качестве реципиентов носителей разных языков. Сравнительно-типологическое исследование проблемы позволит определить общие закономерности коммуникативного функционирования знаков препинания в условиях синтаксической омонимии, а также выявить специфические закономерности данного процесса, обусловленные внутрисистемными характеристиками рассматриваемых языков. Методологической базой данного исследования послужили работы Н.Д. Голева, посвященные исследованию русской пунктуации в коммуникативно-прагматическом аспекте [1]. Как отмечает ученый, именно на материале «омонимов» возможна проверка гипотезы, действительно ли пунктуация способна различать смыслы, вкладываемые в высказывание пишущим[1]. «Исследование коммуникативной значимости пунктуации в аспекте реального воздействия знаков препинания на понимание текста почти с необходимостью приводит исследователя к явлению синтаксической омонимии вообще и пунктуационного омографизма, в частности (термины введены Н.П. Колесниковым)» [2].

[1] Ряд лингвистов (Л.А. Булаховский, Н.М. Шанский, А.А. Рефрматский, А.Н. Гвоздев) сходятся во мнении, что омонимы могут «сталкиваться», затрудняя понимание текста.

В рамках нашего исследования нас интересуют вопросы: как проявляет себя синтаксическая омонимия в русском и английском языках в обыденной письменной речи, как функционируют знаки препинания в условиях синтаксической омонимии в рассматриваемых языках, влияет ли различное пунктуационное оформление текста на его понимание, какова реакция читающих на знаки препинания.

Материалом для исследования послужили тексты на русском и английском языке с **пунктуационным омографизмом**. Под термином «пунктуационный омографизм» понимается совпадение различных функций, выполняемых знаками препинания внутри предложения, вследствие чего возникает неоднозначное понимание читаемого текста [3]. Например: *Bob said, "Alex, Mike's brother, as far as I know, played football very well". Боб сказал: «Алекс, брат Майка, насколько мне известно, очень хорошо играл в футбол».*

В данном предложении мы наблюдаем случай пунктуационного омографизма (как в английском, так и в русском варианте), где возможно несколько вариантов интерпретации смысла предложения: 1) *Alex (Алекс)* – можно понять как обращение к собеседнику; 2) *Alex (Алекс)* – можно расценивать как подлежащее, а *Mike`s brother (брат Майка)* – как обособленное приложение.

Для исследования того, как воспринимаются подобные тексты на русском и английском языке, как разное пунктуационное оформление текстов влияет на его понимание, мы обратились к методике коммуникативно-направленного эксперимента, предложенной Н.Д. Голевым [1]. Для проведения эксперимента нами был подобран список предложений с пунктуационным омографизмом, содержащих различные случаи обособления: *обращение, вводная конструкция, обособленное приложение*. После этого они были включены в более широкие контексты, созданные нами. Содержание русского и английского варианта было идентичным.

1. Тренер обратился к своему ассистенту. Он сказал: «**Евгений,** брат Михаила, насколько я знаю, очень хорошо играл в футбол». A coach addressed his assistant. He said, "**John**, Mike's brother, as far as I know, played football very well".

2. Моряк сказал: «Мы были в море долго, **я думаю,** 10 часов». The sailor said, "We have been at sea for a long time, **I think**, for ten hours".

3. Евгений спросил Петю: «Кто придет к тебе на день рождения?». Петя ответил: «Ну, там будет Саша, Миша, **мой брат**, моя сестра Аня». John asked Peter, "Who is going to come to your birthday?" Peter answered, "Well, there will be Alex, Mike, **my brother**, and my sister Ann".

В эксперименте приняли участие **100 русскоязычных носителей** (студенты БПГУ). Разным группам испытуемых предлагались на восприятие вышеуказанные тексты на русском и английском языке с разными вариантами пунктуационного оформления: с правильно расставленными знаками препинания и с пунктуационными ошибками. Испытуемым предлагалось письменно выполнить следующие задания: 1) прочитать тексты (для английских текстов необходимо было дать письменный перевод); 2) ответить на вопросы, проясняющие, как испытуемые поняли смысл письменного высказывания (следует заметить, что изначально в текстах существовала возможность их неоднозначного понимания); 3) ответить на вопрос, проясняющий, какие факторы влияют на восприятие и понимание данных текстов, в какой степени пунктуационное оформление данных текстов мешает их восприятию, замечают ли реципиенты возможность их неоднозначного понимания. Формулировка вопроса была следующая: «*Мешало ли Вам что-нибудь при прочтении данного текста? Заметили ли Вы что-нибудь неправильное в данном тексте?*».

При интерпретации результатов, полученных в ходе эксперимента, к «правильным» ответам мы относили те, которые совпадали с изначальной коммуникативной интенцией пишущего (в нашем случае – автора эксперимента), т.е. **«правильным»** считался ответ реципиента, **совпадающий с «авторским»**. По нашему мнению, в таких случаях достигается успешность акта письменной коммуникации, устанавливается взаимопонимание субъектов письменного общения. Напротив, при «неправильных» ответах реципиентов («других» ответах, не совпадающих с «авторским») правомерно говорить о коммуникативной ошибке (неверной интерпретации смысла письменного высказывания) [1].

Всего по всем трем текстам *с правильной пунктуацией* было получено 75 реакций на русские варианты и 75 реакций на английские варианты. Такое же количество реакций было получено и на тексты *с пунктуационными ошибками*. Результаты, полученные в ходе проведенного эксперимента, мы представили в виде процентного соотношения **«положительных» ответов** и **отрицательных» ответов** реципиентов по русским и английским текстам. К **«положительным» ответам** мы отнесли все «правильные» ответы по первому, второму и третьему тексту, без выделения реципиентами причин, препятствующих их восприятию. К **«отрицательным» ответам** мы отнесли все остальные ответы испытуемых, включающие неправильные ответы по смыслу, неоднозначные ответы, указание на помехи, препятствующие пониманию текстов, в том числе и знаки препинания как помехи).

Общие результаты проведенных экспериментов (на материале русского и английского языков) представлены в следующей таблице:

Тексты № 1, № 2, № 3		Ответы на вопросы по содержанию текста		Ответы на вопрос по восприятию текста (*Мешало ли Вам что-либо при прочтении текста?*)	
		положительных ответов	отрицательных ответов	положительных ответов (ничего не мешало)	отрицательных ответов
Тексты с правильной пунктуацией	**Русские варианты**	**68%**	**32%**	**49,3%**	**50,7%**
	Английские варианты	**62,7%**	**37,3%**	**34,7%**	**65,3%**
Тексты с пунктуационными ошибками	**Русские варианты**	**86,7%**	**13,3%**	**76%**	**24%**
	Английские варианты	**80%**	**20%**	**46,7%**	**53,3%**

Эксперимент показал, что в текстах с обособленными членами в случаях пунктуационного омографизма пунктуационные ошибки не всегда оказывают *отрицательное* влияние на восприятие и понимание смысла, более того, нормативно правильная пунктуация может провоцировать большее количество «неправильных» ответов (не адекватных коммуникативной интенции пишущего), чем пунктуационные ошибки. Для подтверждения этого приведем статистические данные.

По *русским* текстам наблюдается: 1) **увеличение** количества **«правильных» ответов по содержанию текстов** с 68% (по текстам с правильной пунктуацией) до 86,7% (по текстам с ошибками); 2) **уменьшение** количества **«неправильных»** ответов **по содержанию текстов** с 32% (по текстам с правильной пунктуацией) до 13,3% (по текстам с ошибками).

По *английским* текстам наблюдается: 1) **увеличение** количества **«правильных» ответов по содержанию текстов** с 62,7% (по текстам с правильной пунктуацией) до 80% (по текстам с ошибками); 2) **уменьшение** количества **«неправильных»** ответов **по содержанию текстов** с 37,3% (по текстам с правильной пунктуацией) до 20% (по текстам с ошибками).

С точки зрения способности создавать помехи при восприятии текстов с пунктуационным омографизмом нормативная пунктуация часто обладает бо̲льшим «помехообразующим» потенциалом, чем «ненорма-

тивная» пунктуация (как в русском, так и в английском языке). Таким образом, следует согласиться с Н.Д. Голевым в том, что пунктуационные ошибки с нормативной точки зрения не всегда оказываются ошибками с коммуникативной стороны и могут рассматриваться как пунктуационные варианты, обусловленные конкретной коммуникативной ситуацией (замена знака на другой, постановка или пропуск знака).

Таким образом, в ситуации синтаксической омонимии как в русском, так и в английском языке знаки препинания должны обеспечить беспрепятственное, однозначное понимание письменного высказывания. Смыслодифференцирующая роль знаков препинания в рассматриваемых языках особенно четко проявляется в условиях синтаксической омонимии, в способности этих знаков акцентировать важные для пишущего части высказывания, передающие его конкретную коммуникативную интенцию. Возможность различной интерпретации текста в зависимости от его пунктуационного оформления подтвердил проведенный нами эксперимент.

Литература

1. ***Голев Н.Д.*** Исследование русской пунктуации в коммуникативном аспекте: постановка проблемы и программа экспериментального исследования // Языковая ситуация в России начала XXI века: Материалы международной научной конференции. Кемерово, 2002. Т. 1. С. 146–160.

2. ***Голев Н.Д., Тискова О.В.*** Омофонический и омографический фонды русского языка. Часть 5. Синтаксические омофоны и омографы как «полигон» для изучения коммуникативного функционирования русских знаков препинания // Известия Алтайского государственного университета. 2003. № 4. Серия: История, филология, философия и педагогика. Барнаул, 2003. С. 49–54.

3. ***Колесников Н.П.*** Пунктуационный омографизм // Синтаксическая омонимия в простом предложении. Ростов-на-Дону, 1981. С. 116–127.

4. ***Орехова Н.Н.*** Пунктуация и письмо (на материале русского и английского языка). Ижевск: Издательский дом «Удмурдский университет», 2000. 216 с.

5. ***Тискова О.В.*** Проблема влияния пунктуации на письменно-речевые коммуникативные процессы (на материале интерпретации читающим письменных текстов): Дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 163 с.

СИНЛЕКС И СЛОВО: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СУБСТАНТИВ-СУБСТАНТИВНОЙ СИНЛЕКСИКИ)

Т.В. Вяничева
Томский государственный педагогический университет

В последние десятилетия (начиная с 1970-х гг.) одним из актуальных и активно развивающихся направлений современной русистики в рамках Томской лингвистической школы является т.н. **синлексикология** – относительно новый раздел лексикологии, объектом рассмотрения которого является т.н. **синлексика** (термин Г.И. Климовской [1]) – весьма многочисленный и разнообразный по частеречной принадлежности пласт составных номинативных единиц русского языка.

Синлексы – это композитивные (раздельнооформленные), устойчивые по составу и порядку следования лексических элементов, воспроизводимые единицы номинативного состава языка, характеризующиеся функциональной и семантической цельностью и экспрессивно-стилистической нейтральностью и по выполняемой «чисто» номинативной функции по отношению к одному отдельному факту объективной действительности являющиеся эквивалентами одного слова.

Синлексика русского языка обладает способностью объединяться в группировки по формально-семантическому и функциональному признаку, каковыми являются деривационные типы и части речи.

Приведем примеры синлексов различной частеречной принадлежности: *земной шар, подводная лодка, головной убор, гаечный ключ, условный знак* (субстантив-адъективные); *техника безопасности, знаки препинания, произведение искусства, способ производства, камера хранения* (субстантив-субстантивные); *оказать помощь, иметь значение, выйти из употребления, принимать во внимание, давать согласие* (вербальные); *средних лет, комнатной температуры, цвета морской волны, готовый к употреблению, красного дерева* (адъективные); *в порядке очереди, на общих основаниях, на всякий случай, по крайней мере, в полную силу* (адвербиальные); *(быть) в безвыходном положении, на грани срыва, в аварийном состоянии, в развернутом виде, в центре внимания* (стативные).

Предметом нашего рассмотрения является один из частеречных разрядов синлексики современного русского языка – т.н. субстантив-субстантивная синлексика (синлексы, состоящие из двух содержательных и структурно-морфологических компонентов субстантивной отнесенности и выступающие в качестве аналитического эквивалента имени существительного).

Темой настоящего сообщения является сопоставление синлекса и собственно слова той же частеречной отнесенности.

В качестве основных признаков собственно слова можно выделить следующие: (1) семантическое единство (смысловая цельность и самостоятельность); (2) фонетическое единство (наличие единого ударения); (3) грамматическое (морфологическое и синтаксическое) единство.

Наиболее полно список определений слова представлен в монографии Д.Н. Шмелева «Проблемы семантического анализа лексики» [2]. Отличаясь от части слова более свободной выделимостью, слово характеризуется определенной внутренней цельностью, отличающей его от словосочетания. В отличие от словосочетания, слово может быть охарактеризовано как номинативная единица, обладающая цельнооформленностью. Еще одно из существенных свойств слова – его идиоматичность, т.е. невыводимость значения целого из совокупности значений входящих в него частей.

В качестве основного признака, объединяющего синлекс и собственно слово, выступает тождество номинативной функции. Как отмечает Г.И. Климовская, «и слово, и синлекс являются именами единиц референционной действительности и вследствие этого соотнесены первое с простым, а второй со сложным, но тоже с одним понятием» [1. С. 66].

Сопоставление слова и синлекса актуализирует прежде всего структурный, грамматический и семантический параметры измерения. При этом данные единицы обнаруживают следующие конститутивные и дифференциальные признаки: (1) структурная монолитность / структурная композитивность; (2) семантическая монолитность / семантическая монолитность или композитивность; (3) грамматическая цельнооформленность / грамматическая раздельнооформленность.

Вслед за Г.И. Климовской, под семантической монолитностью или композитивностью синлекса мы будем подразумевать «функцию от включенности или невключенности данного синлекса в специфический родо-видовой блок (парадигму). Семантически монолитные синлексы входят в лексическую систему языка непосредственно, а вхождение в систему языка семантически композитивных синлексов опосредовано родо-видовыми блоками…» [1. С. 10].

В массиве субстантив-субстантивной синлексики представлены как семантически монолитные, так и семантически композитивные единицы.

Примеры семантически монолитных синлексов: *режим дня, линия горизонта, состояние здоровья, аттестат зрелости, история болезни, бой быков, группа крови, курс лечения, прогноз погоды, стаж работы, касса взаимопомощи* и т.п.

Примеры семантически композитивных синлексов: *снижение цен – повышение цен, упадок сил – прилив сил, резьба (по дереву, по кости, по камню), тетрадь (в клеточку, в прямую линейку, в косую линейку)* и т.п.

Семантически композитивные синлексы обладают единством референции, но на уровне пресуппозиции происходит как бы «отталкивание» данного синлекса от других синлексов, входящих в тот же родо-видовой блок, их противопоставление.

Несмотря на большое давление орфографической и грамматической раздельнооформленности синлекса, его семантическая цельность делает его эквивалентом слова в функциональном смысле. Подобно слову, синлекс только в полном своем составе включается в систему значимостей языка, за ним стоит отдельный предмет-референт, факт, «кусочек» объективной действительности. Но, в отличие от слова, синлекс – это составная номинативная единица. Хотя свойство функциональной цельности объединяет слово и синлекс (и та, и другая единицы именуют один отдельный факт реальной действительности), у слова цельность проявляется как в плане выражения (как грамматическая цельнооформленность), так и в плане содержания (как наличие единого денотата, подкрепленное почти всегда присутствующей идиоматичностью), а у синлекса цельность является свойством только плана содержания.

Как и слово, синлекс может быть представлен как некоторый звуковой ряд, непосредственно направленный на определенную реалию в качестве целостной единицы обозначения. Синлекс представляет собой лексико-семантическое единство, имеющее фиксированную форму выражения данного содержания.

Номинативно несамостоятельные компоненты синлекса могут быть рассмотрены как омонимы соответствующих слов в самостоятельной номинативной функции.

Аналогично слову, синлексы обладают свойствами цельности значения, стабильности состава, способностью к неизменяемой воспроизводимости, неразрывностью фразовой структуры. Компонент синлекса, как и компонент слова, не может сам по себе иметь относящегося именно к нему определения, что свидетельствует о непроницаемости синлекса для других лексических единиц.

Синлекс, как и слово, характеризуется принадлежностью к определенной части речи, причем обладает ее общим категориально-грамматическим значением, соотносится с соответствующими цельными номинемами и выступает в качестве одного члена предложения.

Семантическая цельность определяет и способность синлексов вступать в синонимические отношения как с собственно словами, так

и между собой, а также создавать антонимические пары и родовидовые блоки.

Еще в большей степени, чем с простым словом, сближается синлекс со сложным словом. Сопоставим субстантив-субстантивные синлексы и такие сложные слова, как *времяпрепровождение, местожительство, местопребывание, местонахождение, месторасположение, месторождение, здравоохранение, жизнеобеспечение, мировосприятие, землетрясение, жизнеописание, волеизъявление, летоисчисление, растениеводство, правозащитник, престолонаследник, жертвоприношение, кровотечение, кораблекрушение, мореплавание, головокружение, рукопожатие* и т.п.

Никакие другие критерии, кроме формального (грамматической и орфографической раздельнооформленности), для разграничения синлекса и сложного слова непродуктивны.

И синлекс, и сложное слово являются выразителями понятий, в силу чего характеризуются единством значения компонентов. И та, и другая единицы обладают способностью соединяться со словообразовательными аффиксами и становиться основами для производства новых слов. И синлекс, и сложное слово сохраняют устойчивость в порядке расположения составных компонентов.

Синтаксические отношения между элементами сложного слова и синлекса подчинены логическим целям выражения единого значения. При этом в синлексе они проявляются отчетливее, т.к. имеют в нем свои формально-грамматические показатели. Однако и в синлексе синтаксические отношения испытывают различную степень затемненности.

В деривационной структуре синлекса выделяются составные компоненты более или менее равного семантического веса, которые могут быть уподоблены основам, являющимся компонентами сложных слов. Но компоненты синлексов соединены как слова, т.е. посредством грамматического их оформления, а не как части слов, т.е. лексическим способом.

Не только сложное слово, но и синлекс, могут быть (и очень часто являются) идиоматичными.

Грамматическая и орфографическая цельнооформленность и наличие единого ударения являются основными критериями отграничения слова от синлекса. (Хотя в некоторых сложных словах бывает два ударения: одно основное и второе дополнительное).

Следует отметить, что различные категориально-семантические разряды синлексики демонстрируют различную степень близости к собственно слову. Субстантив-субстантивные синлексы, представляющие собой синтагму со связью управления в основе, менее сходны с собственно словом, несмотря на их функциональное тождество, чем субстантив-

адъективные синлексы, в синтаксической основе которых лежит связь согласования – самая тесная синтаксическая связь, уникальная в этом смысле.

Сопоставляя синлексы и аналитические формы слов, которые, будучи раздельнооформленными единицами, обладают семантической слитностью, необходимо отметить, что синлекс является эквивалентом слова во всей системе его форм и сам может образовывать парадигму, а аналитическая форма слова создается по определенной модели как частное проявление слова, выступая в качестве одной из манифестаций определенной лексической единицы, соотносясь с другими формами, входящими в парадигму.

Литература

1. ***Климовская Г.И.*** Субстантив-атрибутивная синлексика современного русского языка. Томск, 1978.

2. ***Шмелев Д.Н.*** Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

ИННОВАЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ В КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ СРЕДНЕ- И РАННЕНОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Н.С. Жукова
Томский государственный педагогический университет

Анализ памятников средневерхненемецкого периода показал, что в языке данного периода существовали те же наклонения, что и в древневерхненемецком языке, а именно: индикатив, императив и оптатив.

Индикатив имел в средневерхненемецкий период то же парадигматическое значение, что в древневерхненемецком языке, т.е. он выражал действия действительные в настоящем, прошедшем и будущем времени и употреблялся в повествовательных и в вопросительных предложениях. Ср.:

1..... Ein ritter sô gelêret ***was****, daz er an den buochen* ***las****, swaz er dar an geschriben* ***vant****; – A.H.1-3 – "рыцарь* ***был*** *таким образованным, что* ***читал*** *в книгах всё, что там* ***было*** *написано (всё, что находил написанное)"*

2. Dô ***sprach*** *der künic von Rîne: "ez* ***sint*** *mine man." – Nib. 509, 1 – "Тут князь с Рейна* ***сказал****: «Это мои люди.»"*

В отличие от индикатива оптатив в этот период существенно ослабил по сравнению с древневерхненемецким языком свои позиции в простом предложении, так как его функции в средневерхненемецком языке переходят к модальным глаголам, развивающимся из претерито-презентных глаголов [1]. Например для выражения пожелания презенс оптатива употреблялся только в третьем лице:

3. Minen willen ***gelte*** *mir,* ***sende*** *mir ir guoten willen, minen den* ***habe*** *iemer ir. – W.V. 99, 38–39 – '****Пусть*** *она* ***отдаст*** *мне мои желания,* ***пусть*** *пошлёт мне своё расположение, мои* ***пусть*** *всегда* ***остаются*** *у неё.'*

4. ... lob ich hie, sô ***lobe*** *er dort. – W.V. 53, 32 –'...хвалю я здесь, так* ***пусть*** *он* ***хвалит*** *там.'*

Во втором лице единственного и множественного числа для выражения побуждения в независимом предложении употреблялся императив. Ср.:

5. "Nu ***versprîch*** *ez niht ze sére", sprach aber ir muoter dô... – Nib. 16 – '"не* ***обещай*** *так много", – сказала ей тут мать...'*

*6. "****saget*** *mir, liebiu vrouwe, wer hât iu iht getân?" – Nib. 852 – '****Скажите*** *мне, любимая, кто обидел Вас?'*

7. "Nu ***lât*** *iuch niht betriegen", sprach Hagene. – Nib. 1461 – '"Не* ***позволяйте*** *себя обольщать", – сказал Хаген.'*

Как следует из приведённых примеров (3–7), в средневерхненемецком языке между императивом и оптативом устанавливаются отношения до-

полнительной дистрибуции. Во втором лице единственного и множественного числа для выражения волеизъявления употреблялся императив, в третьем лице – оптатив, т.е. формы оптатива пополнили парадигму императива.

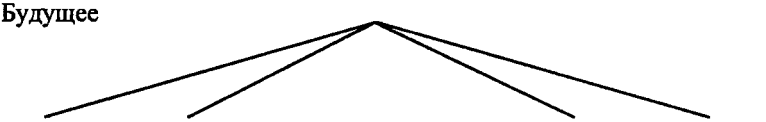
В средневерхненемецком языке формы первого лица множественного числа императива, презенса оптатива и презенса индикатива совпадали, и для выражения приглашения к совместному действию употреблялась синкретичная форма с окончанием -en. Ср.:

*8. ...nû **binden** ûf die hélme... – Nib. 1541 – '...**давайте оденем** шлемы...'*

*9. ... **gên** wir zuo dés meien hôhgezote... – W.V. 46, 22 –'...**давай пойдём** на мою свадьбу...'*

В процессе анализа языкового материала не было выявлено ни одного примера употребления оптатива в независимом предложении для выражения сомнения, вероятности или значения будущего. Однако для выражения темпоральной семантики будущего в средневерхненемецкий период употреблялись выступающие в модальной функции претерито-презентные глаголы *suln, wellen, mьezen* в конструкции с инфинитивом. Кроме указанных глаголов значение будущего, как отмечается в лингвистической литературе, выражала также конструкция "*werden* + причастие настоящего времени". Её употребление продолжалось вплоть до XV в., но уже в средневерхненемецкий период наряду с вышеуказанной конструкцией появляется конструкция "*werden* + инфинитив", употребляющаяся также для выражения будущего времени [3. С. 285; 4. S. 226; 5. С. 84]. Ср.:

Будущее



Таким образом, в средневерхненемецком языке претерито-презентные глаголы, выступающие в модальной функции, могли выражать значение будущего времени. По мнению В.М. Жирмунского, "в большинстве германских языков (в английском, голландском, шведском, в нижненемецких диалектах) именно из модального будущего с глаголами *sollen* и *wollen* развилась грамматическая форма будущего" [3. С. 285].

Сопоставительный анализ семантики наклонений в древне- и средневерхненемецком языках показал, что в средневерхненемецкий период

продолжается перестройка системы наклонений. Основной инновацией данного периода является распад оптатива. Презентные формы оптатива уже не употребляются в независимом предложении для выражения пожелания, запрета или будущего, как в древневерхненемецком языке. Они встречаются только в различных типах придаточных предложений, то есть презенс оптатива теряет свойственные ему в древневерхненемецком языке значения и становится средством выражения подчинения в придаточных предложениях.

Формы оптатива употреблялись в средневерхненемецкий период в различных типах придаточных предложений, в том числе в предложениях, выражающих косвенную речь. Ср.:

10. do in daz wart geseit, daz ez der künec ***waere*** *... – Nib. 193 – 'Тут им было сказано, что он король ...'*

11. inteniuwe maere sich huoben über Rin, man sagte daz da ***waere*** *manec scoene magedin. – Nib. 325 – 'Новые слухи полетели через Рейн, говорили, что там* ***было*** *много красивых девушек.'*

В этих примерах косвенная речь выражена претеритом оптатива, так как содержание высказывания представлялось говорящему неочевидным, гипотетичным.

В то же время в ряде примеров формы оптатива не передают какого-либо особого отношения говорящего к сообщаемому факту. Ср. например:

12. Sifride und Kriemhilde wart beiden so geseit daz ritter ***komen waeren*** *... – Nib. 740 – 'Зигфриду и Кримхильде тогда сообщили, что* ***прибыли*** *рыцари ...'*

13. ouch hœre ich iu selben der degenheite jehen daz man künec deheinen küener ***habe gesehen.*** *– Nib. 108 – 'И я слышу, как вы сами, рыцари, утверждаете, что никогда не* ***видели*** *более смелого короля.'*

В примерах 12–13 передаётся объективный факт, произошедший в действительности, и, следовательно, оптатив выступает средством выражения косвенной речи, а не гипотетичности.

В средневерхненемецкий период намечается преобразование форм оптатива в конъюнктив косвенной речи (в комментатив по терминологии Л.С. Ермолаевой [2]). Формы оптатива постепенно утрачивают функцию выражения гипотетичности и становятся средством выражения "чужой" речи. Наметившаяся в средневерхненемецкий период тенденция к приобретению оптативом (>комментативом) значения косвенности высказывания подкрепляется параллельным становлением в исследуемый период аналитической формы перфекта оптатива [3. С. 282–283]. Эта тенденция получает своё дальнейшее развитие в ранненововерхненемецкий период.

Отличительной чертой модальной системы средневерхненемецкого языка становится регулярное употребление форм претерита оптатива для выражения нереальности. Ср.:

*14....**hete** er sîn swert enhende, sô **wære** ez Hagenen tôt... – Nib. 927, 3 – "...если **бы** у него в руках **был** меч, то Хаген **был бы** мёртв..."*

*15. mir wart niht anders dâ gesaget, wan daz ich müese hân ein maget, diu ... des willen **wære,** daz sî den tôt durch mich **lite** ... – H.A. 445–449 – "мне не было сказано ничего другого, кроме того, что я должен найти девушку, которая **была бы** согласна умереть из-за меня..."*

В данный период начинается также развитие аналитической формы плюсквамперфекта (ср. [3. С. 284]), которая включается в парадигму ирреалиса, что обуславливает его дальнейшее вхождение в систему наклонений.

Таким образом, в средневерхненемецком языке в основе категории наклонения лежит четырёхчленная оппозиция: индикатив / императив / оптатив (>комментатив) / ирреалис. Индикатив выражал действия действительные, так как в средневерхненемецкий период специальная форма будущего времени ещё не сформировалась. Значение будущего выражалось конструкциями с глаголами *suln, wellen, müezen* и *werden*. Императив, оптатив (>комментатив), ирреалис обозначали действия недействительные. Семантической основой категории наклонения остаётся противопоставление "действительность / недействительность".

В ранненововерхненемецком языке завершается формирование класса модальных глаголов [1], которые берут на себя функцию оптатива в независимом предложении – функцию выражения внутренней модальности, присущую оптативу в предшествующие периоды развития немецкого языка.

В ранненововерхненемецкий период в придаточных предложениях происходит дальнейшее изменение модальной семантики оптатива. Анализ текстового материала показал, что в данный период оптатив употребляется для передачи косвенной речи регулярно. Это свидетельствует о преобразовании оптатива в комментатив (конъюнктив косвенной речи). Ср.:

*16.... und hast die 24. Jar hero gemeinet, es **sey** alles Goldt, was glesset. – Fst. S. 117 – '... и 24 года считал, что всё то золото, что блестит.'*

*17. Zum ersten, wen man hat auff sie drungen, mit weltlicher gewalt, haben sie gesetzt und gesagt, weltlich gewalt **habe** nit recht, ubir sie, sondern widderumb, geystlich **sey** ubir die weltliche. – Lut. An den Adel – 'Во-первых, когда на них оказывали давление светской силой, они утверждали и говорили, что светская сила не **имеет** власти над ними, а наоборот духовное **господствует** над светским.'*

В этот же период, в XIV–XV вв., завершается развитие аналитической формы перфекта оптатива [3. С. 283], что закрепляет позиции комментатива в системе наклонений.

Распространение в ранненововерхненемецком языке аналитических форм плюсквамперфекта оптатива и кондиционалиса [3. С. 290] свидетельствует об окончательном формировании парадигмы ирреалиса.

В отличие от средневерхненемецкого периода, в котором значение будущего выражалось конструкциями с глаголами *sollen, wollen, müssen* и *werden*, в ранненововерхненемецкий период формируется специальная форма будущего времени. Германисты отмечают, что в XV–XVII вв. происходит вытеснение инфинитивом причастия настоящего времени из описательного оборота с глаголом *werden* и окончательная грамматикализация конструкции "*werden* + инфинитив", за которой закрепляется грамматическое футуральное значение [3. С. 284; 4. С. 225, 272].

Передача значений внутренней модальности от претерито-презентных глаголов оптативу, изменение его модальной семантики, становление ирреалиса, вхождение формы будущего времени в парадигму индикатива привело к перестройке в системе наклонений и её переориентации с внутренней на объективную внешнюю модальность. Начиная с ранненововерхненемецкого периода, индикатив, в парадигму которого вошла форма будущего времени, выражающая недействительность, становится средством выражения действий недействительных, но реальных. Реальными представляются "действия, не только осуществившиеся или осуществляющиеся в определённый отрезок времени, но и действия, реальность осуществления которых возможна, желательна, необходима или же только предполагается" [2. С. 70].

Комментатив, употребляемый для выражения косвенности высказывания, и императив, выражающий действия желательные и возможные, то есть недействительные, являются, как и индикатив, средствами выражения реальных действий. По общему модальному значению реальности они могут быть объединены в одно наклонение – реалис, которое противостоит наклонению – ирреалис, выражающему нереальность. Нереальными являются "действия, не осуществившиеся либо неосуществимые в обозначенный отрезок времени (имплицитное отрицание), о которых, однако, условно говорится как об осуществившихся или осуществимых (отсутствие прямого указания на отрицание)" [2. С. 70].

Таким образом, начиная с ранненововерхненемецкого периода, основой категории наклонения становится семантическое противопоставление "реальность/нереальность", и категория наклонения принимает тот вид, в котором существует в современном немецком языке. В ранненово-

верхненемецком языке в основе категории наклонения лежит двухчленная оппозиция: реалис/ирреалис, где реалис представлен тремя компонентами: индикативом, императивом и комментативом, ирреалис – претеритальными формами конъюнктива.

Литература

1. ***Бабакина Т.Н.*** Становление модальных глаголов как выразителей внутренней модальности в немецком языке (сопоставительный анализ готского, древне-, средне- и ранненововерхненемецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 24 с.

2. ***Ермолаева Л.С.*** Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М.: Высшая школа, 1987. 126 с.

3. ***Жирмунский В.М.*** История немецкого языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956. 378 с.

4. ***Moskalskaja O.J.*** Deutsche Sprachgeschichte. Moskau: Academia, 2006. 288 s.

5. ***Филичева Н.И.*** История немецкого языка. М.: Академия, 2003. 304 с.

Источники и принятые сокращения

1. **A.H.** – Hartmann von Aue. Der arme Heinrich: Mittelhochdt. Text und Ьbertragung. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verl., 1981. 135 S.

2. **Fst.** – Das Volksbuch vom Doktor Faust. Nach der um die Erfurter Geschichten vermehrten Fassung hrsg. und eingel. von Josef Fritz. Halle a. S.: Niemeyer, 1914. 134 S.

3. **Lut. An den Adel.** – Luther M. An den christlichen Adel deutscher Nation von des christlichen Standes Besserung (1520) // D. Martin Luthers Werke. Kritische Gesamtausgabe, Bd. 6. Weimar, 1888. S. 404–469.

4. **Nib.** – Das Nibelungenlied: Zweisprachig. Hrsg. u. Ьbertr. von Helmut de Boor. Leipzig, 1992. S. 719.

5. **W.V.** – Walter von der Vogelweide. Die Lieder. Mittelhochdeutsch und in neuhochdeutscher Prosa. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. S. 299.

СТРУКТУРА АНТРОПОНИМОВ ТОМСКОГО УЕЗДА XVII в.: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Л.А. Захарова
Томский государственный университет

Несмотря на большой интерес исследователей к антропонимии особенно в последние десятилетия (см. работы И.М. Ганжиной, И.А. Королевой, Е.Н. Поляковой, И.Н. Поповой, С.Н. Смольникова, А.В. Суперанской, Ю.И. Чайкиной и многих других), до настоящего времени нет полного русского исторического ономастикона. Изучение антропонимов различных регионов разных эпох является актуальным, так как поможет решению главной задачи исторической антропонимии – составлению полного словаря русских антропонимов на базе региональных антропонимических систем. Обращение автора статьи к антропонимии Томского уезда XVII в. объясняется недостаточной изученностью антропонимов Сибири в важнейший момент развития антропонимов.

Источниками работы являются деловые памятники четырех острогов: Кетского (1605 г.), Кузнецкого (1618 г.), Нарымского (1598 г.) и Томского (1604 г.), находящихся в XVII в. на территории Томского уезда и основанных в конце XVI – начале XVII в.

Цель настоящей статьи – представить сопоставительный анализ антропонимов указанных острогов в структурном аспекте.

В деловом письме всех анализируемых острогов представлено несколько антропонимических моделей русского населения.

I. В основном это двучленные модели, состоящие из имени (чаще христианского (Х), редко русского (Р)), и патронимы (отчества на -ов, -ин), или фамилии (от христианского имени (х) или от нехристианского, русского имени (р)).

1. Модель Х + х, где христианское имя стоит в официальной полной форме, во всех четырех острогах представлена немногочисленными примерами: Алексей Андреев, Илья Осипов, Григорий Елизаров и др. Намного чаще указанная модель представлена во всех четырех острогах ее разновидностью, где христианское имя стоит в неофициальной форме: Афонька Алексеев, Якушко Григорьев, Лёвка Устинов и мн. др.

2. Модель Х + р, где христианское имя чаще всего в неофициальной форме стоит рядом с патронимом или фамилией, образованной от русского отпрозвищного апеллятивного имени: Андрюшка Барышев (барыш – прибыль), Сергушка Бобылев (бобыль – бедный, безземельный крестьянин [1. С. 38]), Афонасей Батажков (батог, батожок – палка, ду-

бинка [2. I. С. 134]) и др. Многие русские фамилии жителей острогов Томского уезда XVII в. образованы от древнерусских мирских имен и от прозвищ по роду деятельности: Васька Воинов, Артюшка Колесников, Бориска Колпашников, Савко Коновалов и др.

3. Модель Х + Р представлена в основном в деловом письме Томского, Кетского и Кузнецкого острогов: Ивашка Комар, Гриша Морж, Василей Хохол и др. Намного реже прозвище выражается именем прилагательным, обозначающим признак, качество человека: Иван Зубатый, Гришка Дурной, Ивашко Долгой и др., либо географическое название: Лука Донской. В Нарымском остроге XVII в. такая модель отсутствует. В Кузнецком остроге в этой модели второй компонент является либо нерусским (чаще тюркским) наименованием, либо словом с заимствованием в основе, оформленным по русской словообразовательной модели: Иван Байдай, Олёшка Куртук, Григорей Арыков и др.

4. Модель Р + р: Владимир Молчанов, Постник Бельский, где фамилия не столько русская, сколько украинская [Унбегаун, 236], образована от географического названия, Богдан Балкашин, фамилия которого образована от географического названия тюркского происхождения [1. С. 116]. Такая модель в каждом остроге встречается в виде единичных примеров.

5. Х + р', где р' – фамилия или патроним, образованный от прилагательного, стоящего в родительном падеже: Гарасим Дурново. Модель единична во всех острогах, в Кузнецком остроге такой модели не зафиксировано.

6. Модель Р + х представлена в основном в Томском, Кузнецком и Нарымском острогах: Первушка Васильев, Поспелко Иванов, Болотко Климентьев, Дружинка, Нехорошко Матвеев, Гривка Сидоров, Шестачко Яковлев, Гуляйко Савин, Заметенка Захаров и др. В Кетском остроге такая модель представлена единичным примером: Ушак Петров. Двучленные модели именования в Томском уезде XVII в. были свойственны не только людям низшего сословия, но и людям более высоких сословий: Логин Доможиров, Григорий Засецкий (воеводы), казачья голова Молчан Лавров и др.

В различные годы в разных регионах Томского уезда, например, в Кузнецком остроге с 30-х гг. XVII в., в Кетском остроге с 80-х гг. и т.д., в списках служилых людей и пашенных крестьян появляются II трехчленные модели. Наиболее типичной моделью для всех четырех острогов была модель

1. Х + х + р: Васька Андреев Барышев, Оська Григорьев Коновалов и мн. др. К этой же модели антропонимов относим антропонимы, в кото-

рых третий член является фамилией или прозвищем по географическому названию: Ивашко Трифонов Вычегжанин, Андрюшка Анисимов Тверитин и др.

2. Модель Х + х + Р является наиболее типичной для двух острогов: Томского и Кетского: Федька Михайлов Глухой, Ивашко Кирилов Комар, Ивашка Аристов Сапожник, Тришка Терентьев Пирог и др. В Нарымском остроге отмечаем единичный пример, где второй компонент стоит в род. п. мн. ч.: Ганка Дмитриевых Пермитин.

3. Модель Х + о + р, где второй компонент антропонима – отчество в современном оформлении: Данила Иванович Полтев (воевода), Василей Матвеевич Трегубов (воевода), Костянтин Осипович Щербаков (боярин), Данила Иванович Хрущов (воевода) и др. Как видно из примеров, подобная модель с отчеством на -ович во всех указанных острогах присуща только высоким должностным лицам (воеводам, боярам, стряпчим и т.д.).

В документах Кузнецкого острога XVII в. в отличие от Томского, Кетского и Нарымского острогов трехчленная модель представлена вариантом с отчеством на -ов: Андрюшка Иванов Шермаков, Тренька Семенов Сорокин, Федька Семенов Сорокин и др.

III. Четырехкомпонентные модели отмечены только в письменных памятниках Томского, Нарымского и Кетского острогов:

1. Х + х + сын + р: Микифор Михайлов сын Батажков, Куземка Сергеев сын Голящихин, Бориско Федоров сын Колпашников и др.

2. Х + х + сын + Р: Ивашка Семенов сын Колесник, Федька Михайлов сын Глухой, Ивашка Аристов сын Сапожник, Микитка Иванов сын Кривой, Тренька Яковлев сын Плотник и др.

3. Х + х + прозвище + Р: Федька Дмитриев прозвище Бык, Ивашка Васильев прозвище Пырла. Такие примеры даже в памятниках Томского, Нарымского и Кетского острогов единичны. Причем в памятниках Нарымского острога зафиксирована модель, не отмеченная ни в одном из перечисленных острогов: Х + прозвище + Р + р: Ларка прозвище Русанко Урзаков.

В списках Томского и Нарымского острогов встречаем особую четырехчленную модель, где четвертый компонент (второй патроним или фамилия) является именем существительным или прилагательным в род. п. ед. или мн. числа: Федька Третьяков сын Деева, Данилка Петров сын Жавново (в Томском остроге четвертый компонент выглядит следующим образом: Вострово, Высоких штей, Быстрово, Великосельсково, Пестрядинного, Чернавсково и др.).

Женские антропонимы в официальных документах Томского уезда XVII в. представлены единичными примерами: это либо одно имя (про-

скурня Каптелиница) с суффиксом -ица, либо модель Х + х: проскурня Палашка Яковлева, проскурня Ненилка Фёдорова.

Что касается отдельных компонентов антропонимических моделей, то проанализированные источники могут сказать несколько слов о втором патрониме или фамилии. Извлеченный материал позволяет предположить, что антропонимическая система Томского уезда XVII в. еще не сформировалась. Об этом говорят следующие факты: 1. Один и тот же человек может именоваться как с помощью фамилии, так и с помощью фамильного прозвища: например, в деловых документах Томского острога у одного человека находим разные наименования: Бардак и Бардаков, Безсонко и Безсонов, Берёза и Берёзкин, Бобр и Бобровский, Бык и Быков и мн. др. 2. Один и тот же человек мог именоваться по-разному в разных документах, например: Тимошка Агапитов = Тимошка Агапитов сын Портняга = Тимошка Портняга; Игнашко Олексеев = Игнашка Алексеев Петлин = Игнашко Петлин и др. 3. Фамилии родственников могут оформляться с помощью разных суффиксов, например: Борков и Борковский, Воронин и Воронов, Кобылин – Кобыльский – Кобыляков и др.

Неустойчивость фамильных именований отмечается также в Зауралье [4. С. 91], в отличие, например, от вологодских фамилий, которые имеют «сложившуюся морфологическую структуру и являются уже устойчивыми компонентами имени, выполняя функцию родового именования» [5. С. 55], хотя это заключение И.Н. Попова делает относительно вологодских фамилий начала XVIII в.

О том, что в Томском уезде в XVII в. еще не сформировалась антропонимическая система, говорит и то обстоятельство, что в отличие от фамилий Томского, Кетского и Нарымского острогов в Кузнецком остроге, вероятнее всего, фамилии жителей выступают в двух вариантах: 1. Это еще не фамилии в современном понимании, а патронимы, обозначающие принадлежность человека отцу. Об этом говорят следующие примеры из «Списка разрядного кузнецким детям боярским, и пятидесятникам, и десятникам, и рядовым конным казакам» 1680 г.: Осип Ананьин… отец Ананья родом Костромского уезда; Якушко Борисов… дед Дементей белозерец… отец Борис; десятник Ивашко Тихонов – отец Тихон Фёдоров, родом черкашенин; Гаврилко Григорьев, конный казак – отец Григорий, служил в Кузнецке и мн. др. Анализируемые примеры скорее всего говорят о том, что сложный процесс формирования фамилий на основе патронимов в разных регионах России проходил в разное время. Часть жителей Кузнецкого острога по какой-то причине еще в XVII в. имела в качестве дифференцирующего признака только имя и указание на принадлежность отцу, хотя в других регионах России, в том числе в Томском, Кетском и Нарымском

острогах, процесс формирования фамилий закончился значительно раньше, и вторые патронимы к этому времени (XVII в.) постепенно превратились в фамилию и закрепились за членами семьи, переходя из поколения в поколение. 2. Об этом свидетельствуют другие примеры, зафиксированные нами в тех же анализируемых памятниках: Афонька Брагинов... – отец Василий Брагинов на Москве был в стрельцах, Микитка Петлин... – отец Иван служил в Томске и мн. др.

Таким образом, проанализированные нами источники позволяют считать, что в XVII в. антропонимическая система Томского уезда находилась в стадии формирования. Это подтверждают как структурные модели (двухкомпонентные, четырехкомпонентные со словами «сын», «прозвище»), так и отдельные компоненты этих моделей. Даже в пределах одного уезда антропонимические системы жителей разных острогов находились на разных стадиях развития.

Литература

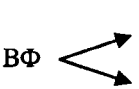
1. ***Федосюк Ю.*** Русские фамилии. М., 1981. 239 с.
2. ***Фасмер М.*** Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
3. ***Унбегаун Б.О.*** Русские фамилии. М., 1989.
4. ***Парфёнова Н.Н.*** Русские фамилии Зауралья XVII–XVIII вв. // Русская историческая лексикология и лексикография: результаты, проблемы, перспективы. Красноярск, 1993. С. 90–92.
5. ***Попова И.Н.*** Фамилии Вологды начала XVIII в. // История русского слова. Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вологда, 2002. С. 53–69.

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЯ ОБРАЗНЫХ СЛОВ ПО ПОКАЗАНИЯМ МЕТАЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Н.Н. Казакова
Томский государственный университет

Современная лингвистика понимает язык как орудие человеческого общения, компонент культуры, познания и мышления. [Караулов, 1987; Телия, 1988; Блинова, 1989 и др.]. В свете этого представления актуально изучение образности как отражения человеческого фактора в языке. Статья посвящена проблеме лексикографирования показаний языкового сознания носителей русского литературного языка, отражающих осознание образного значения слова. В ней представлены данные, полученные в результате непосредственного обращения к субъекту речи, его восприятию, пониманию и интерпретации образности слова. Исследование проводилось с опорой на одну из признанных концепций лексической образности, представленную в трудах О.И. Блиновой (1984, 1989) и Е.А. Юриной, (1995, 2004), согласно которой образность – это «структурно-семантическое свойство слова, характеризующееся семантической двуплановостью и метафоричностью внутренней формы» [Юрина, 2004. С. 20].

Языковой механизм, совмещающий представления о разнородных предметах в значении образного слова – метафора, выраженная во внутренней форме (ВФ). ВФ – это «морфо-семантическая структура, позволяющая объяснить связь звучания и значения слова» [Блинова, 1984, с. 26]. Она включает в себя мотивационную форму (МФ) – «значимые сегменты (или сегмент) звуковой оболочки слова, обусловленные мотивированностью» [Блинова, 1984, с. 19], и мотивационное значение (МЗ) – «значение или синтез значений МФ слова» [там же]. Образное слово имеет лексический мотиватор (ЛМ) – «мотивирующее слово, выявляющее в мотивируемом им слове лексическую мотивированность, связанную с выражением мотивировочного признака» [Блинова, 1984, с. 185]; и структурный мотиватор (СМ) – «мотивирующее слово, выявляющее в мотивируемом им слове структурную мотивированность, связанную с выражением классификационного признака» [там же]. Например в слове ***буквоед***, ЛМ: *буква, есть*, СМ: *мироед*, *дармоед* и ВФ может быть представлена как:



Под образным значением понимается целостный ассоциативный комплекс, включающий представление о разнородных предметах, их семантических свойствах и динамических проявлениях, реализациях этих свойств. Структура образного значения слова включает «денотатив (представление об объектах номинации), ассоциатив (эталонное представление об ассоциируемых понятиях) и символ (общие свойства, проявления свойств, впечатления от восприятия ассоциативных понятий)» [Юрина, 1994, с. 96].

Подход к проблеме образности со стороны субъекта речи предполагает несколько этапов работы: разработку способов сбора материала, его сбор, систематизацию и подробный анализ. Материал бал собран посредством психолингвистического эксперимента, для этого разработано несколько методик, которые способствуют воплощению метаязыкового сознания информантов [Казакова, 2001, 2006].

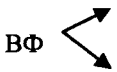
Данная работа представляет результаты этапа систематизации полученных в ходе эксперимента метатекстов. Для этого наиболее адекватным и продуктивным стал лексикографический подход, реализованный при составлении словаря собственно образных слов, составленного по материалам проведенного эксперимента и отражающего метаязыковое сознание носителей русского литературного языка.

С одной стороны, чтобы создать словарь, необходимо всесторонне и полно проанализировать полученные метатексты. С другой стороны, сам словарь послужит материалом для дальнейшего анализа осознания образности. Лексикографирование образных слов по экспериментальным данным представляется уникальным методом, позволяющим вскрыть характер восприятия образности, продемонстрировать различные варианты в осознании образных значений и их интерпретации, соотнести типовое и индивидуальное в восприятии и осознании образности.

Словарная статья включает заглавное слово – собственно образное слово, которое было дано в качестве стимула при анкетировании носителей русского литературного языка. Далее следует толкование (токования) значения слова, которое отражает метаязыковое сознание информантов. Если денотатив толкования образного значения слова близок к узуальному, то это указывается специальной пометой: ***ежевика*** *– 1*$_{у}$*) лесная ягода, которая растет на колючем кустарнике, его колючки напоминают колючки ежа; 2) лесная ягода, напоминающая по виду ежа.*

Токования строятся соответственно метатекстам, полученным в ходе эксперимента. Преимущественно используется описательный способ, что максимально эксплицирует ВФ слова. За толкованием словарную статью продолжает модель ВФ, лексический и структурный мотиваторы, которые определяются так же по метатекстам.

ЛМ: *ёж*
СМ: *брусника, голубика, черника, костяника*



Такое подробное описание морфо-семантической структуры лексической единицы необходимо для демонстрации механизма осознания образности слова информантами: сопоставление метаязыкового представления значения слова с узуальным дает возможность выявить особенности восприятия образной единицы носителями языка.

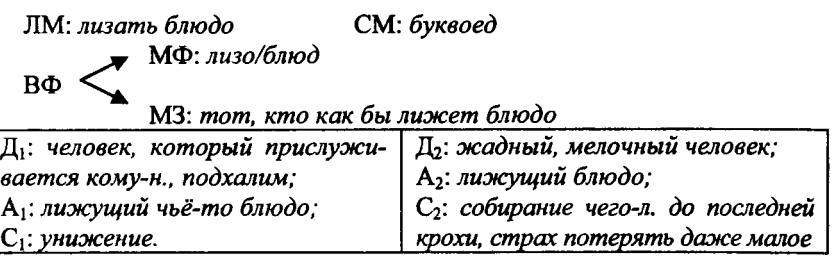
Далее следует схема структуры образного значения слова, компоненты которого выделены соответственно показаниям языкового сознания: Д – *родственное малине растение; колючий кустарник со съедобными ягодами, а так же сами ягоды, плоды;* $А_1$ – *колючки ежа;* $А_2$ – *еж;* С – *«колючий»*

Схема детально передает представление об образном значение слова информантами. В конце словарной статьи приведены метатексты, полученные в ходе эксперимента. Повторяющиеся или очень близкие по значению ответы информантов объединены в один. В скобках указано их количество. Отсутствие толкования мы приводим как 0 (ноль), так как отсутствие ответа – это тоже результат, который говорит о том, что значение этого слова не актуально для данного носителя языка (он не может мотивировать слово или не знает его лексического значения).

Метатексты в словарной статье расположены по степени экспликации в них компонентов структуры образного значения слова, то есть по степени осознания образности. Сначала представлены метатексты, в которых отражены все компоненты структуры, затем – ассоциатив и символ, в конце – необразные толкования, отражающие только денотативное содержание образной лексической единицы.

Например, на слово ***занозистый*** была выделена следующая структура и получены метатексты: Д: *надоедающий своими едкими, язвительными замечаниями, приставаниям;* А: *заноза;* С: *причиняющий неудобства, незначительную, но раздражающую боль.* Метатексты: *надоедливый, потому что пристаёт, как заноза* – все три компонента: *надоедливый* (Д), *как заноза* (А) и *пристаёт* (С); *приставучий, вредный* (С); *задиристый, раздражающий* (С); *вредный* (Д); *человек, который делает всем всё на зло, плохо* (Д).

Лизоблюд *1. Подхалим, как бы вылизывает за кем-то блюдо.*
2. Тот, кто «вылизывает блюдце», жадный



Метатексты – *тот, кто «вылизывает блюдце», жадный* (Д и А); *вылизывает блюда, подхалим* (Д и А); *подхалим, человек, не ценящий своё собственное человеческое достоинство* (Д и С); *человек, который заглядывает в рот людям, стоящим выше по рангу, социальному статусу* (Д и С); *подхалим* (Д); *подлиза* (Д); *«шестёрка»* (Д). Создание словаря образных слов, отражающего метаязыковое сознание носителей языка, открывает новые перспективы изучения образности, в первую очередь позволяет наиболее точно и объективно представить себе то, как носители языка осознают образное значение слов.

В перспективе предполагается проведение новых экспериментов и включение в словарь полученного материала. На основе уже созданного фрагмента словаря планируется проведение подробного анализа собственно образных единиц, полученных на них метатекстов с целью выявления механизмов и особенностей осознания образного значения слова носителями русского литературного языка.

Литература

1. ***Блинова О.И.*** Явление мотивации слов. Лексикологический аспект. Томск, 1984. 192 с.

2. ***Блинова О.И.*** Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. М., 1989. С. 122–127.

3. ***Казакова Н.Н.*** Исследование осознания образного значения слова разными социовозрастными группами на материале психолингвистического эксперимента // Картина мира: язык философия наука. Томск: ТГУ, 2001. С. 43–44.

4. ***Казакова Н.Н.*** Лексическая образность по данным психолингвистических экспериментов (в печати).

5. ***Караулов Ю.Н.*** Русский язык и языковая личность. М., 1987.

6. ***Мотивационный*** диалектный словарь (Говоры среднего Приобья). Т. 1–2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982–1983.

7. ***Ожегов С.И.*** Словарь русского языка. 18-е изд. М., 1986.

8. ***Психолингвистические*** исследования значения слова и понимания текста: Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Отв. ред. А.А. Залевская. Калинин: КГУ, 1988.

9. ***Ростова А.Н.*** Показания языкового сознания носителей диалектов как источник лексикологического исследования: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 1983.

10. ***Скляревская Г.Н.*** Метафора в системе языка. СПб., 1993.

11. ***Словарь*** образных слов и выражений народного говора / Под ред. О.И. Блиновой, Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.

12. ***Телия В.Н.*** Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке (язык и картина мира). М.: Наука, 1988. С. 172–184.

13. ***Юрина Е.А.*** Комплексное исследование образной лексики русского языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.

14. ***Юрина Е.А.*** Образность лексических единиц (К вопросу о месте образности в структуре лексического значения слова) // Русские говоры Сибири. Семантика. Томск, 1995. С. 21–32.

СИБИРСКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.В. Калиткина, Н.А. Устинова, У.А. Яжинова
Томский государственный университет

С 1946 г. в Томском государственном университете был начат сбор диалектного архива. В течение нескольких десятилетий экспедиции сотрудников и студентов работали по р. Оби и ее притокам – на территории, входившей в состав бывшей Томской губернии. В архиве собраны записи речи носителей сибирских старожильческих говоров вторичного образования.

Диалектный архив достаточно полно репрезентирует определенную часть устной традиционной культуры (далее. – ТК) Среднего Приобья. Словесная народная традиция исследуется в разных аспектах с конца прошлого века (см. работы Е. Бартминского, С.М. Толстой и Н.И. Толстого, С.Е. Никитиной, В.Е. Гольдина, Т.А. Агапкиной, А.Б. Мороза, Е.Е. Левкиевской, С.Ю. Неклюдова, О.И. Блиновой и др.). Нам представляется оправданным подход С.Е. Никитиной, которая настаивает на более широкой трактовке устной традиции, чем собственно фольклор: «К устной ТК мы относим, кроме бытования традиционных фольклорных, музыкальных, поэтических и прозаических жанров, воспроизведение на память духовных стихов и легенд, принадлежность которых к фольклору не является бесспорной, пересказы и комментирование духовных произведений – устных и письменных, отчасти антропонимическую традицию, а также устные объяснения сохранения и разрушения религиозно-бытовых регламентаций» [16. С. 91]. Таким образом устная культура понимается как совокупность коллективных и индивидуальных текстов, которые создаются (индивидуальные бытовые) и воспроизводятся (коллективные фольклорные), прежде всего, на диалектном языке.

Среднеобский архив собирался с применением метода лингвистического анкетирования информантов. Провоцируемые при этом тексты в определенном смысле являются довольно однотипными – прежде всего это рассказы информантов о судьбе, о вещном круге уходящей крестьянской культуры. Они лежат на границе таких способов общения, как коммуникация и трансляция [17], и объективируют ценности и прескрипции ТК через описание собственного опыта информанта. Определение «собственный» подразумевает не только личный опыт, но и опыт «своих», то есть «мы-группы» в терминах А. Шютца: для большинства рассматриваемых текстов характерна грамматическая элиминированность или ге-

нерализация субъекта действия [Калиткина, 2002]. Описанный тип текстов дополняется неструктурированными текстовыми произведениями, представляющими собой устную спонтанную бытовую речь [Неклюдов, 1999]. Итак, среднеобский диалектный архив представляет языковой коллектив, объединяемый не только территорией и образом жизни, но также общим тезаурусом и дискурсом с тождественным набором понятий и семантических связей.

Тексты архива объективируют ментальность ТК. Термин «ментальность» получил распространение на рубеже XIX–XX вв. со значением, близким к понятию «мировоззрение». Такое употребление было закреплено в работах Л. Леви-Брюля и Ш. Блонделя. Однако к началу XXI в. термины «ментальность», «менталитет» все чаще сближаются и с понятием «этническая картина мира» [Толстой, 1995; Лурье, 1997; Корнилов, 1998; Кром, 2000; Караулов, 2004]. В рамках данной статьи мы опираемся на следующую формулировку: «Ментальность, способ видения мира, отнюдь не идентична идеологии, имеющей дело с продуманными системами мысли, и во многом, может быть главном, остается непрорефлектированной и логически не выявленной. Ментальность – не философские, научные или эстетические системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания» [Гуревич, 1993: 59].

Историки-медиевисты, представлявшие школу «Анналов», одними из первых в гуманитарном научном сообществе столкнулись с проблемой: как выявить ментальность людей, которые не могли оставить о себе прямых свидетельств? А.Я. Гуревич удачно назвал средневековый мир (крестьянский по преимуществу) по отношению к современному исследователю «миром безмолвствующего большинства». Им была вычленена база источников для реконструкции средневековой ментальности, в нее наряду с произведениями письменной культуры вошли и произведения устной традиции (эпос и мифология), и собственно язык (лексический уровень) [Гуревич, 1972]. Помимо медиевистики, данная проблема решалась и некоторыми другими историческими дисциплинами. Так, в последней трети XX в. в Германии в рамках исторической антропологии возникает такое направление, как история повседневности, анализирующая «жизненные проблемы тех, кто в основном остался безымянными в истории» [Людтке, 1999а:77]. История повседневности чаще всего имеет дело с людьми, которые практически не оставили после себя источники в обычном понимании этого термина историками. Однако исследователи признают, что в устной традиции всегда имели хождение «дилетантские фикции, те рассказы о собственной истории с их интерпретациями» [Людтке, 1999б:119].

Что касается лингвистов, то они пришли к сходной проблематике спустя некоторое время. Так, О.А. Корнилов (1998) считает, что менталитет на раннем историческом этапе формирует национальный язык, который на более поздних исторических этапах существования этноса влияет уже на менталитет (образ мира), «оязыковляемый» в лексических и фразеологических единицах. Т.И. Вендина (2002) анализирует «стихийное мироощущение, восприятие» средневекового человека, отразившееся даже не в лексиконе старославянского языка, а в корпусе производной лексики. Ю.Н. Караулов (2004) называет в качестве первичных источников для анализа менталитета с позиций языка тексты того или иного дискурса.

Проиллюстрируем оба подхода на материале среднеобского диалектного архива, связанном с пищей и жилищем.

Во-первых, в текстах архива содержится описание норм, ценностей и прескрипций ТК, касающихся практически всех аспектов культурной традиции. По информативности они сопоставимы с собственно этнографическими исследованиями, однако они редко содержат попытки интерпретации, в том числе и неадекватной[1]. Известно, что и словари, и этнографические труды зачастую не свободны от грубых ошибок. Это вызвано прежде всего исследовательской установкой, при которой не учитывается возможность несовпадения элементов описываемой традиционной (диалектной) культуры с элементами стандартной культуры, то есть от инокультурного взгляда. Так, в томском «Полном словаре сибирского говора» (1992–1995) лексема *спожинка* толкуется как 'время окончания жатвы и праздник в честь ее окончания', между тем это слово является одним из диалектных названий Успенского поста. Другой пример: при наличии в иллюстративной зоне данного словаря вполне информативных контекстов (*От у тяти в Смоленску убило жену грозой; А Смоленска, как жали [рожь], как тоже гроза дала, так эта полоса вчерашня осталась, а сёдняшну сожгло в праздник – вся сгорела*), описывающих праздник в честь иконы

Смоленской Божьей матери (28.07), которая появилась в XII в. и почитается в России чудотворной, заглавное слово *Смоленская* толкуется авторами следующим образом 'религиозный праздник (какой?)'. В чуть более позднем московском сборнике «Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг.» (1998) помещен

[1] Основные неточности трактовок современного поколения диалектоносителей проявляются в сфере канонов и догматов православия, поскольку религиозная традиция в 1930-е гг. была насильственно пресечена: *Раньше праздник был Виденьё 19 января. То ли Христос купался, то ли что. Сейчас воду тоже светят.* (Том. Яр.) *Сёдня Иванов день, Иван постный, Иван-Купала сёдня.* (Том. Верш) *Мясоед... с пожынков пройдёт две недели и пойдёт девять недель пост.* (Том. Верш).

заговор на усмирение беспокойной коровы (*Февроньки, мамоньки, савоньки, благословите мою коровушку...*). При этом начальные слова трактуются как клички спокойных коров. «Составителю комментария невдомек, что заговор обращен не к спокойным соседкам по хлеву, как вытекает из его трактовки, а к покровителям домашнего скота святым Февронье, Маманту и Савве (Савватию)» [Журавлев, 2002:197]. К сожалению, примеры подобного рода можно найти в самых разноплановых изданиях.

Совокупностью аутентичных диалектных текстов ярко представлена вариативность традиции не только в рамках региона, но и в рамках одного селения. Например, этнографы неоднократно описывали постный / скоромный, будничный / праздничный русский стол. Приведем типичный пример, выделив в нем цифрами основные блоки информации: «В севернорусских губерниях (1) на свадьбу пекли курник – (2) пирог из пресного теста, в котором запекали (3) целую курицу или рубленое куриное, говяжье или иное мясо с яйцами, а сверху украшали шишечкой. Свадебные пироги подавали (4) в конце пиршества, всем было известно: курник – из-за стола вон» [Русские, 1999:385–386]. Эти данные корректируются среднеобскими диалектными текстами по всем основаниям: (1) принадлежность к свадебному ритуалу: *Курники – пироги с мясом для свадьбы, **гулянки*** (Кем. Яшк. Пача); (2) пищевое назначение артефакта: *У кого нет теста, **деревянные** курники делают* (Туг. Подл.); (3) характер начинки: *Курник – **курицу** либо **петуха** зарезать, изрядишь его всяко и вилку в середину воткнуть. Ножик положить. Курники не режут.* (В.-Кет. Мох.) *Курники – **утка, гусь.*** (Туг. Тур.) *Курники на свадьбу стряпают. **Печень** варят, внутро накладёшь, как в пирог, и загибашь зубцами.* (В.-Кет. Мох.) *Курники из **курисы**, **свинину** ложили, хто как.* (Том. Б.-Порт.) *Курник – **свиное мясо** кладут, тесто раскатывают, лук, лавровый лист. Это курничек. Из скотского он невкусный будет.* (Кем. Яшк. С. Остр.) *С **грибами** курник и с **мясом**.* (Том. Верш.); (4) временная приуроченность: *Пекли **на свадьбу** курник. Сварют курицу и накладают, цветами украшают.* (Мар. Тюм.) *Курники круглые, с салом. Эти курники ставют, когда **под венец** собирают.* (Туг. Баран.) *Когда к **венцу** собираются, ставют свечи. Светочкими курники нарядют. Курник длинный, вроде как гуся из теста делают.* (Туг. Подл.) ***На третий день** был куренков пирог, молодуха пекла.* (Яшк. Итк.).

Во-вторых, только текстовый анализ позволяет выявить такой параметр, как частотность актуализации тех или иных номинаций, которая прямо соотносится с категориями культурной нормы / девиации, ядра / периферии. Так, в среднеобских говорах номинации блюд «двойного назначения», которые имели как скоромную, так и постную технологию

приготовления, как правило, имеют сверхсловный характер: *постная каша, скоромная (молочная) каша; постное масло, скоромное (сливочное, коровье, животное) масло.* Однако текстовые актуализации показывают, что в подавляющем большинстве примеров скоромный вариант оказывается немаркированным. Ср.: *По три блиночка съедят – и не надо [больше].* (Том. Верш.) *На маслену блины,* орешки. (Крив. Ник.) *Блины стряпали гречушные, из гречи, толстые.* (Мар. Кол.) Всё *равно блины пекли, кода пост, **посны блины** пекли.* (Том. Верш.) *Я суп люблю хлебать и толчёнку, котлет – всё сделаю.* (Том. Верш.) ***Суп постный** – крупа «рыбий глаз», парёнки делали.* (Том. Верш.) *Садись кашу есть. Стул ташшы себе.* (Том. Верш.) ***Кашка посна** на воде.* (Том. Верш.) *Воду скипятила, стакан масла положила – она каша прям рассыпчата.* (Том. Верш.) *Сусла варили, **масло посно.*** (Кем. Кем. Верхот.). Таким образом, тексты позволяют сделать вывод, что ТК воспринимает как немаркированную норму скоромную пищу и профанное время, постная же пища предстает как девиация, которая должная быть специально описана, оговорена.

В-третьих, низкая частотность актуализации в предельном случае превращается в феномен умолчания, непроговаривания определенной информации. С одном стороны, мы согласны с известной исследовательской установкой: низкая частотность той или иной номинации и отсутствие вариантов красноречиво свидетельствует о незначимости соответствующего культурного элемента [Морозов, 2001]. Однако существует и оборотная сторона этого явления: не говорят не только о ничего не значащем, но и об очень важном. «Каждая полновесная культура по-своему молчит о своем», – писал В.В. Бибихин [1994:34]. Он настаивал: тот факт, «что в основе языка молчание [...] уже делает ясным, что отношение слова и вещи – не описание. Первоначальный выбор между именованием и умолчанием продолжается и на каждом шагу в отмеривании степени высказанности» [Бибихин, 1994:26]. Так, например, в анализируемых диалектных текстах почти не описан материал крестьянских построек, поскольку одинаковые природные условия на огромной территории Среднего Приобья привели к значительному однообразию традиции: *Строились не по плану.* (Том. Верш.) *Дома строили. Строителев не было.* (Том. Верш.) *Сосна – строевой лес. Из него можно любо строение делать – плаху, тесину.* (Том. Верш.) *Кондовый – крепка лесина, долга. Старинны дома – это кондовый лес, а мендач лето простоит и желтеет весь.* (Том. Губ.) *Кондовые кедры без сучьев, а мендач с сучьями.* (Том. В.-С.) *Мендашный на полы режут, потому он тяжёлый, болони у его много, она промерзает, а сердце сухое, у мендашной на целу ладонь болонь.* (В.-Кет. Кур.) Что касается практически полного умолчания, связанного с

какой-то культурной чертой, то можно привести пример гендерно-возрастного зонирования крестьянского жилища, а также выделения в нем (и за его пределами) сакральных мест. Сами носители ТК, в отличие от исследователей, практически не упоминают подобные сущности. Приведем ряд контекстов: *Девичник был, гостинцы привозили. В бане девки меня парили. Вот кака мода была.* (Том. Верш.) *Раза два-три приезжают, пока она... Её водят в баню, невесту, моют. Моют в бане подружки, одевают всё чисто на неё.* (Том. Верш.) *Вечер перед венчаньем. Ведут в баню. А в бане девки мылами кидают. Если попадёшь, то замуж выйдешь.* (Шег. Бат.) Диалектоносители при описании свадебного обряда говорят об особой зоне пространства, наделенной рядом амбивалентных функций, – бане. При этом во всех приведенных текстах отсутствуют не только комментарии, но и какое-либо маркирование статуса этого места. Представляется, что именно в особенностях умолчания и следует видеть одно из наиболее ярких проявлений народной ментальности.

В-четвертых, коснемся выстраивания тезауруса среднеобских говоров путем сплошной выборки из текстов архива. Одним из способов объективации пространства является его структурирование посредством заполняющих его предметов. Наиболее освоенная и присвоенная человеком часть пространства, бесспорно, – жилище. В ТК понятие «жилище» соотносится как усадьбой (с домом и примыкающими хозяйственными постройками и двором), так и собственно строением с его особенностями планировки. Этнографы разрабатывают логико-понятийную систему описания жилища. Однако наличие тех или иных материальных фрагментов не всегда прямо соотносится с наличием отдельных названий: степень детализации внеязыковой действительности в каждой культуре уникальна. Рассмотрим систему номинаций, связанных с жилищем, в среднеобских говорах (с некоторой переработкой рубрикации Н.В. Ушакова (1992), А.С. Герда (2005)).

1. Жилище$_1$: *двор, ограда, поместье, усадьба.*

2. Жилище$_2$: *дом, изба, сруб, струб, хата.*

2.1. Планировочное решение дома: *задний кут, передний кут, гнилой угол, задний угол, передний угол.*

2.2. Набор помещений: *горниночка, горнична, горница, жильё$_2$, изба, комната, кухня, половина, прихожа, спальня, упечь.*

2.3. Вертикальные уровни дома.

2.3.1. Чердачный уровень: *вышка, крышка, продольная крыша, чердак.*

2.3.2. Подвальный уровень: *подвал, подведённый дом, подпол, подполье, творило.*

2.4. Помещения основного уровня.

2.4.1. Основное жилое помещение: *дом, изба, стопка$_2$.*

2.4.2. Дополнительное жилое помещение: *горенка, горница, жильё, житьё$_2$, комната$_2$, светлица.*

2.4.3. Основное подсобное помещение: *сени, сенки, кладовка, чулан, подсобка (?).*

2.4.4. Дополнительное неотапливаемое хозяйственное помещение: *веранда, навес, коридор, навес, пристройка, прихожая, прихожка, погрёбка$_1$, уголок, чулан.*

2.5. Обязательные зоны дома: *божничка, казёнка$_1$, лавка$_1$, печка, печь (русская, голландка, вольная, битая, большая, каменка$_1$), кут, кутник, плита, полати, тристен, угловик.*

2.6. Конструктивные элементы дома: *балка, боковушка, боров, венец, верхник, гобец, голбец, дверь, дверка, завалинка, завес, задорка, закром, закромок, западня, запечка, заплот, заплотик, заплотник, захапчик, избица, казёнка$_2$, капитальная стена, коробка, крыльцо, крылец, крыша, лазак, лазья, лащейка, лестница, лешка, матица, матка$_2$, наличник, окладка, окно, оконница, основание, отдушина, перегородка, переруб, перилы, плинтус, подкладка, подоконник, подпечник, подпечница, подпол, подполье, подволока, подсенник, подшесток, подшесточница, пол, полочка, порог, потайник, потолок, припечек, прируб, приступка, притолока, простенок, слега, ставень, стойка, троестенок, чувал.*

2.7. Типы построек: *крестовый (хрестовый) дом, круглый дом, трёхстенный (трёхстенка), четырёхстенный (четырёхстенка), пятистенный (пятистенка).*

2.8. Способ соединения бревен: *в закрой, в крюк, в лапу, в угол.*

2.9. Долговременность назначения: *балаган, балаганчик, барак, времянка, дом, землянка, изба, избушка$_2$, плетушка, стан, сторожка, хата, шалаш.*

2.10. Материал постройки: *брёвна, ветки, глина, жерди, земля.*

2.11. Качество постройки: *палаты, халупа.*

Итак, совокупность диалектных текстов, порожденных представителями территориальной этнической группы, делает возможным исследование «членимости единого культурно-языкового пространства как на макро-, так и на микроуровне» [Морозов, 2001:6], именно диалектологи имеют дело с тем вариантом языковой картиной мира, который концентрирует собственно национальные черты.

В заключение отметим, что обращение к текстам диалектного дискурса предполагает решение многих непростых задач, связанных со способами презентации больших объемов материала, представительностью выборки, статистическими закономерностями и т.д.

Литература

1. ***Бибихин В.В.*** Язык философии. М., 1994. 416 с.

2. ***Вендина Т.И.*** Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002. 336 с.

3. ***Герд А.С.*** Введение в этнолингвистику. СПб., 2005. 457 с.

4. ***Гуревич А.Я.*** Категории средневековой культуры. М., 1972. 318 с.

5. ***Гуревич А.Я.*** Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. 328 с.

6. ***Журавлев А.Ф.*** Диалектный словарь как этнографический источник // Языкознание: взгляд в будущее. Калининград, 2002. С. 194–205.

7. ***Калиткина Г.В.*** Диалектные словари как отражение традиционной культуры // Язык. Время. Личность. Социокультурная динамика языковых явлений в общенародных и личностных репрезентациях. Омск, 2002. С. 544–549.

8. ***Караулов Ю.Н.*** Горячие точки развития русистики: русский язык, русский мир и российский менталитет // Русское слово в русском мире. М.; Калуга, 2004. С. 5–28.

9. ***Корнилов О.А.*** Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003 (1998 ?). 348 с.

10. ***Кром М.М.*** Историческая антропология. СПб., 2000. 78 с.

11. ***Лурье С.В.*** Историческая антропология. М., 1997. 448 с.

12. ***Людтке А.*** Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник 1998/1999. М., 1999а. С. 77–100.

13. ***Людтке А.*** «История повседневности» в Германии после 1989 года // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1999. Вып. 2. М., 1999б. С. 117–126.

14. ***Морозов И.А.*** Введение // Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань, 2001. С. 5–13.

15. ***Неклюдов С.Ю.*** Традиции устной и книжной культуры: соотношение и типология // Славянские этюды: Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 289–297.

16. ***Никитина С.Е.*** Устная народная традиция в народной культуре русского населения Верхокамья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982. С. 91–126.

17. ***Петров М.К.*** Язык, знак, культура. М., 1991. 328 с.

18. ***Полный*** словарь сибирского говора. Т. 1–4. Томск, 1992–1995.

19. ***Русские***. М., 1999. 828 с.

20. ***Русские*** заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. М., 1998. 247 с.

21. ***Толстой Н.И.*** Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Толстой Н.И. Язык и народная культура. М., 1995. С. 26–39.

22. ***Ушаков Н.В.*** Жилище Санкт-Петербургской губернии начала XX в. (типы дома и двора) // Русский Север: ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 7–31.

ЭФФЕКТИВНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

С.А. Канащук
Томский государственный университет

В наше время интерес общества к системам машинного перевода (СМП) связан с возросшей потребностью в оперативном понимании иноязычного текста при отсутствии профессиональной компетентности в области перевода. Наряду с пользовательскими системами появились программы-инструменты профессионального переводчика.

Несмотря на уточнение требований к качеству перевода, отсутствие разграничения информационных областей эффективного применения СМП породило мнение об общем неудовлетворительном качестве любого перевода, сделанного машиной. Достаточный на сегодняшний день опыт использования СМП для перевода текстов различных функциональных стилей позволяет выявить эти сферы, что мы и считаем целью нашей работы.

Впервые теоретическое обоснование принципиальной возможности машинного перевода (МП) было представлено американским специалистом по дешифровке Уорреном Уивером в 1949 г. Он руководствовался принципом структурного сходства между языками и возможностью формального их описания. Начало работ по созданию МП относят к 50-м гг. XX в. Импульсом к исследованиям в данной области послужил возросший поток текстов научно-технической тематики.

Все СМП принято разделять на три группы по степени их взаимодействия с человеком: *1) системы собственно машинного перевода; 2) системы человеко-машинного перевода; 3) терминологические базы данных.*

В данном докладе мы предлагаем иную классификацию, в основе которой лежит принцип распознавания единицы перевода.

Первый тип СМП, появившийся в начале 50-х гг., *был пословным.* Система выбирала для каждого слова в тексте оригинала наиболее частотное значение из словарной статьи и затем последовательно записывала эти значения формируя, как предполагалось, текст перевода. Несмотря на огромную значимость первых СМП, они имели ряд явных недостатков: искажение смысла текста-оригинала, грамматическая несогласованность слов и т.д.

В результате получался текст подстрочника. При таком переводе слова сохраняются в той же последовательности и в тех же формах, что и в оригинале, причём некорректные высказывания не рассматриваются как

недостаток. Следует отметить, что этот тип СМП, не оправдав своей первоначальной функции, оказался полезен в качестве электронного словаря.

Второй тип. Стало очевидным, что при переводе текста необходимо различать части речи в структуре предложения. На данном этапе возникла необходимость научить компьютер "понимать" текст, который он переводит. Были затронуты проблемы, связанные с различиями в языковых картинах мира (ЯКМ), несовпадениями в дискурсах в рамках отдельной языковой системы и между системами разных языков.

В попытке формализовать естественный язык были выявлены пробелы в его теоретическом описании. При устранении ошибок предыдущих формализаций возникало ещё больше новых. Разработчики пришли к выводу, что естественный язык поддается формализации, но до определенной степени.

Были затронуты проблемы когнитивного аспекта теории перевода. Попытка сформировать механизм осознания машиной естественного языка и соотнесения смысла языковой единицы и экстралингвистической реальности привела разработчиков СМП к комплексу проблем искусственного интеллекта.

В программах второго поколения СМП была предпринята попытка определить единицу перевода, опираясь на тему текста, контекст, окружение. Программа, выбрав из словарной статьи для этой единицы соответствующий, "в машинном понимании", эквивалент, размещала её в переводном тексте, согласно принятому в языке перевода порядку слов и согласовывала лексемы между собой. СМП со временем приобрели способность распознавать в тексте устойчивые единицы языка и объединять в отдельные единицы перевода до нескольких целостных по своей семантике предложений. Возникали трудности с нахождением субъекта действия, объекта действия и с соотнесением признака и субъекта, признака и действия и т.д. Необходимо было обеспечить связанность текста, сохранение эффекта воздействия на адресата, адаптацию метафор с учетом узуса языка-перевода. Любая неточность в работе одного из элементов в системе отражалась на смысле перевода и приводила к ошибкам функционирования других элементов системы.

Программы второго поколения СМП дошли до наших дней практически неизменёнными благодаря их способности передавать общий смысл оригинального сообщения. Результирующий текст служит удовлетворению возросшей потребности в адаптивном переводе «нехудожественных» (деловых, научных, технических и т.п.) текстов. Такой перевод связан с сокращением текста оригинала, извлечением из него наиболее важной информации – созданием реферата, дайджеста, аннотации на другом

языке. В приложениях этого поколения СМП внесена функция по созданию реферативного перевода.

При этом перевод таких систем едва ли можно считать адекватным, поскольку сами системы работают на условно и частично формализованном языке и это сказывается на конечном результате. Такой структурно-семантический перевод применяется в работе с узкоспециальными web-текстами для выявления общего смысла текста, и при заинтересованности в выявленной теме можно заказать перевод у специалиста.

Третий тип. В системах третьего поколения в корне был пересмотрен подход к переводческой деятельности применительно к программам. Процесс перевода, являясь более когнитивным, нежели лингвистическим процессом, требовал для своей реализации не столько проработку лингвистических аспектов языка (формализация языка), сколько имитацию когнитивных процессов специалиста-переводчика, а это не предполагает создание механизма мышления переводчика. Важно, что и человек, и программа на входе получают одинаковые данные и в результате различных преобразований на выходе выдают одинаковый результат.

Этот подход и был реализован в 80-х гг. в экспертных системах. *Экспертные системы (ЭС)* – это программы с «базой знаний», формализующей опыт специалистов в некоторой области, и «механизм вывода», позволяющий пользователю распознавать ситуацию, ставить оценку или давать рекомендации для выбора действий. Экспертные системы машинного перевода (ЭСМП) обладают навыком обучения – в них формируется база данных из текстов оригиналов и выполненных специалистами переводов этих текстов.

Принято считать, что системы третьего поколения пригодны к эффективному использованию в той же сфере, что и системы второго поколения, то есть в узком по своей тематике, чаще всего техническом переводе. Мы полагаем, что ЭС обладают пока ещё неоценённым потенциалом.

При двуязычном переводе база данных, формируемая для языковых пар, лишена изначальной направленности на язык-оригинал или переводной язык. "Обратный" или "двусторонний перевод" будет нести в себе все стилистические особенности переводчика, как автора переводного текста, так и авторов оригинальных текстов. Минусом данного типа является отсутствие соотнесенности понятия в базе данных ЭС с ЯКМ. Формирование объемной базы данных на основе текстов и их переводов не заменяет знание о культуре рабочих языков.

При выборе лексико-семантического варианта приоритетным для экспертной системы становится то значение переводной единицы, которое соответствует окружающему его контексту. Отдельные слова в отсутст-

вие контекста по умолчанию переводятся наиболее общими терминами либо терминами дискурса, который задает переводчик.

При всех погрешностях программе удаётся вместить в себя обширную фактическую базу знаний (языковых пар и контекстов) и отсутствие привязанности к прямому или обратному переводу. Каждое слово в переводе возникает согласно сходному окружению и контексту, определяющим выбор корректного значения у полисемантических единиц.

В экспертных системах наблюдается потенциал соответствия всем требованиям к качеству перевода, причём они не требуют решения глобальных задач, таких как формализация языка или создание искусственного интеллекта.

Помимо простоты использования и многофункциональности программ данного типа, они могут стать мощным инструментом автоматизированного лингвистического сопоставительного анализа переводов. В качестве примера такого использования экспертных систем предлагаем кратко рассмотреть действие СМП применительно к художественным текстам.

Очевидно, что максимально приближенный по своему воздействию на читателя перевод художественного текста, выполненный самим автором-билингвистом, несёт в себе эталон интерпретации авторской стилистики и имеет больше шансов на неискаженную передачу авторской идеи. Составление базы данных на основе художественных текстов и их переводов, выполненных самими авторами, открывает для специалистов в этой области новые возможности. Экспертные системы способны не только интерпретировать авторскую стилистику, семантическую составляющую переводных единиц и взаимодействие форм слов, но и, основываясь на прецедентных или интертекстуальных структурах билингвистических текстов, в будущем применять эти знания при переводе одноязычных художественных текстов. Программа не только воспроизводит ранее выполненный специалистом перевод вторично встретившегося текстового фрагмента, она также способна оценивать контекст и, выявив сходность структур текста оригинала и занесенного в базу данных текстового паттерна, синтезировать откорректированный текст перевода.

В художественном тексте подбор автором нужных для определенного воздействия на читателя слов осуществляется путем перебора всего синонимичного ряда. Искомое слово отличается от остальных наличием коннотативных значений и сочетаемостью с окружающими лексическими единицами. При переводе художественного текста автор перевода стремится проследить мотивацию этого выбора, а также в рамках языка перевода подобрать лексическую единицу, содержащую сходный набор

сем и воссоздать исходное лексическое окружение. Экспертная система отслеживает действия специалиста и в дальнейшем выстраивает систему принятия решений, присущих этому специалисту. Программа индивидуализирует перевод.

Итак, анализ основных типов СМП позволил представить следующие выводы.

Первый тип СМП применим в качестве электронного словаря и для формирования текста подстрочника, который широко используется как инструмент лингвистического описания, например, в работах по синтаксической типологии, при переводе поэзии, а также в качестве промежуточного этапа перевода художественной литературы.

Второй тип СМП может использоваться для формирования структурно-семантического перевода с целью извлечения общего смысла, формирования адаптивного, реферативного, аннотационного перевода. А также для перевода предельно формальных текстов с устойчивым вокабуляром и практически неизменной структурой, например, перевод метеосводок.

Третий тип СМП (экспертные системы), возможно, в будущем позволит решить проблему перевода художественных текстов. Создание ЭС обошло стороной множество неразрешенных вопросов. Не удалось избежать столкновения с различиями в видении мира, его категоризации. Конкретнее этот вопрос звучит так: "Возможна ли формализация элементов культуры?". Для формирования адекватного перевода необходимо внесение поправок человеком, обладающим знаниями о культуре.

Литература

1. ***Баранов А.Н.*** Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 360.

2. ***Якобсон Р.О.*** Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16-24.

3. ***Якобсон Р.О.*** О лингвистических аспектах перевода // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985. С. 361–368.

4. ***Федоров А.В.*** Основы общей теории перевода. М.: Высш. шк., 1968. 396 с.

5. ***Уорф Б.Л.*** Отношение норм поведения и мышления к языку. Новое в зарубежной лингвистике. М.: Иностранная литература, 1960. Вып. 1. С. 135–168.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ КАРТИН МИРА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ

Д.А. Катунин
Томский государственный университет

1. Принципы проведения анкетирования при исследовании массово-информационных дискурсов

В рамках выполнения проекта «Поливариантность дискурсивного существования жителя современного сибирского города как следствие динамики социально-культурных процессов российской провинции» была поставлена задача исследовать многовариантность дискурсивного существования современного человека – жителя сибирского города – как одно из важнейших коммуникативных следствий динамики социально-культурных процессов современной российской провинции на примере социо-возрастной группы студенчества. Выбор данной социо-возрастной группы в качестве первичной определялся тем, что 1) к данному возрастному периоду завершается формирование языковых навыков личности; 2) студенчество – социальная группа, характеризуемая мобильностью и адаптивностью; в её коммуникации, по гипотезе авторов проекта, наиболее ярко может воплощаться динамика современных социальных процессов; 3) студенчество обладает формирующейся картиной мира, вследствие чего оно в большей степени, нежели другие респондентные группы, подвержены влиянию внешних воздействий. В перспективе развития проекта предполагается лингво-социальное исследование картин мира других социальных групп, в том числе домохозяек, пенсионеров, работающей молодёжи, представителей региональной политической элиты, национальных диаспор и т.д. Для решения поставленной задачи предполагалось использование методов социометрии, лингвокогнитивного моделирования, дискурсивного и семантико-структурного анализа.

На первом этапе выполнения проекта осуществлялся первичный сбор материала: т.е. определялся спектр, набор материалов средств массовой коммуникации, производимых и транслируемых в Томске, находящихся в сфере коммуникативных предпочтений студентов четырёх томских вузов: Томского государственного университета (ТГУ), Томского политехнического университета (ТПУ), Томского государственного педагогического университета (ТГПУ) и Томского филиала Российского государственного социального университета (РГСУ). Для этого были составлены опросные листы (анкеты) для проведения серии социометрических экс-

периментов. Целью анкетирования на первом этапе исследования было выявить данные о системе коммуникативных предпочтений студентов, сформировать корпус материалов для анализа – текстов и аудиовизуальных записей, а также проследить дифференциацию предпочтений в зависимости от пола, возраста и т.д.

При разработке анкет коллектив проекта опирался на опыт составления опросных листов, изложенный в мастер-классе профессора В.А. Ядова [1]. Так, например, принципиальным было положение об использовании «заведомо избыточного набора характеристик»[1] в анкетах при выявлении возможных групп респондентов. «Шапка» всех опросных листов включала в себя следующие вопросы: каков возраст респондента? его пол? проживает ли он в г. Томске постоянно или прибыл из какого-то (какого?) региона? его вуз, факультет, специальность, курс? имеет ли он опыт профессиональной работы? Анализ заполненных анкет показал, что предположение об избыточности ряда вопросов оказалось обоснованным. Наиболее информативным оказалось разграничение по полу (что проявляется в выборе печатных изданий, тематических рубрик, телевизионных передач и т.п.). Возрастная дифференциация в подавляющем большинстве случаев оказалось незначительной, что обусловлено, очевидно, тенденцией последних десятилетий поступать в вузы сразу после окончания средней школы. Не было обнаружено также существенных отличий при выборе информативных предпочтений в зависимости от места постоянного проживания до поступления в вузы (в ряде случаев отмечалось только отсутствие технических средств коммуникации (телевизора, компьютера) у приезжих студентов). Данное обстоятельство позволяет подтвердить предположение о наличии общего информативного пространства молодёжной аудитории и о высокой степени её адаптивности.

Для того чтобы более полно выявить актуальные для респондентов источники информации и факторы, определяющие такой выбор, было составлено несколько анкет, количество которых определялось набором основных каналов поступления внешней информации (печатные СМИ, телевидение, радио, Интернет). Кроме того, были подготовлены анкеты по тематическому основанию (рекламная и политическая информация). В целях оптимизации процесса анкетирования опросные листы тематического характера были присоединены к предыдущим: «рекламные» к «телевизионным», «политические» к «газетно-журнальным» на основании предположения, что именно через эти каналы поступает максимум данной тематической информации. Результат обработки анкет во многом

[1] *Данилова Е., Таратухина М.* Как сократить численность шкал за счёт выделения наиболее информативных [1. С. 27].

подтвердил эту предпосылку: например, на вопрос в графе, какой из видов рекламы Вы считаете наиболее эффективным, большинство респондентов отметило телевизионную рекламу.

2. Характер студенческих предпочтений в сфере печатных СМИ и политической рекламы по результатам проведённых опросов

Было опрошено около 200 респондентов четырёх вузов. В анкетах предлагалось назвать востребование респондентами местные и центральные газеты и журналы по градуированной шкале: читаете *а) регулярно; б) скорее регулярно; в) редко; г) скорее редко; д) не читаете вообще.* Включение последнего пункта предполагало обозначение антипатичных для респондентов изданий, однако он оказался практически невостребованным: в этой графе оказались отмеченными по одному разу такие разнородные издания, как «Стильная штучка», «Томский вестник», «Московский комсомолец» и «Буфф-сад». Можно предположить, что причины «нечтения вообще» этих СМИ скорее всего различны. Всего было названо более 70 газет и журналов. Лидерами студенческого рейтинга предпочтений оказались «Аргументы и факты», «Re-Акция», «Cosmopolitan", "CompuTerra". Из томских газет наиболее читаемы «Томский вестник» и «Вечерний Томск». Кроме того, следует отметить, что опросная дифференциация на центральные и местные СМИ (как бумажные, так и электронные) оказались не всегда эффективной, вследствие наличия региональных вкладок и передач в центральных газетах, телеканалах и, соответственно, путаницы в ответах.

В графе «Назовите причины выбора печатного издания» предлагались следующие варианты: *а) регулярность выхода; б) доступная цена; в) хорошее качество полиграфии; г) полезность информации; д) серьёзность информации; е) развлекательность информации; ж) другое.* Подавляющее большинство респондентов обосновало выбор СМИ получением полезной информации. В наименьшей степени выбор определяется регулярностью выхода и качеством полиграфии. В графе другое отмечалось по 1 разу: *Настроение; Необходимость прочтения данной периодики; Не читаю, так как скучно, и не верю в то, что это правда! В общаге лежат на проходе; То, что подкидывают в почтовый ящик (рекламные газеты); Что попадается; Профессионализм редакции, корреспондентов и т.д.* Обработка ответов показала, что, возможно, уместным было бы включение такого варианта, влияющего на выбор для чтения, как, например, «потому что читают в семье / в общежитии».

В пункте «Назовите тематические разделы и рубрики, которые Вы предпочитаете» респондентам предлагались следующие варианты: *Корпоративные новости, Местные новости, Науно-популярная информация, Научные и профессиональные разделы (назовите), Полезная бытовая информация (рецепты, советы по дому; «авторазбор»), Политика, Прогноз погоды, Программа телепередач, Психологическая служба («Он и она»), Развлекательная информация (анекдоты, кроссворды, гороскопы), Реклама, Светская жизнь, Спортивная информация, Другое (назовите).* Наиболее востребованными оказались *Местные новости* и *Светская жизнь*, наименее – *Полезная бытовая информация.* То есть представляется возможным говорить о совершенно разновекторном спектре интересов: с одной стороны, вызывают наибольший интерес события, происходящие в месте проживания респондента и касающиеся его достаточно непосредственно, с другой – привлекает внимание информация о лицах и их взаимоотношениях, не имеющих никакого отношения к респонденту, являющихся по сути виртуальными образами в системе российских и мировых масс-меди, но воплощающих некий стереотипический образ, идеал успешных и состоявшихся фигур.

Следующий блок вопросов был направлен на выявление особенностей получения политической информации и её актуальности для респондентов. Вопрос «Выделяете ли Вы в предпочитаемом Вами издании политическую информацию?» предполагал получение ответов по вариантам: *а) всегда; б) выделяю только информацию, касающуюся крупных политических событий (каких?); в) выделяю только информацию, касающуюся деятельности определённых политических партий (каких?); д) не интересуюсь политической информацией, поэтому не замечаю её; е) другое.*

Ответы показали практически полное отсутствие интереса к местной политической жизни (что вступает в определённое противоречие с результатами опроса в предыдущем пункте!) и к деятельности каких-либо определённых партий. Респонденты либо заявляют об отсутствии интереса к политике вообще, либо декларируют интерес к политике в целом и к крупным политическим событиям *(Имеющим мировой масштаб; Выборы, смена руководства, заседания; Выборы, события в Госдуме, встречи, конференции; Всероссийские выборы, вообще события на федеральном уровне; Различным принятым законам и т.п.).* Возможно, в дальнейшем имеет смысл верифицировать интерес респондентов к политике посредством введения в анкеты вопросов о каких-то конкретных политических событиях, предполагающих проверку знания политической жизни в ответах на них.

В графе «Назовите источники, из которых Вы получаете информацию о политических событиях» предлагались следующие ответы: *а) периодические печатные издания (какие?); б) радио; в) телевидение (какие каналы?; г) предвыборный рекламный материал; д) публичные политические акции; е) общение со знакомыми; ж) другое.* В подавляющем большинстве ответов называется телевидение (а именно, центральные каналы), далее – радио и предвыборный материал. Печатные СМИ воспринимаются как периферийный источник получения политической информации. Следует отметить, что такое понимание соотношения печатных и телевизионных СМИ характерно в целом для студенческой аудитории независимо от тематики информации.

Вопрос *«Влияет ли эта информация на Ваши политические убеждения?»* предполагал градуированные ответы: *а) да, влияет; б) скорее влияет; в) скорее не влияет; г) не влияет.* Обработка анкет показала, что для студентов свойственна неопределенность при определении такого влияния (доминируют ответы *б* и *в*). В первую очередь это ставит под сомнение вообще наличие каких-либо устоявшихся политических убеждений у респондентов.

Просьба «Назовите политическую акцию, которая Вам больше всего запомнилась» позволила констатировать отсутствие значимых политических событий в восприятии опрошенной молодёжной аудитории, о чём свидетельствует, во-первых, относительно небольшое количество названных мероприятий, а во-вторых, их разнородность и нередко случайность (*Акции «Единой России» 2*[2], *Акция СПС «Привед, Мидвед» 2, Кот по имени Черномырдин «За стеклом» 1, Бесплатный шашлык во время выборов в гордуму в Казахстане 1, Все акции НБП, любые выходки Э. Лимонова 1, Акция партии «Наши» 14.02.06 1, Путин напустил милицию, налоговую на ЮКОС 1, Когда Жириновский бросал куриц в толпу 1, Чёрный PR против Деева: реклама на TV, наружка 1, Предвыборная гонка в Санкт-Петербурге (во время выборов губернатора) 1, Голосуй, а то проиграешь 1, ЛДПР 1, Война в Ираке 1, Оранжевая революция 1. Монетизация льгот 1, В фильме «Хвост виляет собакой» 1, Если идёт предвыборная кампания 1).*

Следующий блок вопросов был призван выяснить отношение респондентов к политической рекламе: *а) считаю, что она полезна и необходима; б) отношусь равнодушно; в) отношусь с раздражением; г) считаю, что вредна и бесполезна; д) другое.* Большинство студентов ответило, что равнодушно относится к такой рекламе. Значительно меньшее

[2] Количество упоминаний.

количество респондентов выбрало вариант, согласно которому политическая реклама является вредной и бесполезной.

Вопросы уточняющего характера должны были детализировать восприятие этого вида рекламы (Что в политической рекламе вызывает у Вас положительные эмоции? *а) четкость, понятность предвыборных программ; б) объективность информации; в) хорошо запоминающиеся фразы (слоганы); г) участие известных актёров; д) близость пережитым жизненным ситуациям; е) близость пережитым жизненным ситуациям; е) близкий по стил. язык; ж) другое*). Большинство студентов отметило пункт а). Следует отметить относительно большое количество одинаковых ответов на открытый вариант ж) другое – ничего. Близкий по стилю язык как положительную характеристику отметили всего несколько респондентов.

Что в политической рекламе вызывает у Вас отрицательные эмоции? *а) необъективность информации; б) нечёткость, непонятность предвыборных программ; в) большое количество обещаний; г) агрессивность, навязчивость; д) участие актёров, известных публичных деятелей; е) низкая речевая культура; ж) другое.* Наибольшее неприятие вызывают агрессивность и пустые обещания, но также достаточно большое количество студентов отмечает и нарушение речевых норм в политической рекламе. В ответах на вопрос *«Политическая реклама каких партий Вам запомнилась больше всего?»* за явным преимуществом лидируют претенденты на роль наследницы единственной руководящей и направляющей.

Ответом на вопрос *«Участвуете ли Вы в политических акциях»* является в основном «Голосую на выборах» (у иногородних студентов – очевидно, живущих в общежитиях – нередко с пометой «по принуждению»). Полученные данные используются на следующем этапе исследования при работе с рекламно-политическими текстами и печатными СМИ, которые отмечались как наиболее востребованные респондентами.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 64-04-64403а/Т).

Литература

1. ***Процессы*** идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002 гг.): Мастер-класс профессора В.А. Ядова, методологический практикум для студентов-социологов. М., 2004.

РЕВЮ ЭКЗОГЛОССНЫХ ВЛИЯНИЙ В ЭТНОГЕНЕЗЕ ГЕРМАНСКИХ ПЛЕМЁН

Ю.В. Кобенко
Томский политехнический университет

Экзоглоссией [греч.: *ex* = из, вне и *glŏssa* = язык] называется такая языковая ситуация, когда на определённый язык извне воздействует другая лингвокультура, являющаяся поставщиком языкового материала. Экзоглоссные влияния присутствуют в истории большинства развитых языков евразийского языкового пространства. Симптомом экзоглоссных влияний можно считать так называемые *языковые волны*. Языковая волна определяется как некий этап развития языка, в который *предпочиталось* или *было выгодным* заимствовать лексический материал какого-то определённого языка с точки зрения самоутверждения, становления или обогащения культуры-реципиента. Чем больше волн удалось пережить принимающему языку, тем более «иммунным» он становится к экзоглоссным ситуациям.

В зависимости от степени и продолжительности воздействия языка-донора (ЯД) на язык-реципиент (ЯР) экзоглоссия выражается в *ди-* либо *полиглоссии*. Первая характеризует *синхронную* ситуацию вокруг определённого языка, которая, как правило, не предполагает более одной воздействующей лингвокультуры, причём, как известно, ЯД и ЯР функционально неравнозначны. Полиглоссия является неким «остаточным» явлением, выявляемым при *диахронном* анализе ЯР. Такие полиглоссные языки, как немецкий, обнаруживают в своём корпусе целые пласты, или *страты*, иноязычной лексики, или же, если влияние ЯД было менее существенным, отдельные её фрагменты, диффузно представленные, как правило, в функционально-стилистически дифференцированном составе языка. Данные страты и являют собой отпечатки языковых волн, или экзоглоссных ситуаций. Полиглоссией также принято считать многоязычие какой-то определённой социально-коммуникативной системы.

Экзоглоссные ситуации играли и продолжают играть огромную роль в историческом развитии немецкого языка. Подтверждения этому находятся и в доисторическом периоде, и после 500 г. н.э., т. е. когда появились первые упоминания о нём как о некой наддиалектной системе. Достаточно обратиться к современной языковой ситуации немецкого идиома, чтобы понять, насколько важно знание его генотипа. Будучи потомком языка, известного как индоевропейский, немецкий язык развивался во многом благодаря адаптации иноязычного языкового материала.

В данной статье речь пойдёт об экзоглоссных ситуациях на ранних стадиях формирования германской диалектной системы. Ревю данных ситуаций позволит раскрыть специфику генотипа будущего немецкого языка и некоторых языков западногерманской ветви (ср. английский, голландский и др.).

Вначале существовал индоевропейский как изоглоссия или совокупность диалектов. Об экзогенных влияниях на формы языка, которые были распространены на ареале будущего обитания германских племён, практически ничего не известно.

Согласно археологическим данным в первые столетия до н. э. (бронзовый век) на территории Европы наличествовало около 20 отдельных германских племён с собственными диалектами (ср. *фризы*, *хавки*, *саксы* на Северном море; *тенктеры*, *сугамбры*, *бруктеры*, *херуски*, *хатты* в Рейнско-Везерской области; *лангобарды*, *земноны*, *гермундуры*, *маркоманы*, *квады* на Эльбе; *луги*, *вандалы* в Одерско-Вартской области; *руги*, *бургунды*, *готы* на Висле и некоторые малые племена на Юге Скандинавии) [2]. О наличии переходных (изоглоссных) зон между диалектами этих племенных групп в силу отсутствия каких-либо письменных памятников сказать затруднительно, известно лишь, что в III в. н э. произошло исторически значимое слияние известных крупнейших племён (*алеманов*, *франков*, *саксов* и *готов*). Гетерогенность и разрозненность германских племенных групп позволяет резюмировать, что *германофония складывалась ещё на ранних её истоках из полиглоссии*. Однако наслоение племенных и языковых ареалов, обусловленное частыми перемещениями германских племён и приведшее к образованию западно- и восточногерманского ареалов, существенно затрудняет определение генетической принадлежности их диалектов.

Новейшие археолого-исторические исследования доказали, что уже в этногенезе германских племён участвовали несколько народностей различного происхождения и культурного уровня. На предполагаемой территории их происхождения (между Нижним и Средним Рейном, Майном, Судетами и Вислой) найдены останки вышеупомянутых разновидностей германских племён бронзового века. Данные племенные группы германцев были сильно подвержены влиянию более развитой цивилизации кельтских племён, чьи области поселения распространялись от Галлии до юга Польши. Связующим моментом для всех племенных групп на периферии данного ареала была кельтская культура железного века (V–I вв. до н.э.), названная в честь местечка Ля Тэн (La Tène) на северо-востоке Нойенбургского озера (Швейцария). Таким образом, этногенез германских племён можно расценивать *как процесс балансировки разнородных*

этнических групп некельтского происхождения, подверженных сильному влиянию культуры кельтов. Данная культура оказала формирующее и интегрирующее влияние не только на быт германцев, но и на их диалекты. На фоне кельтоязычной экзоглоссии впервые формируется собственная германская языковая группа, подкреплённая развитием Ясторфской культуры (по названию древнего германского некрополя урн под городом Бад Бевензен в Нижней Саксонии), распространившейся с ютландского полуострова вплоть до северной Богемии. Роль Ясторфской культуры в выравнивании кельтского языка и германской языковой группы весьма велика. Уже в I в. до н.э. в германских поселениях между Эльбой и Заале появляются по кельтскому образцу первые военные дружины, а вскоре и первая общинная структура. Копирование культурного стереотипа (перенятие кельтского оружия, принципа племенной иерархии и пр.) как предпосылка развития отражается и на языке. Заимствованиями из кельтского языка стали слова из военного дела (*Brünne*, *Vasall*), религии (*Druide*, *Kromlech*), общественной и политической деятельности (*Ambassade*, *Amt*, *Burg*, *Clan*, *Eid*, *Geisel*, *Stadt*, *Reich*), культуры и искусства (*Barde*, *Brio*, *Crwth*, *Rotta*), ремесленничества (*Eisen*, *Kai*, *Karre*, *Lot*, *Mergel*, *Mine*, *Mineral*, *Tonne*), кулинарии (*Flammeri*), портняжного мастерства (*Flanell*, *Rüsche*, *Zerevis*), скотоводства (*Mocke*, *Pferd*) и т. д.

Кельтизмы принято называть адстратами. Адстрат – это заимствованная единица из более развитого ЯД. Соответственно субстратами являются заимствования из языков, менее жизнеспособных и более консервативных. Считается, что во время контакта с индоевропейским субстратами были лигурийский (дальний родственник кельтского) и этрусский, снабдившие будущий немецкий язык словами *Brente*, *Fön*, *Gämse*, *Lawine*, *Senner*, *Spanferkel* и пр.

Итак, первой экзоглоссной ситуацией в языковой истории германского этноса можно считать *кельтоязычную экзоглоссию* III в до н. э., оставившую в составе сформировавшегося позднее немецкого языка целый страт лексических единиц. Кельтская экзоглоссия существенно изменила не только материальную культуру, но, очевидно, и общественную структуру собственно германских и других, более отдалённых этнических групп и тем самым внесла значительный вклад в этногенез германцев [2].

Как видно, уже на ранней стадии языковой истории германского этноса заложен стереотип языкового развития посредством экзоглоссии. В дальнейшем она во многом будет определять сценарий исторического развития немецкого языка.

С момента основания Маркусом Агриппой римской гражданской колонии *Colonia Claudia Ara Agrippinensium* (сегодняшнего Кёльна) в 50 г.

н. э. началась *романизация* германских областей. И основная область поселения германцев с усилившейся тенденцией к изоглоссии, названная Великой Германией (Germania libera или magna), и обе её пограничные провинции – Верхняя Германии (Germania superior) и Нижняя Германия (Germania inferior) – подверглись массивному влиянию латыни периода серебряного века (14–117 гг. н.э.) и в особенности народной, или «вульгарной» латыни, легшей в основу романских языков. Эта экзоглоссия называется «первой латинской волной» и характеризуется тем, что латинский язык достиг полного распространения на германских территориях и сменил ранее доминировавшую кельтскую культуру. Вплоть до формации средневековой латыни (500 г.) и основ германской наддиалектной системы романоязычную экзоглоссию характеризуют единицы из областей домостроения (из камня) (*Fenster, Kalk, Keller, Mauer, Pfeiler, Wand, Ziegel*), овощеводства (*Kirsche, Kohl, Kürbis, Minze, Pfirsich, Pflaume, Rettich, Senf*), виноделия (*Kelter, Presse, Torkel, Trotte*), торговли (*Kiste, Markt, Münze, Pfund, Sach, Zins, Zoll*), временной периодизации (*Minute, Sekunde*), кулинарии (*Becken, Kessel, Koch, Küche, Pfanne, Schüssel*), животноводства (*Esel, Maultier, Saumtier*), управления и права (*Kaiser, Kerker, Kette*) и христианской веры (*Schreiber, Tinte*).

По стилистико-функциональным параметрам заимствованный материал образует страт паралексики, вступающий с автохтонными глоссами германцев в отношения диглоссии. *Диглоссия и экзоглоссия на стадии этногенеза германских племён неразрывно связаны друг с другом, т. к. речь идёт о постоянном обогащении культуры и языка германцев.*

Таким образом, второй экзоглоссной ситуацией явилась *первая латинская волна* 50 г. н. э. – 500 г. н.э. В это же время существовал продолжительный языковой контакт с готским. Через посредничество библии Вульфилы в германские диалекты проникают грецизмы *Bischof, Engel, Ergetag* (позднее „*Dienstag*“), *Kirche, Pfaffe, Pfarre, Pfinstag* (позднее „*Donnerstag*“), *Teufel*. Позднее влияние готского на внедрение данных лексических единиц будет поставлено под сомнение [5].

Очевиден факт того, что полиглоссия (наличие нескольких стратов иноязычной лексики) как внутриязыковое явление также закладывается на ранних истоках формирования языков германской группы. Сопоставляя немецкий и гомологичный ему английский языки, к примеру, необходимо отметить, что последний – один из наиболее ярких представителей западногерманской ветви – вобрал в себя материал шестнадцати языков [3. P. 121–129]. Именно эта гетерогенность языкового идиома помогает открывать носителям разных языков в нём что-то своё, только благодаря ей английский язык считается *lingua franca* в современном миро-

вом сообществе и является одним из мощнейших ЯД современности [4. С. 199].

Литература

1. ***Большой*** энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 2000. С. 481, 617.

2. ***Brockhaus F.A.*** AG, Langenscheidt KG, Dudenverlag, Bibliographisches Institut, 2001. Entwickelt von der Hypermediagruppe am Johanneum Research und der TU-Graz.

3. ***Faiß K.*** Englische Sprachgeschichte. Tübingen, 1989.

4. ***Ohnheiser I., Kienpointer M., Kalb H.*** (Hrsg.) Sprachen in Europa. Sprachsituation und Sprachpolitik in europäischen Ländern. (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Bd. 30). Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1999, XI.

5. ***Schrodt R.*** Wörter aus der Fremde. URL: www.unet.univie.ac.at/~a9902976/ index.html.

6. ***Schweikle G.*** Germanisch-deutsche Sprachgeschichte im Überblick. Stuttgart, 1990.

АДАПТАЦИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII в. (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ А.В. СУВОРОВА)

И.Я. Кончук
Томский государственный университет

В количественном отношении заимствованные прилагательные, зафиксированные в письмах А.В. Суворова, значительно уступают субстантивной лексике. Историко-этимологический анализ иноязычных адъективов суворовского эпистолярия позволяет распределить их по двум основным группам: 1) прилагательные западноевропейского или латинского происхождения, оформленные на русской почве при помощи суффикса **-н-**, 2) адъективы, восходящие к французским прилагательным с суффиксом **-ique** и получившие в русском языке исход на **-ический**. К заимствованным адъективам первой группы относятся:

а) адъективы-галлицизмы: **амфитеатральный** (фр. amphithéâtral от лат. amphitheatralis *имеющий отношение к амфитеатру*, дериват amphitheatrum, i n *амфитеатр*, восходящего к гр. 'αμφιθέατρον τό, образованному с помощью префикса 'αμφι- *вокруг* от θέατρον τό *театр, (букв. место для смотрения)*< θεάομαι *смотреть*, суффикс -τρον обозначает *место действия*), **радикальный** (фр. radical от позднелат. radicalis *коренной, корневой* из лат. radix, īcis f *корень, основание*), **спекулятивный** (фр. spéculatif от ср.-лат. speculatīvus *наблюдательный, умозрительный*, восходящего к speculor, speculātus sum, speculāre *наблюдать, созерцать*, деривату spicere *смотреть*), **фатальный** (фр. fatal от лат. fatalis *предназначенный судьбой, роковой*, деривата fatum, i n *слово богов, рок, судьба,* восходящего к for, fatus sum, fari *говорить, возвещать*) и др. (всего 12 ед.);

б) адъективы французского или немецкого происхождения: **активный** (фр. actif или нем. aktiv из лат. actīvus *деятельный*, восходящего к ago, egi, actum, agere *приводить в движение, гнать, действовать*), **вокальный** (нем. Vocal или фр.vocal из лат.vocālis *звучный, певучий*, деривата vox, vocis f *голос, звук*), **инструментальный** (нем., фр. instrumental из лат. instrumentālis *орудийный*, деривата instrumentum, i n *орудие*, восходящего к instruo, instruxi, instructum, instruere *вставлять, оборудовать*, образованному с помощью префикса in- *в* от struo, struxi, structum, struere *строить, устраивать*), **локальный** (фр., нем. local из лат. locālis *местный*, восходящего к locus, i m *место*);

в) прилагательные, испытавшие при заимствовании посредничество польского языка: **партикулярный** (пол. partykularny, нем. partikular, фр.

particulaire из лат. particularis *частичный, частный*, восходящего к particula, ae f *частичка*, деминутиву к *pars, partis f* часть), **персональный** (пол. personalny из лат. personālis *личный*, деривата persōna, ae f *личность, лицо*), **публичный** (пол. publiczny из лат. publicus *общественный*), **регулярный** (пол. regularny, нем. regulär из лат. regulāris *имеющий силу правила, обязательный*, деривата regula, ae f *норма, правило, принцип*, восходящего к rego, regere *править, определять*);

г) адъективы, не исключающие непосредственного заимствования из латинского языка: **генеральный** (пол. generalny или непоср. из лат. generālis *общий, родовой*, деривата genus, generis n *род, происхождение*, восходящего к geno, genere *рождать, возникать*), **горизонтальный** (фр., нем. horizontal или непоср. из лат. horizontālis, деривата horizon, horizontis m *небосклон, горизонт*, восходящего к 'ορίζων, οντος 'ο), **театральный** (фр. théâtral, нем. theatralisch или непоср. из лат. theatrālis *театральный*, деривата theatrum, i n *театр*, восходящего к рассмотренному выше гр. θέατρον τό *театр*), **формальный** (пол. formalny, нем. formal, фр. formel или непоср. из лат. formālis *составленный по форме*, восходящего к forma, ae f *вид, образ, наружность*).

Самые ранние заимствованные адъективы, отмеченные в письмах А.В. Суворова, датируются концом XVII в. или относятся к Петровской эпохе (**генеральный, партикулярный, публичный, формальный**). Большая часть перечисленных выше прилагательных – заимствования XVIII в. В начале – первой половине XVIII в. осваивались прилагательные **вокальный, горизонтальный, инструментальный, натуральный, перспективный, спекулятивный, театральный**, в середине XVIII в. – **амфитеатральный, ломберный, сериозный**, во второй половине – конце XVIII в. **активный, локальный, радикальный**. Не позднее XVIII в. вошли в русский язык и получили лексикографическое отражение прилагательные **регулярный и титулярный**.

Однако в письмах Суворова нами отмечены прилагательные, не нашедшие отражение в исторических словарях XVIII в. Так, согласно словарю П.Я. Черных, в русском языке прилагательное **тотальный** отмечено в 1837 г. Широкое распространение слово получило только в 20-х – начале 30-х гг. XX в. и с 1940 г. зафиксировано в словарях [2. С. 254; 5]. Источником распространения слова на русской почве стал французский язык. Фр. total *весь, полный* восходит к ср.-лат. totalis *весь, полный*, образованному на базе кл. лат. totus *весь, целый, совокупный*. В письмах указанный адъектив употребляется в следующем контексте: «Кто из хлеба служит – мерсинер, довольный средний, не благородный. Тако предательный шпион тот подчиненный, кто тайно правлению относится: для

первых Гофкригзрат, я ж от их участи за атмосферой; вторыми ж я столько замучен, что употреблял отзыв – термин от **тотального**, ежели не исправится» [4. С. 363]. Суворов просил об отзыве из армии, исходя из общих ("термин от тотального"), а не из личных интересов. То есть в данном контексте прилагательное употребляется в значении *общий* и мы можем говорить о более раннем вхождении слова на русскую почву, а самого автора писем считать своеобразным проводником на русскую почву заимствований, которые получили широкое распространение в русском языке в более поздний период.

Другое не отмеченное в словарях заимствование **визибельный** употребляется Суворовым единожды в письме Д.И. Хвостову: «Л.С. Изот – своенравный приятель и честный человек. 1-е. Как домашнему в его визитах будьте ему всегда **визибельным**, или на кратчайшее время до вашего выхода принимает его тотчас кто из наших дам» [4. С. 251]. Источником заимствования, вероятно, является лат. visibilis *видимый, заметный* образованное на базе глагола **video, vidi, visum, vidēre** *видеть* с помощью адъективного суффикса **-bilis** со значением *пригодность к чему-либо*. Как показывает контекст, в этом значении употребляет его и Суворов, советуя другу не избегать встреч (быть видимым, быть в поле зрения) с визитером. В дальнейшем слово не получило распространение в русском языке, вероятно, по причине появления другого заимствования, близкого по значениию адъектива **визуальный**. Фиксация в словарях русского языка XVIII в. таких слов позволяет более полно представить словарь указанного периода, что повышает значимость суворовского эпистолярия как лингвистического источника.

Процесс ассимиляции заимствованных иноязычных прилагательных сопровождался активизацией деривационных процессов, в результате которых в русском языке группа прилагательных пополнилась новообразованиями с суффиксом **-н-**, возникшими на базе заимствованных ранее существительных. В суворовских письмах этот процесс также нашел отражение. Нами зафиксированы дериваты **артельный, бригадный, гарнизонный, генерал-аншефный, депотный, десантный** и т.п. (всего 45 лексем). Интенсивность процессов адаптации заимствованных слов и словообразования привели к тому, что иногда возможно двоякое толкование истории появления в русском языке некоторых лексем. Так, прилагательное **секретный** может быть рассмотрено и как заимствование из латинского языка (лат. secretus *тайный, скрытый*), испытавшее посредство польского secretny, -nie или французского secret, и как дериват заимствованного из французского языка еще в начале XVIII в. существительного **секрет** [1. С. 393].

Второй по численности группой иноязычных адъективов, нашедших отражение в письмах А.В. Суворова, являются французские заимствования, восходящие к прилагательным с суффиксом **-ique** и получившие в русском языке исход на **-ический**: **героический** (фр. héroïque от лат. heroicus, восходящего к гр. ἡρωϊκός, деривату ἥρως ὁ *герой (название полубогов, богатырей и витязей древних времен)*, **лаконический** (фр. laconique от лат. Laconicus *лаконский*, восходящего к гр. Λακωνικός *лаконский (спартанский)*, образованному от Λάκων, ωνος ὁ *лакедемонец, спартанец*), **методический** (фр. méthodique от лат. methodicus, восходящего к гр. μεθοδικός *основанный на методе (системе известных правил)*, деривату μέθοδος ἡ *букв. путь вслед за чем, способ исследования*, образованному с помощью префикса μετά- *с, между*, обозначающего в сложных словах следование за чем-либо, и ὁδός ἡ *путь, дорога*), **хронический** (фр. chronique, нем. chronisch от лат. chronicus, восходящего к гр. χρονικός *долговременный*, деривату χρόνος ὁ *время*) и др. (всего 8 ед.).

Под влиянием данного типа заимствований в русском языке стали оформляться не только галлицизмы греко-латинского происхождения, но и адъективы, восходящие к немецкому источнику. Например, прилагательное **практический** восходит к нем. praktisch, источником которого является гр. πρακτικός *деятельный*, связанное с глаголом πράττω *делать, совершать*.

Прилагательные французского происхождения с исходом на **-ический** на русской почве вступали в вариантные отношения с адъективами других словообразовательных типов. Доминирование двух основных групп заимствованных прилагательных (с суффиксом **-и-** и с исходом на **–ический**) привело к появлению словообразовательных дублетов: **меланхоличный – меланхолический** (пол. melankoliczny или фр. mélancolique из лат. melancholicus *меланхолический, страдающий меланхолией*, восходящего к μελαγχολικός *склонный к меланхолии*, деривату μελαγχολία ἡ *уныние, страдание черной желчью*: μέλας, μέλαινα, μέλαν *черный, темный, мрачный* и χολή ἡ *желчь*), **моральный – моралический** (пол. moralny, фр. moral, нем. moralisch или непоср. из лат. moralis *нравственный, этический*, восходящего к mos, moris m *нрав, характер, поведение*).

С другой стороны, указанные заимствования способствовали появлению на русской почве дериватов, образованных по модели заимствованных прилагательных на **–ический**. Примерами могут служить отмеченные в суворовском эпистолярии такие прилагательные, как **дипломатический** (относящийся к дипломатике, дипломату), **игантический** (огромный, большой), **стоический** (относящийся к стоикам; мужественно переносящий испытания), **тиранический** (свойственный тирану, жесто-

кий), **сателлический** (свойственный сателлиту). Параллельное протекание процесса образования новых прилагательных подобного типа и появление дериватов с суффиксом **-н-** от ранее заимствованных существительных способствовало появлению словообразовательных дублетов типа **парабольный – параболический, химерный – химерический.** Ни тот, ни другой тип вариантных отношений не нашел отражение в суворовских письмах. Автор писем отдает предпочтение вариантам с суффиксом **-и-**, что, вероятно, свидетельствует о доминировании этого словообразовательного типа: «...благодарите Бога ревностию к службе Вашей Великой Императрицы и в **моральном** виде будьте **моральны**» [4. С. 212]; «Из его **меланхоличного** гнезда выгнал он меня из Италии...» [4. С. 361]; «...первая линия **парабольными** выстрелами его протектует; как лутче меня матроз, он Вам, Милостивому Государю, лутче то опишет» [4. С. 137]; «Позвольте только теперь мне молить Бога о здравии Вашей Светлости, ибо письмы празднуют еще в Полтаве по **химерному** меня туда ожиданию назад» [4. С. 57].

Обращает на себя внимание лексикографически не зафиксированное прилагательное **игантический**, которое отмечено в суворовских письмах в следующем контексте: «Гибель по сей **игантической** экспедиции пойдет гулять на облака» [4. С. 311]. Будучи дериватом существительного **гигант**, оно выступает словообразовательным дублетом другого адъектива – **гигантский**. Это дает основание для выделения еще одного вида словообразовательных дублетов – адъективы с исходом на **-ический** и адъективы с суффиксом **-ск-** (**игантический – гигантский**). В русском языке XVIII в. активно шел процесс пополнения группы дериватов с суффиксом **-ск-** от ранее заимствованных существительных. Это отразили и суворовские письма, в которых зафиксированы 42 лексемы подобного типа: **адмиральский, армейский, артиллерийский, варварский, генерал-губернаторский** и т.п. Количественное преобладание лексем данного словообразовательного типа свидетельствует о его доминировании. В исследованиях, посвященных проблемам исторической лексикологии, отмечается, что в начале XVIII в. сильная вариантность лексических образований, вызванная неупорядоченностью языковых норм того времени, приводила к появлению еще одного типа словообразовательных дублетов: **инженерный – инженерский, театральный – театральский, рекрутный – рекрутский, бомбардирный – бомбардирский, флотный – флотский** и т.п. [2. С. 46]. Данный тип варьирования в суворовских письмах отражает пара словообразовательных дублетов **канонерный – канонерский**: «План батареям Вашей Светлости представил и доносил о приплывшей сюда из моря балке и

пр[оче]м с взорвавшегося, по-видимому, **канонерного** турецкого судна» [4. С. 156]; «Что прежде сего судно взорвалось в море, было **канонерское**» [4. С. 157]. Привлеченные для исследования контексты, в которых чаще употребляется только один из составляющих вариантную пару (**гарнизонных, театральный, инженерный**), позволяют считать доминирующими варианты с суффиксом **-н-**.

Кроме двух указанных типов заимствованных прилагательных, в письмах А.В. Суворова отмечена и неадаптированная форма иноязычного адъектива, переданная полководцем средствами русской графики **бетрехтлих(т)** (от нем. beträchtlich *значительный*). Указанное иноязычие Суворов употребляет в письме А.К. Разумовскому: «Лутчий Край о множестве больных и части раненых гарнизона в Мантуе употребляет **бетрехтлихт**; я наобум должен бал поставить 10 000» [4. С. 348]. Употребление подобных иноязычий автором писем, на наш взгляд, может быть следствием владения А.В. Суворовым многими иностранными языками. Использование данных единиц вместо русских эквивалентов часто придавало речи автора иную стилистическую окраску, демонстрируя в ряде случаев его негативное отношение к происходящему.

Таким образом, предпринятое историко-этимологическое исследование заимствованных адъективов в письмах А.В. Суворова позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, две основные группы заимствованных прилагательных представляют заимствования из западноевропейских языков (французского, немецкого, польского) в большинстве случаев греко-латинского происхождения, оформленные на русской почве при помощи суффикса **-н-** или получившие исход на **-ический**.

Во-вторых, письма отразили два параллельно протекавших в русском языке XVIII в. процесса – ассимиляции заимствованных прилагательных и словообразования. Их следствием стало появление словообразовательных дублетов, отразивших, с одной стороны, две ведущие словообразовательные модели заимствованных прилагательных (**химерный – химерический** и др.), с другой – основные словообразовательные типы дериватов (**гарнизонный – гарнизонский** и др.). Проанализированные контексты показали, что в суворовском эпистолярии нашла отражение только одна пара вариантов (**канонерный – канонерский**). В остальных случаях употребляется один из составляющих вариантную пару (чаще адъектив с суффиксом **-н-**), что позволяет считать такие варианты преобладающими.

В-третьих, не нашедшее отражение в лексикографической практике XVIII в. прилагательное **игантический**, образованное на русской почве и

отмеченное в эпистолярии, выступает как словообразовательный дублет деривата **гигантский.**

В-четвертых, в письмах нами зафиксировано не отраженное в словарях XVIII в. прилагательное **визибельный** в значении *видимый, находящийся в поле зрения.*

В-пятых, письма Суворова позволяют сделать вывод, вопреки другим источникам, о более раннем появлении в русском языке прилагательного **тотальный.**

В-шестых, использование Суворовым неадаптированных форм иноязычных адъективов вместо русских эквивалентов может быть мотивировано необходимостью внесения дополнительных смысловых и стилистических оттенков, помогающих определить отношение автора к происходящему.

Литература

1. ***Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.*** Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.

2. ***История*** лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М.: Наука, 1981.

3. ***Словарь*** русского языка XVIII в. М.: Наука, 1984.

4. ***Суворов А.В.*** Письма. М.: Наука, 1986.

5. ***Черных П.Я.*** Историко-этимологический словарь современного русского языка: М.: Русский язык, 1999. Т 2.

РУССКАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ПРЕФИКСАЦИЯ: ОТ ПРОСТРАНСТВЕННОСТИ К ОЦЕНОЧНОСТИ

Ю.В. Королева
Томский государственный университет

Яркой особенностью славянского (в том числе и русского) глагола является его способность сочетаться с приставками. Выступая в видообразующей и/или словообразовательной (лексической) функциях, префиксы служат средством выражения видового значения и дополнительного семантического насыщения глагола посредством модификации или мутации его исходного смысла. Таким образом, глагольные приставки являются носителями разноплановой информации, к определению объема и рамок которой исследователи обращались еще с XVIII в.

М.В. Ломоносов в «Трудах по филологии» утверждает, что способность глагола сочетаться с приставками даёт ему «новые знаменования и большую силу» [1. С. 479], т.е. новые значения и, как следствие этого, способность к изобразительности.

В научных грамматиках XIX в. префиксальные единицы рассматриваются в рамках глагольной категории вида, однако уже в этот период учёные указывают не только на грамматическую сущность префиксов, но и на яркость лексического значения приставок, разделяют их на «грамматические» и «лексические».

В «Филологических наблюдениях...» Г. Павский отмечает, что приставочные глаголы возникли из-за «нужды в новом пособии выражать залог, время и пространство» [4. С. 75]. Такую возможность языку дают именно приставки, представляющие собой «знаки грамматического словопроизводства».

Продолжая теорию К.С. Аксакова о степенях действия и характеризуя способность русского глагола сочетаться с предлогами, Н.П. Некрасов особо отмечает внутреннее слияние приставки и глагола, которое считает не механическим и грамматическим, а более сложным. По мнению ученого, при присоединении приставки глагол теряет общее значение и получает значение действия частного, выражающего «новый, особенный образ своего проявления», чем достигается «картинность», изобразительность действия, а не сухая отвлечённость, связанная со значением вида [3. С. 178–179].

Дальнейшее изучение вида в русском языке показало, что данная категория основана на взаимодействии и противодействии грамматических и лексических смыслов: грамматические значения объединяют глаголь-

ные единицы в видовые пары, лексические – разъединяют их как разные действия или оттенки одного действия. Средством образования новых лексических и грамматических значений глагола являются приставки.

Однако перфективацию и имперфективацию необходимо разграничивать, их нельзя рассматривать как явления одного порядка. Перфективация чаще всего представляет собой «словообразовательный приём», приём создания нового глагола, т.е. нового лексического значения, сопровождаемый возникновением перфектного грамматического значения, а имперфективация служит, как правило, чисто грамматическим средством создания видовых противопоставлений [2. С. 5–7]. Такое разграничение этих понятий предполагает и разделение средств их выражения. Как считают исследователи, собственно видовым средством (за исключением чистовидовых префиксов) являются суффиксы имперфективации. Приставки во всех славянских языках выступают в роли типичных словообразовательных морфем, средств глагольного словообразования, способных в соответствии с нуждами языка участвовать в назывании динамических фрагментов реального мира.

Для номинации любого действия важнейшее значение имеет точка отсчета, с которой наблюдатель смотрит на обозначаемую ситуацию, соотносит ее с другими фрагментами действительности, связанными с называемым действием. Язык избирателен в отношении признаков обозначаемого действия, в отношении эксплицитности-имплицитности представления характеристик действия в языковых единицах, распределения того, какими средствами (грамматическими, лексическими, контекстными и т.п.) выражается то или иное содержание. В большинстве языков для обозначения действия служит глагол, который обладает семантикой, способной отражать целый ряд параметров протекания той или иной ситуации. В свою очередь, глагольные префиксы обладают семантикой разной степени абстрактности. С одной стороны, это узкопараметральные значения, унаследованные приставками от предлогов; с другой стороны, это более сложные семантические характеристики, вырастающие из взаимовлияния префикса и глагольной основы, являющиеся результатом семантического развития префиксальной морфемы. Такие компоненты префиксальной семантики гораздо шире, чем пространственные и временные значения.

Современный взгляд на значение глагольных приставок позволяет представить семантику префикса как не просто семантический признак в общем глагольном значении, а как некую смысловую рамку вокруг значения глагола, одновременно самостоятельную и связанную с глагольной основой. В эту рамку можно вставить глагольное содержание, соотносимое с ней семантически, которое в дальнейшем разворачивается по за-

данным префиксом направлениям. Кроме того, зачастую именно на приставке лежит нагрузка конкретизации действия, стоящего за глаголом, его интерпретации и оценивания. Именно в результате тесного взаимодействия русского глагола с приставками становится возможной та изобразительность действия, о которой говорили исследователи еще в XIX в. Отметим, что указанная изобразительность сочетается с оценкой действия с точки зрения его параметрических характеристик. Так, мясо, вареное меньше положенного на это времени, оценивается как недоваренное, т.е. не соответствующее норме. Измерение по шкале интенсивности, с которой соотносится то или иное действие, – естественная направленность человеческого сознания. Целевые, количественные и другие критерии, с которыми субъект оценивания подходит к действию, отражают соответственно признаки действия, его параметры на указанной шкале. Пространственные и временные значения способны представляться носителями языка не только как денотативные величины, но и как объекты оценки. Называя действие, мы интерпретируем его, оценивая с точки зрения соответствия/несоответствия «норме глагольного действия» – идеального образца действия (представления о его вероятном, типичном исходе и протекании). Такой образец постепенно сложился в сознании человека и реализуется в глагольной сфере посредством определенного рода приставок, ориентированных на выражение глагольно-нормативных отношений. Указание на соответствие/несоответствие норме глагольного действия несут префиксы ДО-, НЕДО-, ПЕРЕ-, ПРИ-, ПОД-, НА-, РАЗ- и т.д. (*недосолить суп, переварить мясо, приоткрыть дверь* и т.п.). Действие, номинированное глаголами с такого рода префиксами, оказывается по «левую» или по «правую» сторону от нормы, характеризуясь недостаточной степенью интенсивности или, наоборот, избыточностью, в то время как норма глагольного действия представляется как общепринятый стандарт (Ср. *открыть – приоткрыть, посолить – пересолить*).

Остановимся подробнее на приставке НА-, являющейся ярким аксиологическим распространителем глагола в русском языке.

Основным значением префикса НА- считается «направление на поверхность предмета», «наличие чего-либо на поверхности», однако оценочный характер этого глагольного префикса проявляется в накопительном (кумулятивном) значении. Последнее является результатом развития исконного значения приставки – «сверху», «сверх», «свыше», т.е. движение к верхнему пределу действия.

Глаголы с кумулятивной приставкой НА- обозначают несколько или много действий, каждое из которых в качестве результата предполагает новый или просто изменённый объект, а всё действие в целом – суммар-

ный объект, накопленный в результате ряда совершенных действий. Мельчайшие оттенки значения приставки (и всего глагола в целом) корректируются контекстом, такие глаголы обычно сочетаются со словами «масса», «множество», «уйма». Накопление результатов действия предполагает накопление, суммирование как большого числа объектов (*напечь пирогов, накупить книг*), а также определённого количества, меры общего для ряда действий объекта (*насолить капусты, нарассказывать всякого*), так и субъектов действия (*набежали, наприезжали*).

Внутренняя структура таких глаголов представлена несколькими однородными действиями: накидали = кинули один раз + кинули второй раз и т.д. Таким образом, действие, обозначенное глаголом с приставкой НА-, совершается много раз, в большом объеме, а в показателе «много» содержится указание на оценку количества объектов (или субъектов): «много» обозначает больше обычного, т.е. больше нормы глагольного действия, которая может быть выражена сопоставимым глаголом с иным префиксом или без него (Ср.: *насолить капусты на всю зиму – посолить банку огурцов*).

В накопительном значении префикса НА-, помимо сем результативности, множественности, исчерпанности действия, выделяются такие семантические признаки, как пресыщение, удовлетворённость действием, его особая интенсивность и полнота, то есть действие, обозначенное глаголом с приставкой в данном значении, оказывается не только названным, но и характеризованным производителем действия и/или его наблюдателем с точки зрения количества действия, его интенсивности, а следовательно, желательности-нежелательности такой интенсивности. В данном случае параметрическое оценивание количества действия, количества его результата сочетается с оценкой его нужности, рациональности. Отклонение от нормы глагольного действия может проявляться в глаголах по-разному – как желательное и как нежелательное. Семантический компонент «много», как и компонент «мало», оценивается человеком с точки зрения его практичности, полезности в общей деятельности человека с точки зрения утилитарной оценки. Так, много чего-либо конструктивного, нужного – это хорошо, много чего-либо деструктивного, ненужного – плохо, при этом данные оценки зависят от глагольной основы и внеязыкового контекста (Ср.: *навыращивать яблок – навыращивать сорняков, написылать поздравительных открыток – написылать анонимок*).

Испытывая потребность номинировать действие, человек соотносит его с уже известным ему прототипом этого действия, хранящимся в его сознании, сравнивает результаты совершенного и стереотипного действий, оценивает рамки реального действия по отношению к «идеальному»,

его законченность/незаконченность, степень интенсивности и называет совершенное действие исходя из содержания, которое он желает вложить в глагол. Для выражения этого содержания в языке имеются определенные модели и средства, которыми, помимо самих глаголов, являются префиксы – семантические распространители глагола, позволяющие варьировать смысловое содержание, задавать параметры обозначаемого действия, что является существенно важным для номинации фрагментов динамического мира. Глагольные приставки, приспособленные когда-то языком для указания пространственных (а затем временных) отношений между фактами действительности, на данном этапе развития преобразовались в своеобразные аксиологические показатели действия. Такая трансформация денотативного содержания приставки, по всей видимости, является отработанной языком моделью формирования оценочных смыслов в сфере глагола, которая указывает на устойчивую связь физических и аксиологических сущностей в сознании человека.

Литература

1. ***Ломоносов М.В.*** Труды по филологии. Полн. собр. соч. Т. 7. 1952. С. 479–485.

2. ***Маслов Ю.С.*** Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения глагольного вида. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 39 с.

3. ***Некрасов Н.П.*** О значении форма русского глагола. 1865.

4. ***Павский Г.*** Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 3. 1850.

ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ РАСХОЖДЕНИЙ АМЕРИКАНСКОГО И БРИТАНСКОГО ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Н.В. Косарева
Московский государственный университет

Лексико-семантические особенности американского и британского английского (далее AE и BE) – объект многих исследований и хорошо изучены в плоскости английского языка. Роль лексических маркеров AE и BE играют единицы с разными планами выражения и общим планом содержания, или аналоги; единицы с общим планом выражения, но различными планами содержания, или дивергенты (Швейцер, 1971).

Однако практически не исследованными остаются аспекты функционирования таких различительных элементов AE и BE в плоскости двух языков, в частности, при переводе с английского на русский. Рассмотрение маркеров AE и BE в качестве объектов переводческого сопоставления дает нам возможность выяснить, насколько их природа находит отражение при переводе, а также имеются ли какие-то дополнительные факторы, влияющие на их перевод.

Сопоставительный анализ оригиналов и переводов текстов, в которых функционируют маркеры AE и BE, показывает наличие зависимости передачи единиц от их характера и типа текста.

Специфика передачи аналогов AE и BE в газетных медийных публикациях уже рассматривалась в одной из наших работ[1]. В данной публикации мы рассмотрим особенности перевода маркеров AE и BE в художественных текстах и беллетристике.

Прежде всего, обратимся к аналогам. Ввиду общего плана содержания, общей фактологической информации, разные планы выражения аналогов в AE и BE не находят отражения при переводе.

В следующих примерах аналоги *BE holiday – AE vacation* с общим обозначаемым в BE и AE передаются как *отпуск*:

... tenant was courteously urged to take a brief ***holiday*** *and thus assist Her Majesty [5, 182]. – ...хозяина ... учтиво убедили срочно взять небольшой* ***отпуск*** *и помочь тем самым Ее величеству* [6. С. 165]. *There was about*

[1] См.: Косарева Н.В. Отражение в переводе аналоговых различий между британским и американским вариантами английского языка (на материале газетных публикаций в сети Интернет)/Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. М., 2006. С. 96–111.

the house an unofficial theory that he was to take his ***vacation*** *alone* [7. С. 237]. – *В семье было молчаливо принято решение, что* ***отпуск*** *он должен провести один* [8. С. 258].

Авторы художественных произведений могут также использовать маркеры AE и BE для характеристики персонажей. В этом случае маркеры BE и AE несут особую эстетическую нагрузку, которая, по идее, должна быть передана или каким-то образом компенсирована. В противном случае эстетические потери при переводе неизбежны.

Аналоги AE и BE – маркеры не только вариантов английского языка: они, как следствие, могут указывать на национальную принадлежность говорящего по причине преимущественного использования маркеров в AE или BE.

Иллюстрацией из художественного произведения может служить эпизод из рассказа Эрнеста Хемингуэя *"A Canary for One"*, в котором пожилая дама принимает американскую семейную пару за англичан, судя по их внешнему виду. Она говорит: *"I thought you were English* [1. С. 179–180]."

Мужчина предполагает, что это из-за того, что он носит подтяжки: *"Perhaps that was because I wore* ***braces****", I said. I had started to say* ***suspenders*** *and changed it in the mouth, to keep my English character* [1, 179–180].

В последнем предложении отрывка герой, хотя и является американцем, сознательно использует британский аналог *braces* вместо *AE suspenders*, чтобы соответствовать впечатлению, что он англичанин. В данном случае мы наблюдаем не только вербальную характеристику персонажа, но и визуальную.

Практическая невозможность передачи аналогов *BE braces – AE suspenders* в этом контексте состоит в том, что в экстралингвистической реальности они имеют общее обозначаемое, лишенное какой-либо национальной специфики. Попытка же передать аналоги при помощи окказиональных соответствий не имеет смысла: они не укажут на национальную принадлежность говорящего. При переводе этой беседы Н. Дарузес опустила последнюю часть:

– Я думала, что вы англичане.

– Может, вам это показалось потому, что я ношу ***подтяжки****? – сказал я* [2. С. 36].

Как видим, в переводе вербальный образ не передан, сохранен лишь визуальный.

Но мы наблюдаем иную картину при передаче аналогов со специфичной формой в AE или BE, закрепленной за определенным предметом или

явлением в британской или американской действительности, а именно аналогов-культуронимов[2]. Ввиду разной экстралингвистической реальности, стоящей за ними, фоновая информация о локальной принадлежности может быть эксплицирована при переводе.

К примеру, в романе «Посредник» Фредерика Форсайта для обозначения лондонской полиции используется социолингвистически обусловленное[3] словосочетание[4] *BE Metropolitan Police* и сокращение *Met*. Фредерик Форсайт эксплицирует локальную принадлежность культуронима в тексте:

***London's** police force, the **Metropolitan Police**, known as **'the Met'**, is headed ... by a Commissioner* [5. С. 115–116]. – *... **лондонская, она же «столичная» полиция**, возглавляется ... комиссаром* [6. С. 103].

Поскольку объяснение и культуроним имеют общее обозначаемое, в переводе они переданы как *лондонская полиция*. Для сокращения *the Met* переводчик выбрал соответствие-кальку *столичная полиция*.

В художественных произведениях маркеры BE и AE также могут использоваться автором для создания словесного образа персонажа. Ввиду исключительной важности эстетической информации, которую в этом случае несут маркеры, различия AE и BE должны быть переданы или компенсированы при переводе. В противном случае эстетическая потеря может быть очень велика, поскольку будет стерта часть характеристики персонажа.

Рассмотрим пару аналогов из романа Синклера Льюиса «Бэббит». Главный герой произведения – Джордж Бэббит – это карикатура на стопроцентного делового американца. В уста Бэббита автор вкладывает исключительно маркеры AE и подчеркивает это тем, что жена Бэббита использует маркеры BE. В нижеследующей выдержке Бэббит и его жена обсуждают, какой смокинг ему одеть. Бэббит использует *AE tux*, а его жена – *BE dinner-jacket*:

*"... Everybody knows I can put on as expensive a **Tux** as anybody else ..."*
*"Oh Georgie, I do wish you wouldn't say **'Tux'**. It's **dinner-jacket**."*

---

[2] Культуронимами мы считаем как слова, обозначающие специфические элементы данной культуры, так и сами элементы. См.: Кабакчи В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. СПб., 2004. С. 419.

[3] Словосочетание является социолингвистически обусловленным, «если его содержание определяется социальной жизнью данного говорящего коллектива, местом и временем коммуникации, обычаями, традициями, культурой, социальным укладом общества». См.: Тер-Минасова С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М., 1981. С. 82.

[4] Под словосочетанием мы понимаем результат атрибутивной связи. См.: Тер-Минасова С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М., 1981. С. 6.

"Rats, what's the odds?"

"Well, it's what all the nice folks say. Suppose Lucile McKelvey heard you calling it a 'Tux' ".

"Well, that's all right now! Lucile McKelvey can't pull anything on me! Her folks are common as mud, even if her husband and her dad are millionaires. I suppose you're trying to rub in your exalted social position!" [7. С. 13–14].

Прежде чем привести перевод этого отрывка, выполненный Р. Райт-Ковалевой, проанализируем специфику использования *AE tux – BE dinner-jacket* в выдержке.

Выбор автором американизма *tux*, конченого усечения от *AE tuxedo*, и *BE dinner-jacket* сделан с целью характеристики Бэббита и его жены. Главный герой предстает как нонконформист, которому нравится себя таковым чувствовать: он сознательно называет смокинг *tux*. Жена Бэббита выглядит «добропорядочной», недалекой хозяйкой дома, которой неприятно слышать, как муж называет смокинг *tux* потому, что так не говорят богатые знакомые и ей хочется чувствовать себя принадлежащей к их кругу. Сама она предпочитает нейтральное *dinner-jacket*. То, что в этом случае автор избрал для подобной характеристики персонажей аналоги, относящиеся к BE и AE, показывает, что британский английский воспринимался в то время как более рафинированный.

Очевидно, что в данном случае нельзя передать оба аналога как *смокинг*: с целью сохранения эстетической нагрузки маркеров необходимо подобрать соответствия для *AE tux*. Приведем перевод Р. Райт-Ковалевой:

... Все знают, что я могу напялить эти «хвосты», не хуже других, чего мне стесняться?

...Джорджи, пожалуйста, не называй вечерний костюм «хвосты». Надо говорить «фрак» или «смокинг».

– Чушь! Не все ли равно!

– Во всяком случае воспитанные люди так не говорят! Представь себе, вдруг Люсиль Мак-Келви услышала бы, как ты говоришь «хвосты»!

– Ладно, прекратим этот разговор! Люсиль Мак-Келви мне не указ! Родные у нее не бог весть кто, хоть ее муж и папаша теперь миллионеры. Может, ты хочешь подчеркнуть, что ты из благородных [8. С. 31–32]?

Хотя *фрак* и *смокинг* обозначают не одно и то же, переводчица выбирает их для передачи *dinner-jacket*. Это обусловлено тем, что с целью передачи эстетической нагрузки аналогов, *AE tux* Р. Райт-Ковалева переводит при помощи окказионального соответствия *хвосты*, которое образовано от единицы *фрак* при помощи метафоры на основе сходства формы и местоположения.

Дивергенты АЕ и ВЕ имеют разные планы содержания при общем плане выражения. Ввиду разной экстралингвистической реальности, расхождения в плане содержания отражаются при переводе.

Рассмотрим использование для характеристики персонажа дивергент-культуроним *public school* в его значении в ВЕ, а именно *престижная платная частная школа*:

Sent by his father to be educated at a minor ***English public school****, he no longer carried the distinctive accent of Northern Ireland in his speech* [3. С. 17].

В данном случае, на наш взгляд, автор хотел подчеркнуть то, что герой избавился от акцента за время обучения в престижной школе. При передаче *ВЕ public school* как *частная школа* будет сохранено предметно-логическое значение, однако фоновая информация, «ореол» избранности вокруг *ВЕ public school*, останется скрытым. Поэтому мы считаем обоснованным то, что переводчик подчеркнул специфику данной школы при помощи определения *привилегированный*:

Он говорил без характерного североирландского акцента, потому что отец отправил его учиться в ***английскую привилегированную школу*** [4. С. 281].

Анализ функционирования аналогов и дивергентов ВЕ и ВЕ в художественных текстах показывает, что отражение аналоговых и дивергентных различий зависит от природы самих единиц и от смысловой и эстетической нагрузки, которую они несут в художественных произведениях.

Литература

Швейцер А.Д. Литературный английский в США и Англии. М.: Высш. шк., 1971. 200 с.

Источники

1. ***A Canary*** for One / Hermigway Ernest. Selected Stories. M.: Progress Publishers, 1971. P. 177–183.

2. ***Канарейку*** в подарок. Перевод Н. Дарузес / Хемингуэй Э. Избранное. М.: Высш. шк., 1986. С. 34–38.

3. ***Forsyth Frederick***. The Dogs of War. London: Corgi Boosk, 1978. 439 p.

4. ***Форсайт Фредерик***. Псы войны. Пер. В.А. Задорожного. 2-й т. М.: Натали, 1993. С. 271–621.

5. ***Forsyth Frederick***. The Negotiator. London: Corgi Books, 1990. 510 p.

6. ***Форсайт Ф.*** Посредник. Пер. с англ. И.Г. Русецкого, С.Л. Сухарева. М.: Прогресс, 1992. С. 3–456.

7. ***Lewis Sinclair***. Babbitt. New York: SIGNET CLASSIC, 1961. 328 p.

8. ***Льюис Синклер***. Бэббит. Перевод Р. Райт-Ковалевой / Бэббит. Эроусмит. М.: Худож. лит-ра, 1973. С. 21–340.

РЕФЛЕКСЫ ДРЕВНИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ОСНОВОЙ НА -U- В СОВРЕМЕННОМ ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Л.Т. Леушина, А.Б. Ёркина
Томский государственный университет

Образованное население Греции приблизительно с I в. н.э. начинает писать не на разговорном языке того времени, а на классическом греческом языке. Начинается период так называемой диглоссии, одновременного сосуществования книжного языка образованных людей и разговорного языка простого народа. Эта ситуация довольно долго сохраняется в языке, в течение всего византийского периода, Нового времени вплоть до середины XX в. В начале XIX в. в связи с обретением Грецией независимости возникает вопрос, какой язык станет официальным языком греческого государства. Сторонники классического греческого языка ратовали за его возвращение, другие, напротив, за современный разговорный греческий. В результате продолжительных баталий был найден компромисс между языком классического периода и современным разговорным. Кафаревуса оставалась официальным языком Греции вплоть до 1976 г., однако наряду с ней продолжал существовать разговорный язык – димотика. Эти две разновидности греческого языка находились в постоянном контакте, поэтому и ныне, когда единственной признанной формой греческого языка является димотика, в языке сохраняются и продолжают употребляться лексика и формы из кафаревусы.

Все имена прилагательные в кафаревусе можно разделить на 3 группы:

1) прилагательные с тремя окончаниями, имеющие особую форму для каждого рода;

2) прилагательные с двумя окончаниями, имеющие одну общую форму для мужского и женского рода и вторую для среднего рода;

3) прилагательные с одной общей формой для всех трех родов.

Первая группа прилагательных кафаревусы имеют окончания ος/η(α)/ον; ιος/ία/ιον; ύς/εια/ύ; ίεις/ίεσσα/ίεν; ας/αινα/αν; ης/α/ικο; ων/ουσα/ον.

Вторая – ος/ον; ης/ες; ους/ουν; υς/υ; ις/ι.

Третья – основы на согласный.

В димотике все прилагательные имеют три окончания: ος/η(α)/ο; ος/ιά/ο; ής/ιά/ί; ύς/ιά/ύ; ής/α/ικο

Некоторым прилагательным на ύς/εια/ύ в кафаревусе соответствуют в димотике формы с окончаниями ός/ιά/ό, например, γλυκύς, γλυκεια,

γλυκύ – γλυκός, γλυκ(ε)ιά, γλυκό. Однако в димотике можно найти и случаи, когда прилагательным с окончаниями ύς/ιά/ύ соответствуют формы кафаревусы на ος/α/ον. В димотике – μακρύς, μακρ(ε)ιά, μακρύ, а в кафаревусе – μακρός, μακρά, μακρόν.

В димотике наблюдается также смешение типов с окончаниями ος/α(η)/ο и ός, ιά, ό. Например, наряду с κακός, κακή, κακό имеется κακός, κακιά, κακό. Чаще всего это встречается у прилагательных, заканчивающихся на -κος в именительном падеже единственного числа.

Особый интерес для нас представляют основы на -u-, поскольку существуют нерешенные проблемы эволюции данной словообразовательной модели. Подробно об эволюции адъективных основ на -u- в индоевропейских языках см. в статьях Л.Т. Леушиной [1]. Нашей задачей является системное рассмотрение адъективных основ на -u- в новогреческом языке в историко-этимологическом аспекте. Сопоставление их с древними u-основами должно дать факты для понимания динамики словообразовательного процесса, его закономерностей.

Выборка материала производилась по словарю И.П. Хорикова и М.Г. Малеева [3]. Словарь составлен в 1980 году, и в основу его положена димотика, варианты из кафаревусы приводятся, но, как указывается в предисловии: «Авторы не сочли возможным в настоящий момент дифференцировать пометами принадлежность каждого слова к димотике или кафаревусе, поскольку процесс утверждения димотики в языке еще продолжается» [1. С. 5].

Дополнительный материал привлекался из других словарей, в том числе из словаря Дорбаракиса, который приводит этимологические толкования лексики [2]. В результате нами было обнаружено 50 прилагательных с основой на -u-. Меньшее количество восходит к древнегреческому языку (20), значительная часть (30) образованы в новогреческий период развития языка.

К числу исконных прилагательных относятся следующие: αμβλύς, εία, ύ; βαθύς, (ε)ιά, ύ; βαρύς, ιά, ύ; βραδύς, εία, ύ; βραχύς, εία, ύ; γλυκύς, (ε)ιά, ύ; δασύς, εία, ύ; δριμύς, εία, ύ; επηλύς (επήλυδος), ύς, ύ; ευθύς, εία, ύ; ευρύς, εία, ύ; ηδύς, εία, ύ; ήμισυς, εια, υ; θρασύς, εία, ύ; παχύς, (ε)ιά, ύ; πλατύς, (ε)ιά, ύ; πολύς, πολλή, ύ; πολύδακρυς, υς, υ; ταχύς, εία, ύ; τραχύς, ιά, ύ. Рассмотрим их на семантическом и словообразовательном уровнях.

Αμβλύς, εία, ύ «тупой» употребляется в разных значениях: тупой как «затупившийся», «слабый», как «несообразительный», а также в качестве математического термина – тупой означает «тупоугольный». В древнегреческом языке этот адъектив имеет значение «тупой, не острый» и используется в переносном смысле как «слабый, вялый, неэнергичный, не

способный». В современном языке прилагательное увеличивает количество дериватов и словосложений типа αμβλύνους «тупоумный», сохраняет семантическое наполнение и морфологический тип.

Βαθύς, (ε)ιά, ύ «глубокий», кроме прямого значения (напр. βαθειά πληγή «глубокая рана»), имеет и переносные βαθειά σκέψη «глубокая мысль» (ср. др.-гр. βαθεῖα φρήν «глубокая мысль»), а также «густой, частый» βαθύ δάσος «густой лес» (ср. др.-гр. βαθεῖα ὕλη «густой лес»), иногда «удобный, мягкий (о мебели)». Встречается в значении «темный» в различных цветообозначениях, подчеркивая темный оттенок красного, голубого, зеленого цветов βαθυγάλανος (βαθιογάλανος), βαθυκύανος «темно- голубой», βαθυκόκ'κινος (βαθιοκόκκινος) «темно-красный, пунцовый, малиновый», βαθυπράσινος (βαθιοπράσινος), "темно-зеленый". Участвует в многочисленных словосложениях с первой частью βαθύ- – βαθύφωνος «басистый», βαθυσέβαστος «глубокоуважаемый». В современном греческом появилось новое по сравнению с древнегреческим значение «темный», что может отражать общую тенденцию к расширению корпуса цветообозначений в новое время. Отметим и появление в языке нового словообразовательного варианта прилагательного βαθιός, ιά, ό, который отражается и в композитах.

Βαρύς, ιά, ύ «тяжелый», напр. βαρύ φορτίο «тяжелый груз». Часто употребляется в переносных значениях «тяжело переносимый; трудный, гнетущий, тягостный, обременительный, тяжкий»: βαριά λύπη «тяжелое горе», βαριά δουλειά «тяжелая работа» (ср. др.-гр. βαρύς πόλεμος «тяжелая война»); в значении «суровый, строгий»: βαρειά ποινή «суровое, тяжелое наказание», «тяжелый, неприятный (о запахе)», βαρειά αποφορά «тяжелый запах» (ср. др.-гр. βαρεῖα οδμή «тяжелый запах»); «тяжелый (о пище)» βαρύ φαί «тяжелая пища»; «крепкий (о напитках)» βαρύ κρασί «крепкое вино»; «густой (о жидкости)» βαρύ λάδι «густое масло»; «низкий, густой, полнозвучный (о звуке)» βαρειά φωνή «низкий голос» (ср. др.-гр. βαρύς φθόγγος «низкий голос»); «тяжелый, важный, серьезный, значительный» βαρειά ευθύνη «тяжелая ответственность»; «ценный, дорогой, драгоценный» βαρύ δώρο «ценный подарок»; в прямом и переносном смысле «мрачный, угрюмый» βαρύς ουρανός «мрачное, облачное небо», είναι βαρύς απόψε «он сегодня мрачный». Прилагательное имеет вариант с исходом на -ιος βαριός (ά,ό), оба варианта находят отражение в словосложениях, однако наиболее часто употребляется древний вариант βαρυ- как первая часть сложных слов, означающая «тяжелый, тяжело», например, βάρυπνος «всегда спящий глубоким, крепким сном».

Прилагательное βραδύς, εία, ύ «медленный, медленно двигающийся, медлительный, нерасторопный, неповоротливый; тупой, тупоумный, не-

сообразительный; тугодум» в древнегреческом языке имело те же значения, при этом в новогреческом значительно расширилось количество производных. В словосложениях первая часть слов βραδύ- означает «медлительность, замедленность», напр. βραδυκίνητος «медлительный, неповоротливый», βραδύνους «тупой, тупоумный, несообразительный», βραδύπλους «медленно плывущий».

Βραχύς, εία, ύ «короткий, маленький»: βραχύ ανάστημα «небольшой рост»; «краткий, кратковременный, непродолжительный», βραχεῖα προθεσμία «короткий срок»; διά βραχέων «коротко, вкратце» (ср. др.-гр. διὰ βραχέων «вкратце»). Участвуя в образовании сложных слов, βραχυ- имеет значение «короткий, краткий»: βραχύβιος «недолговечный, кратковременный» (ср. др.-гр. βραχύβιος «недолговечный»), βραχυπρόθεσμος «краткосрочный», βραχύπους «коротконогий».

Γλυκύς (=γλυκός), (ε)ιά, ό имеет значение «сладкий» как в прямом, так и в переносном смысле, кроме того, это «пресный», когда речь идет, например, о воде и т.д., переносные значения «симпатичный» (о человеке), «милый, нежный, ласковый» (о голосе, улыбке), «нежный, теплый» (о цвете); «тихий, мягкий». В многочисленных производных превалирует основа на -ο-.

Новогреческое δασύς, εία, ύ имеет вариант δασός < δασ(ι)ός и значения «волосатый; мохнатый; густой, частый». В древнегреческом языке δασύς означало «густой, частый; густо обросший, волосатый, мохнатый, лесистый», и среди разных производных было существительное с сигматической основой δάσος «чаща» как параллель формы среднего рода τὸ δασύ с тем же значением. В современном греческом языке существительное среднего рода το δάσος означает «лес», оно образовало длинный ряд производных: δασάκι «роща», δασίλα «запах леса» и др. Прилагательное часто выступает в качестве первого члена в словосложениях типа δασολογικός «лесоводческий», δασόφυτος «засаженный лесом, покрытый лесом», δασύσκιος «дающий густую тень».

Многозначное слово δριμύς, εία, ύ «сильный, резкий, суровый» (δριμύ πόνος «сильная боль», δριμύ ύφος «резкий тон») может относится к климату δριμύ ψύχος «сильный мороз», δριμύς χειμώνας «суровая зима», употребляется в метафорических значениях «резкий, колкий, язвительный» (δριμεία φράση «язвительная фраза»). Семантическое поле этого прилагательного в древнегреческом языке (как представляется) является более обширным, лексема употреблялась как в прямых, так и в переносных значениях: «пронзительный, острый; едкий, горький; пылкий, сильный; жаркий; горячий, страстный; проницательный, остроумный, хитрый». Что же касается словообразовательного гнезда адъектива δριμύς, то

в современном языке оно расширилось, например, появились δριμώνω «становится сильным, острым, резким», δριμύοσμος «с резким запахом», δριμόχολο «резкий, порывистый северный ветер».

Επηλύς (επήλυδος), ύς, ύ «чужой, пришлый» унаследовано из древнегреческого языка, в котором оно является внутриязыковым отглагольным образованием с основой на -υ-, осложненной суффиксом –δ-, однако состав других приставочных производных отличается: в современном языке сохранилось προσήλυτος «новообращенный (в какую-либо веру); являющийся горячим приверженцем (чего-либо), прозелитом; прозелитский; изменивший свои политические убеждения» и образовало обширное лексическое гнездо, как и зафиксированные в Новом Завете ἔλευσις «пришествие», получившее форму έλευση и значения «прибытие; приход, приезд», и ἐπέλευσις «наступление, приближение» (в др.-гр. имеет значение «случайность»).

Ευθύς, εία, ύ «прямой, ровный, прямолинейный» (ευθεία οδός «прямая дорога») в переносном значении «прямой, простодушный, прямолинейный» (ευθύς άνθρωπος «прямой человек») в древнегреческом языке также употреблялось в метафорическом смысле «прямой, искренний» (ευθεῖα δίκη «справедливый суд»). В новогреческом прилагательное имеет ряд производных, образованных путем словосложения с первой частью ευθυ- в значениях «прямой, правильный, точный»: ευθυβόλος «меткий, точный (о стрельбе)», ευθύδρομος «бегущий прямо, не отклоняющийся в сторону», ευθύδικος «правильный, справедливый (о суждении, решении, приговоре)». Вариант основы ἰθυ-, хорошо представленный в древнегреческом языке, в новогреческом восстанавливается только в глаголе ιθύνω «править, руководить» (ср. др.-гр. ἰθύνω «выпрямлять, направлять, руководить»); современный греческий сохранил абстрактное значение слова, утратив конкретное.

Прилагательное ευρύς, εία, ύ «широкий, большой» (ευρείς ορίζοντες «широкие горизонты»), в отношении помещения «просторный», о сосудах «вместительный» в современном греческом зачастую употребляется в переносных значениях: «широкий, обширный; всеобъемлющий, всесторонний» (ευρεία μόρφωση «всестороннее образование», ευρεία μάθηση «обширные знания», ευρεία δράση «широкая деятельность»). Обширное словообразовательное гнездо древнегреческого ευρύς меняет свои границы на современном этапе за счет появления новых производных, а также замены старых дериватов новыми. Например, наряду с ευρύχωρος «широкий, просторный» (ср. др.-гр. εὐρύχωρος «обширный, широкий, просторный») в новогреческом появились: ευρυμαθής «начитанный; ученый, широко образованный»; не отмечены в словарях композиты: εὐρυμέτωπος

«широколобый», εὐρύνωτος «с широкою спиною, широкоплечий», εὐρύπορος «с широкими путями, пространный (о море)», εὐρυσθενής «широко властвующий, могучий».

В новогреческом языке ηδύς, εία, ύ имеет значения «сладкий, вкусный, приятный, симпатичный, миловидный, сладостный, упоительный», а в древнегреческом превалирует значение «приятный» для передачи слуховых, вкусовых и обонятельных ощущений и чувств, сема «дорогой, милый» может приобретать иронический смысл «наивный, простодушный, глупый», который утрачен современным языком.

Ήμισυς, εια, υ «половинный» имеет то же значение и форму, что и в древнегреческом языке, многочисленные словосложения сохранили более древний вид этой основы ημί- «пол-, полу-, наполовину», напр. ημίγυμνος «полуголый», ημιθανής «полумертвый», имеющие аналоги в древнегреческом, но, например, ημικυκλικός «полукруглый», ημιμάχιμος «неполностью боеспособный» образовались в новое время.

Прилагательное θρασύς, εία, ύ «дерзкий, наглый, нахальный» имело негативную коннотацию и в древнегреческом (θρασύστομος «дерзко говорящий», θρασύτης «смелость (обычно излишняя), дерзость», однако основными были значения «смелый, отважный, храбрый», что отражается и в производных с компонентом θρασύ-: θρασυκάρδιος «со смелым сердцем, смелый, отважный», θρασυμέμνων «смело выдерживающий, мужественный», θρασύνω «делать смелым, придавать смелость». В новогреческом положительная семантика утрачена, и прилагательное имеет пейоративное значение, которое присутствует в дериватах и словосложениях: θρασύτητα «дерзость, наглость, нахальство», θρασύδειλος «трусливо наглый, прикидывающийся храбрецом».

Οξύς – прилагательное со множеством значений: в первую очередь «острый, остроконечный», далее «острый» (о слухе, зрении, еде, боли, болезни и т.п.), «кислый», в переносном смысле «острый, остроумный», «резкий», «пронзительный (о голосе, звуке). Среди большого количества производных наиболее частыми являются словосложения.

Παχύς (παχιός), (ε)ιά, ύ «толстый, жирный, полный, жирный (о еде), откормленный, густой (о жидкостях)» имеет достаточно большой круг производных, у которых наиболее часто представлены 2 значения «толстый» и «жирный»: παχαίνω «толстеть», παχύδερμος «толстокожий», παχύσαρκος «жирный». В древнегреческом языке в прилагательном помимо основных значений «толстый, тучный, плотный, крепкий; объемистый; густой» представлены метафорические «богатый», с одной стороны, а с другой – «грубый, неуклюжий, тупой, глупый».

Πλατύς, (ε)ιά, ύ означает «широкий, обширный», по сравнению с древнегреческим новогреческий представляет множество производных от него, это преимущественно сложные слова с основой πλατυ- «широкий, плоский» в первой части: πλατυμέτωπος «широколобый», πλατυπόδαρος «страдающий плоскостопием», πλατύστερνος «широкогрудый» и т.д. Словари отмечают вариативную форму этого прилагательного πλατιός.

Новогреческое πολύς, πολλή, πολύ «многий; большой; долгий; длительный; пресловутый» с многочисленными производными представляет картину, соответствующую состоянию в древнегреческом языке (πολυκέφαλος «многоголовый», πολυετής «многолетний», πολύγονος «плодовитый»), среди сложных слов встречаются лексемы с первой частью πολλ-, которая воспроизводит ионийскую форму древнегреческого слова (πολλός, πολλή, πολλόν), сохранившуюся только в производных современного греческого, например πολλαπλάσιος «намного больший, намного превосходящий».

Πολύδακρυς, υς, υ «сопровождаемый потоками слез» также является словосложением, где первая и вторая часть – основы на -υ-, восходящие к древнегреческому состоянию. Древнегреческая форма πολύδακρυς с тематизированным вариантом πολυδάκρυος, зафиксированная в эпическом языке, восходит к субстантиву δάκρυ (δάκρυον) «слеза».

Прилагательное ταχύς, εία, ύ «быстрый; скорый, поспешный; быстроходный (о судне); скоростной (о самолете)» имело продуктивную основу в древнегреческом языке (τάχος «скорость», ταχυτής «быстрота»), в современном греческом его словообразовательное гнездо расширяется (ταχύτητα «скорость, быстрота», τάχυνση «ускорение», ταχεία «скорый поезд, экспресс»). В греческом языке образовалось большое количество сложных слов с первым элементом ταχύ-, означающим «быстро, скоро», напр. ταχυκίνητος «быстроходный», ταχύνους «быстро соображающий, сообразительный», ταχύπλους «быстроходный (о судне)», ταχυγραφικός «скорописный».

Τραχύς (вариант τραχιός), ιά, ύ «грубый, жёсткий, шероховатый, шершавый» (τραχύ δέρμα «грубая кожа», τραχύ κρέας «жесткое мясо») часто употребляется в переносных значениях «грубый, резкий» (τραχειά φωνή «грубый голос»). В новое время слово вошло в медицинскую терминологию (τραχεία «трахея», τραχώμα «трахома» и др.).

Древнегреческое прилагательное πρέσβυς «старый, почтенный, важный» не дошло до современного греческого языка, в котором сохранился субстантив πρέσβυς в значении «посол», равнозначный слову πρεσβευτής. Древний адъектив просматривается в производных πρεσβυγενής «стар-

ший, родившийся первым», πρεσβύτης «старик», πρεσβυωπικός «дальнозоркий» и др.

Ωκύς «быстрый, стремительный» уже в древности вытеснялось словом ταχύς и употреблялось только в поэтическом языке, поэтому в новогреческом языке оно зафиксировано лишь в составе словосложений: ωκύπους «быстроногий», ωκύπτερος «быстрокрылый», ωκυτόκος «быстро, легко рожающий» и др.

Лексический материал греческих словарей [2–6] позволяет, на наш взгляд, сделать следующие выводы:

1. В новогреческом сохранилось 20 адъективных -u- основ (и еще в двух словах основа обнаруживается в производных), зафиксированных еще в древний период развития греческого языка.

2. Прилагательные обозначают глубину, длину, вес, скорость, ширину, нравственные качества, вкус, физические свойства.

3. При сохранении основного значения семантическое наполнение лексических единиц, унаследованных новогреческим языком, изменяется как в сторону расширения (ευρύς), так и в сторону сужения (δριμύς, θρασύς, παχύς).

4. Интересным на наш взгляд является семантика метафорических переносов, в частности связанная с появлением цветообозначений (βαθύς), поскольку лексика с восстановленными индоевропейскими -u-основами зачастую несет цветовые значения (ср. лат helvus, flavus и т.д.).

5. Повышается словообразовательная активность многих лексем: расширяется гнездо производных от αμβλύς, βραδύς, ταχύς, ευρύς, πλατύς, чаще всего за счет словосложения.

6. Для целого ряда прилагательных отмечены вариативные формы на –ιος: βαθιός, βαριός, παχιός, πλατιός, τραχιός; δασύς имеет вариант на -ος δασός, причем представлены в словосложениях обе основы; γλυκύς является вариантом к γλυκός, в производных используется обычно основа на -ο-. Причина вариативности заключается, на наш взгляд, во влиянии продуктивной модели прилагательных на -ιος, -ος на древние u-основы.

Литература

1. ***Леушина Л.Т.*** Тематизированные адъективы с основой на *u в латинском языке // Язык и культура в Евразийском пространстве: Сб. науч. статей XVI Междунар. науч. конф. Томск, 2003. Р. II. С. 114–120; ***Леушина Л.Т.*** Прилагательные с чистой основой на -u- в древнегреческом языке // Сборник научных трудов «Στεφανος». М.: Рос. НОУ, 2005. С. 218–229.

2. ***Δορμπαρακης*** Παν. Χ. Ετυμολογικο Ερμηνευτικο Λεξικο της Νεοελληνικης с. Αθήνα, 1999.

3. ***Хориков И.П., Малеев М.Г.*** Новогреческо-русский словарь / Под ред. П. Пердикиса и Т. Пападопулоса. М.: Культура и традиции. 1993.
4. ***Вейсман А.Д.*** Греческо-русский словарь. М., 1991.
5. ***Дворецкий И.Х.*** Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. I–II.
6. ***Иоаннидис А.А.*** Русско-новогреческий словарь. М., 1966.

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ

Н.И. Маругина
Томский государственный университет

Проблема выделения единицы перевода в настоящее время является самой сложной и дискуссионной в переводоведении, так как существует множество неоднозначных подходов к решению этой проблемы. Вопрос о выделении такой категории, как единица перевода, которая может быть сведена к элементарному, неразложимому элементу оригинального текста, обладать определенной самостоятельностью и регулярностью, неоднозначно трактуется учеными. К примеру, А.Ф. Ширяев находит термин «единица перевода» не совсем удачным и предлагает ввести такую категорию, как «единица ориентирования», которая способствует лучшему принятию смыслового решения при переводе [7. С. 20]. Л.С. Бархударов, рассматривая вопрос о минимальной единице, подлежащей переводу (unit of translation), имеет в виду «такую единицу в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода, но составные части которой по отдельности не имеют соответствий в тексте перевода» [1. С. 175]. Из приведенной дефиниции понятно, что единицей перевода может служить фрагмент исходного текста, которому находится соответствие в тексте перевода. Важным заявлением Л.С. Бархударова является то, что единицы перевода отождествляются с единицами языка, выражающими разные значения и имеющими разную протяженность в тексте. Он приходит к выводу, что в разных ситуациях в качестве единицы перевода может выступать та или иная единица языка [1. С. 189].

В качестве единицы перевода может выступать метафорическая единица текста. Анализ метафоры в аспекте перевода возможен в силу следующих причин: во-первых, перевод метафорических единиц возможен, так как метафора является принадлежностью любого языка, во-вторых, перевод рассматривается как межкультурная коммуникация, осуществляемая в рамках диалога культур, а метафора является единицей и принадлежностью культуры, так как концепты, имеющие первостепенное культурное значение, легко образуют метафоры.

Метафора до настоящего времени в работах отечественных исследователей рассматривалась как стилистический прием, а перевод определялся как воссоздание переводчиком текста оригинала, всего его смыслового и стилистического богатства, хотя для осуществления адекватного перевода учитывалась необходимость глубокого проникновения в тот «строительный материал», из которого строится текст [2, 3, 5].

Являясь универсальной и применимой во всех языках, метафора сравнительно нелегко поддаётся передаче с одного языка на другой. Отечественные исследователи усматривают некоторые трудности, связанные с проблемой перевода метафоры на иностранный язык.

В качестве центральной в работах отечественных лингвистов рассматривается проблема сохранения специфики образа метафоры. Как указывает М.М. Морозов, следует видеть различия между живыми образами (image-bearing expressions) и стершимися образами, своего рода «окаменелостями» (fossils). При этом он замечает, что «живой образ мы воссоздаем в переводе, вымерший образ мы передаем по смыслу». Еще одним важным замечанием М.М. Морозова является указание на необходимость соблюдения «закона единства метафоры», то есть необходимость «стремиться к тому, чтобы элементы метафоры, воссоздаваемой в переводе, были связаны между собой не только в переносном, но и в прямом смысле» [4. С. 29–32]. Этот закон сводится к тому, чтобы переводчик стремился находить естественные лексические сочетания в языке-реципиенте, чтобы эти сочетания не казались чуждыми для носителей языка-реципиента и не вносили в смысл метафоры новых ассоциаций. Определенную сложность представляет авторская образность. Здесь переводчику приходится учитывать характер образа и его роль в конкретном контексте для того, чтобы решить, следует ли сохранить образ в переводе или его можно заменить другим образом. Как правило, простую (неразвернутую) метафору обычно удается сохранить в переводе, в то время как авторские сравнения приходится передавать с заменой образа.

Проблема перевода метафоры, по преимуществу, исследовалась зарубежными учеными. Метафора рассматривается с позиций теории значения (Van Den Broek, 1981; Searle, 1969; Wierzbicka, 1992): «то, что может быть выражено в одном языке, может быть переведено на другой по преимуществу того факта что, то что сказано, обязательно должно обладать значением в языке-источнике» [8].

Проблема перевода метафоры изучается в сопряжении основного признака и условия существования перевода текста – эквивалентностью. В этом отношении особого внимания заслуживают работы Ю. Найды, который утверждает, что перевод заключается в создании на языке перевода «ближайшего естественного эквивалента» оригиналу и рассматривает эквивалентность формальную и динамическую Дж. Кэтфорда, который обосновывает значимость формальную и текстовую эквивалентность. Условия соблюдения эквивалентности при переводе метафоры сводятся к учету следующих факторов: определенных правил перевода метафор; типов текста; культуры [8].

П. Ньюмарк полагает, что перевод метафоры полностью зависит от **типа текста**, в котором она употребляется. Он предлагает различать два типа текстов: информативные, в которых лексикализованные метафоры не несут функциональной нагрузки и поэтому обладают высокой степенью переводимости, хотя также могут не учитываться в процессе перевода; экспрессивные, в которых метафоры выполняют большую информативную нагрузку и обладают низкой степенью переводимости, так как передают контекстуальную, семантическую и прагматическую информацию [Newmark, P. 1988].

Конец XX – начало XXI вв. отличается наличием фундаментальных исследований в области когнитивной науки, в которых культурный фактор выдвигается в качестве доминирующего при осуществлении процесса перевода речевого высказывания, текста на переводящий язык. Интерпретация художественного текста осуществляется только с учетом личности автора и реципиента. Такая направленность позволяет выявить особенности художественного произведения тех языковых единиц, при помощи которых автор художественного текста «выводит» интегрированный фрагмент реального мира из своего сознания. В единицах языка, которыми пользуется автор художественного творения, закодированы концепты – ментальные образования, являющиеся результатом процесса вербально-культурной переработки реального мира носителями языкового коллектива. Эти концепты служат ключом к пониманию не только данной культуры, но и интерпретации отдельного художественного творения, так как служат ориентирами текстового пространства для переводчика. «Интерпретация концепта как ментального образования позволяет не только реконструировать «концептуальную картину мира» носителя языка, но и воссоздать его этноментальный образ, поскольку все концепты обладают национально-культурной маркированностью, а концептуальная система представляет собой этнокультурную репрезентацию концептуальной формы мысли представителя того или иного культурного пространства» [9. С. 127].

Фактор культуры, который может играть особую роль при переводе метафоры с одного языка на другой, рассматривается многими исследователями в силу того, что разные языковые сообщества по-разному воспринимают и категоризируют мир. Вследствие включения фактора культуры в смысл метафоры, возникают особые проблемы перевода. Считается, что «не существует упрощенного общего правила для перевода метафоры, но степень переводимости любой метафоры языка-источника зависит от: 1) определенного культурного опыта и семантических ассоциаций, привнесенных в метафору, 2) возможности быть или не быть вос-

произведенной несоответственно в языке-реципиенте, будучи зависимой от степени "совпадения" в каждом конкретном случае» (цит. по: [8]).

Процедуры перевода метафоры основаны на следовании одному из следующих правил ([9]; Larson, 1984; Crofts, 1988)

- сохранение того же метафорического образа, но естественного для носителей другого языка;
- замена метафоры другой метафорой – эквивалентом;
- перевод метафоры сравнением;
- сохранение того же метафорического образа с добавлением разъясняющей информации, для того, чтобы основа сравнения метафоры стала понятной;
- перевод метафоры перефразированием.

С позиций когнитивного подхода к исследованию метафоры в переводе культурный компонент, лежащий в основе концептуальной метафоры позволяет увидеть различия в том, как в разных культурах структурируется опыт человека. Гипотеза когнитивистов по переводу метафоры основывается на двух сценариях:

- если проецирование из одной области в другую в метафорах схожи в двух языках, то между языками не обнаруживается «концептуального сдвига» (conceptual shift);
- если проецирование из одной области в другую в метафорах различны в двух языках, то между языками наблюдается наличие «концептуального сдвига» (conceptual shift) [Maldelblit, 1995; Deignan, Garbrys & Solska's, 1997; Maalej, 2003].

Осуществляя перевод метафоры в рамках предложенных сценариев, можно установить, насколько метафоры схожи в отдельных анализируемых языках и насколько отличаются и испытывают «культурную дистанцию».

Литература

1. ***Бархударов Л.С.*** Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Межд. отношения, 1975.
2. ***Бреус Е.В.*** Основы теории и практики перевода с русского на английский: Учебное пособие. – М.: Изд-во УРАО, 2000.
3. ***Крупнов В.Н.*** В творческой лаборатории переводчика. Очерки по профессиональному переводу. – М.: Международные отношения, 1976.
4. ***Морозов М.М.*** Пособие по переводу. М.: Наука, 1956.
5. ***Складчикова Н.В.*** Межъязыковые отношения метафор. Кемерово, 1987.
6. ***Фосенко Т.А.*** Моделирование процесса перевода в контексте материи сознания // Сб. науч. тр. Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. С. 125–134.

7. *Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод. М., 1979.

8. ***Maalej Z.*** Translating metaphor between Unrelated Cultures: A Cognitive Perspective. kkbec.ac.ir / Linguistics articles index/Zouhair Maalej Translating M... 2004.

9. ***Newmark P.*** The Translation of Metaphor // Approaches to Translation. New York a.o.: 1988.

10. ***Nida E.A., Taber C.*** The Theory And Practice Of Translation. Leiden, 1969.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ВИРТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Н.А. Мишанкина
Томский государственный университет

Современная лингвистика представляет собой внутренне динамичное и стремительно расширяющееся пространство, активно трансформирующее жёсткие прежде дисциплинарные границы внутри гуманитарной сферы. Исследования в сфере языка ориентированы на функциональные аспекты, определение его значимости для ментальных, когнитивных процессов человеческой психики. При изменении точки зрения на объект исследования (от языка как системы – к речи – и шире, к дискурсу как целостной системе коммуникации), естественно, изменяются подходы и методы его изучения.

Основополагающим для смены методологических ориентиров становится понятие языковой картины мира, заявленное в работах В.ф. Гумбольдта и разрабатываемое, уточняемое в трудах лингвистов и философов XX в. Феномен языковой картины мира позволил по-новому взглянуть на системность языка и осознать её границы. С одной стороны, первоначальный этап описания языка неизбежно должен включать в себя его детальную «инвентаризацию»: перечень элементов и правил их сочетания. С другой, именно этот подход позволил открыть неочевидные свойства языковой системы: функциональную избыточность, неоднозначность функций того или иного элемента, изменчивость системы в процессе коммуникации, что, в свою очередь, привело к осознанию неавтономности языковой системы, её функциональной «встроенности» в другие: когнитивную, социальную, культурную. Исследование естественного языка с этой точки зрения привело к более широкому пониманию системности как основополагающего признака социума, культуры, и, в конечном итоге, мироустройства. Системность картины мира обусловлена не тем, что это некоторая упрощённая схема реальности, но напротив, это динамическая модель мира в сознании человека, обусловленная множеством факторов: социальной, культурной, языковой средой индивида, а также наследственными психическими структурами.

В настоящее время картина мира рассматривается не как единое ментальное пространство, а как совокупность функциональных вариантов. И, думается, что сейчас пристальное внимание лингвистов сосредоточено в большей степени именно на этом аспекте – проблеме поливариантности картин мира и их сосуществование в сознании носителя языка, на механизмах перехода от использования одной модели к другой. Данный подход

тесно связан с понятием дискурса – целостной системы коммуникативных актов, направленных на определённое социальное действие [1. С. 136].

В качестве одного из существенных признаков современного социального пространства бытования жителя России можно отметить принципиальное изменение коммуникативной среды. Мы можем говорить в данной ситуации, что идеологически бинарная или, выражаясь метафорически, «монохромная» коммуникативная среда, в которой доминировали два основных типа дискурса (советский и не-советский) и, которая оказывала регулирующее воздействие на поведение субъекта, сменяется целой палитрой социально приемлемых дискурсов. И субъект, таким образом, оказывается в гораздо более широком пространстве дискурсивного выбора при формировании модели мира.

В данной работе мы рассматриваем, каким образом ориентация в виртуальном пространстве Интернет позволяет сделать выводы о некоторых аспектах картины мира современного студента.

В качестве основного при изучении дискурсивных предпочтений использовался такой социометрический метод как анкетирование. Проведение анкетирования на репрезентативной выборке (более 100 респондентов) позволило определить информационные предпочтения реципиентов в рамках дискурса Интернет-коммуникации.

Проведённые ранее исследования [2] позволяют утверждать, что виртуальное пространство Интернет маркируется пользователями, в первую очередь, как пространство социальное, в котором формируются социально значимые топосы – сайты. Каковы же предпочтения реципиентов при ориентации в этом пространстве?

Анализ анкет показал, что коммуникативная среда Интернет чаще всего используется в студенческой среде в качестве учебного информационного ресурса и источника программной продукции (46% ответов), а также в качестве современного средства связи (42%). Значительно реже Интернет используется как источник бытовой (25%) или политической (22%) информации, вероятно, это связано с тем, что бытовая информация традиционно транслируется через бытовую сферу коммуникации, а политическая – через более официальные, контролируемые каналы, например, СМИ.

На следующем месте в студенческом рейтинге (в пределах данного используется ими как on-line коммуникативная среда, то есть для общения в чатах, более того, данное коммуникативное пространство заявляется многими как отвергаемое: на вопрос «Используете ли Вы Интернет как сферу общения?» 38% респондентов ответили «Никогда». Но на более конкретизированный вопрос о предпочтениях в при выборе коммуникативных подпространств более 60% назвали вполне определенные чаты.

Таким образом, мы можем говорить о том, что Интернет «официально» позиционируется в первую очередь как «серьёзное» информационное пространство, но фактически используется как развлекательное и коммуникативное. Об этом свидетельствует и то, что доминирующее количество респондентов указывают в качестве причины выбора чата не тематические предпочтения, а коммуникативные: завязавшиеся знакомства и непредсказуемость ведения диалога.

В качестве пространства для off-line общения чаще всего называется Forum.tomsk.ru, вероятно, это связано с прагматическими установками этого типа общения. Несмотря на то, что большинство респондентов заявляет о тематических предпочтениях, связанных с культурными объектами, как, например, обсуждение новых фильмов или музыки, а также событиями общественной и политической жизни, проведенный нами контент-анализ тем и диалогов форума позволяет говорить о доминировании следующих семантических категорий: «компьютер» – 5,49%, «продажа» – 3,20%, «недвижимость» – 2,75%, «автомобиль» – 2,29%, «генд. отнош.» – 2,29%, «Томск» – 2,29%, «телефон» – 2,06% о, «Интернет-общение» – 1,14%. Единицы, относящиеся к категории «политика» составляют менее 1% от всех единиц текста.

В качестве причины выбора того или иного сайта наиболее часто заявляется наличие и полезность информации, размещённой на нём. Среди специализированных сайтов, названных реципиентами, лидируют сайты гуманитарной направленности (библиотека Lib.ru и Durov.com).

Источником политической информации выступают новостные сайты, только некоторые респонденты (1%) говорят об использовании сайтов властных структур (Государственная Дума, министерство по налогам и сборам, Белый дом) и политических партий (НБП, ЕМС). Что свидетельствует о не очень значительном интересе к политическому дискурсу и о пограничном его положении: не предпочтительный, но и не отвергаемый.

Необходимо отметить ещё одно свойство коммуникативной сферы Интернет, которое было осознано нами в процессе анализа анкетных данных. При анализе данных по другим типам дискурсов можно было достаточно однозначно определить объекты – носители предпочтительных дискурсивных качеств: издания, телепередачи, радиоканалы. В случае же с пространством Интернет мы столкнулись с ситуацией «размывания»: спектр названных реципиентами ресурсов настолько велик, что с трудом удаётся определить доминирующие объекты. Мы полагаем, что подобное положение дел связано с большим разнообразием данного дискурсивного пространства – оно, в отличие от дискурсов СМИ, например, является менее регулируемым и более доступным для людей, создающих

ресурсы. Таким образом, одна и та же тематика может быть реализована в очень большом количестве вариантов (ср., например, количество чатов или количество сайтов филологической тематики), поэтому самыми востребованными ресурсами по результатам анкетирования являются сайты поисковых систем Yandex и Rambler.

Мы полагаем, что данный факт может быть проинтерпретирован с точки зрения динамичности модели мира студента. Коммуникативное пространство Интернет представляет собой среду, которая находится в постоянной динамике: исчезновение одних ресурсов и появление новых здесь – естественный процесс, и в этом смысле при общей стабильности дискурса пользователь имеет дело с постоянной сменой ситуации. Для того чтобы всегда иметь информацию о новом положении дел пользователь прибегает к системе автоматизированного поиска, что позволяет значительно экономить ресурсы по предварительной обработке информации. Подобная изменчивость коммуникативной среды может оказать влияние на формирование модели мира как более гибкой, открытой, более «чутко» настроенной на динамику внешних объектов.

Таким образом, использование социометрических методик позволяет выявить некоторые черты модели мира современного студента посредством анализа дискурсивных предпочтений в сфере Интернет. Современный студент при вхождении в этот тип дискурса определяет его как научно-информационный и позиционирует себя в качестве потребителя такой информации, но в то же время Интернет осознаётся как коммуникативное и развлекательное пространство, где человек может завязать знакомства и решить свои бытовые, житейские проблемы. Хотя этот аспект общения в Интернет осмысляется как менее приемлемый социально и, соответственно, менее престижный – проводить время в чатах для студента неприемлемо. Политические ресурсы Интернет не являются для студентов привлекательными, что может свидетельствовать о низкой «активности» данного курса.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 64-04-64403а\Т).

Литература

1. ***Арутюнова Н.Д.*** Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990.

2. ***Резанова З.И., Мишанкина Н.А.*** Способы языкового выражения самоидентификации личности в виртуальном дискурсе (на материале чатов) // Европейские исследования в Сибири: Материалы всероссийской научной конференции «Мир и общество в ситуации фронтира: проблемы идентичности». Томск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 4. С. 325–335.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ПРАКТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

О.В. Одегова
Томский государственный университет

Характерные черты реалий как своеобразной лексической категории особенно полно выявляются при полной систематизации.

В литературоведении принято выделять следующие типы реалий географические, этнографические, общественно-политические, исторические.

Целесообразность их группировки по тематическому принципу основывается на традиции общей и учебной лексикографии, практики составления различного рода разговорников, тематических словарей и словарных разработок (вокабуляров по отдельным темам).

Группа слов, объединенных по тематическому принципу, выступает как элемент лексико-семантической системы языка в целом, а национально-культурные особенности реалий могут быть выявлены только в сопоставлении с другими единицами этой системы внутри данного языка и аналогичной системой другого языка.

В данной статье рассматриваются географические реалии, с которыми мы встречаемся в серии романов Фенимора Купера о кожаном чулке ("Leather Stocking tales").

Например, следующие слова и словосочетания являются яркими примерами данных реалий.

А) название особенностей рельефа:

prairie – прерия, степь (от фр. «луг»)

Prairie states – штаты в районах прерий: Illinois, Iowa, Minnesota

The Prairie state – прозвище штата Иллинойс

Prairie chicken – степной или луговой тетерев

Prairie country – край прерий

Prairie oyster – устрица прерий (болтушка из сырых яиц с добавлением соли, перца, соуса; средство от головной боли при похмелье)

Prairie Provinces – прериевые провинции (Канадские провинции, расположенные на территории прерий: Manitoba – Манитоба, Alberta – Альберта)

Prairie city – город в прерии

Prairie ocean – безбрежная прерия

Prairie region – район прерий (особенно черноземный пояс в центральной части штата Алабама)

Grand Prairie (ист.) – Великая Прерия (в прошлом прерии в северной части штатов Индиана и Иллинойс)

Wide open spaces – (разг.) бескрайние просторы в прериях Великой равнины

Prairie schooner – крытый фургон, которым пользовались переселенцы

Prairie wolf – койот

sierra – горная степь (остроконечными вершинами напоминает зубья пилы)

The Sierra State – прозвище штата Калифорния :

"We shall not be surprised to see, at a day not far distant, Senators and Representatives from the Sierra State take their seats in Congress" (1851).

«Мы не удивимся, если в не очень далёком будущем будем свидетелями того, как сенаторы и члены палаты представителей от «штата сьерры» займут свои места в Конгрессе»

Sierran – 1) житель гор Сьерра-Невада; 2) относящийся к Сьерре-Невада

Cordillera – Кордильеры (скалистые горные цепи).

В) canyon – глубокое ущелье и синонимы к нему:

Gulch – узкое глубокое ущелье, глубокий овраг, лощина, балка

Gorge-узкое ущелье, узкий проход

Coulee – глубокая впадина, образованная талым снегом; глубокий овраг; рукав в дельте руки; небольшой ручей

Notch – теснина, ущелье, горный распадок (на востоке США)

Clove – скалистый утес, ущелье

Bald – голая вершина, лысая гора

Mesa – (на западе США) столовые горы, плоские холмы.

Кроме этого, в произведениях некоторых писателей можно встретить разновидность вышеупомянутых реалий, а именно, представителей флоры.

Название некоторых деревьев, кустарников и т.п. имеют ярко выраженную национальную окраску; они ассоциируются только с данной страной или регионом и выступают в тексте в качестве реалий не всегда понятные представителю другой культуры, как например в предложении: «In the Olympic mountains is a rainforest of Douglas fir, western Hamlock one Sitka spruce», где кроме топонима – горы Олимпии – мы встречаем Douglas fir – сосна Дугласа, western Hamlock – разновидность вечнозеленых кустарников, Sitka spruce – аляскинская ель по имени города в Аляске. К сожалению, подобные американизмы не включены вообще в англо-русские словари.

Б) Название особенностей растительного покрова, например со словом "bush":

bush – 1. куст; 2. невозделанная земля, покрытая кустарником

bush (преимущественно в Канаде) – участок, отведенный под ферму(sun bush lot)

bush land – земля, заросшая кустарником

bush honeysuckle – кустовая жимолость

bush country – район кустарников и мелколесья

bush titimouse – кустарниковая синица

В начале XIX в. жителей отдаленных районов называли "bush whacker", в гражданскую войну в США оно приобрело значение «человек, ведущий партизанскую войну в лесах»; "bush whacking" вошло в общественно-политическую лексику в значении «без всяких там уловок». В повседневном употреблении bushwhacker – бродяга. Это значение сохранилось и в атрибутивном образовании, вошедшим в общественно-политическую лексику.

"All he asked for was a clear field and fair fight-no bushwhacking, if he might be indulged in an expressive word. Well understood in the border wars of the West"(Craigie W.).

«Он просил только одного – открытого поля и честной схватки безо всяких там уловок, если воспользоваться этим выразительным словом, которым широко пользовались на западе в период борьбы между сторонниками и противниками рабства».

В повседневном употреблении "bushwhacker'– бродяга. Близок по значению к "bushwhacker", другой американизм – "bushfighter" – 1) партизан; 2) человек, имеющий опыт партизанской войны.

Bush-boy – житель американского фронтира, отдаленных лесных районов.

"My right and left arms round the sides of two friends, and I in the middle.

Coming home with the silent and dark-cheeked bush-boy" (W. Whitman, Song of Myself, 1959).

«Обхватив рукою товарища, а другого – другою, а сам посредине. Возвращаясь домой с молчаливым и смуглым бушбоем.

К.Чуковский так определяет слово «бушбой» – молодой колонист, живущий в местности, ещё не расчищенной от кустарника.

В современном употреблении 'bushman" – (презр.) деревенщина. Что касается слова"bush-beater "в словаре оно определяется следующим образом: "One, who searches an area, esp. as a talent scout for actors or abilities". (Random House Dictionary)

bush-beater – 1) первопроходец; 2) первооткрыватель талантов, тренер

bush-lawyer – (жарг.) невежественный человек

в) Название деревьев, например со словом "birch"

canoe birch – берёза для каноэ

Обычная берёза получила такое название потому, что её кора шла на изготовление каноэ (в данном случае название образовано на основе сочетания ранее заимствованного слова с исконно английским). Известна и под другим названием "paper birch" (белая кора берёзы напоминает бумагу); "silver birch" (из-за серебристого цвета коры); "white birch" – белая берёза. Слово ассоциируется с песней о Гайавате ("the Song of Haiwatha" W. Whitman):

"Give me of your bark, O Birch-Tree!
Of your yellow bark, O Birch-Tree!
Growing by the rushing river,
Tall and stately in the valley!
I a light canoe will build me
Lay aside your cloak, O Birch-Tree!"

«Дай коры мне, о Берёза!
Жёлтой дай коры, Берёза,
Ты, что высишься в долине
Стройным станом над потоком!
Я свяжу себе пирогу...
Скинь свой белый плащ, Берёза!
Скинь свой плащ из белой кожи...»

Примеры данного типа можно привести со словами:

Sagebrush-полынь (распространена в равнинных районах и плато отрогов Скалистых гор)

Sagebrusher-турист, путешествующий по рванинам и плато, покрытым полынной растительностью (обычно в предгорьях Скалистых гор);

Sagebrush states – штаты районов Скалистых гор;

The Sagebrush State – «полынный штат» (прозвище штата Вайоминг)

Sagebrush Rebellion – «сейджбраш ребеллион».

Выступление фермеров и лесопромышленников штатов Запада за ликвидацию любых видов федерального контроля в области охраны окружающей среды:

"Sagebrush rebellion has spread during crater years as Western citizens mounted efforts to regain control of land, water and natural resources located on federal property" (US News and World Report).

г) названия животных, представителей фауны, также можно встретить в различных произведениях американской художественной и публицистической литературы.

Например:

moose (pl. moose) – американский лось (название американского лося заимствовано из индейских языков, что означает «тот, который обрывает траву»);

Bull Moose – лось (самец), было прозвищем Теодора Рузвельта;

Caribou – карибу, канадский олень (топоним Caribou – город в штате Мен);

Grizzly Bear – медведь гризли, серый медведь (назван так из-за сероватого цвета его шкуры (grizzly=gray). Известны и другие его названия – Mule bear (т.к. он питается мясом мулов или "Mocassin Joe" (т.к. его следы напоминают следы человека, обутого в мокасины);

Coyote – койот, американский волк. Иногда его называют prairie wolf. The coyote state – прозвище штата южная Дакота;

Bay lynx – рысь рыжая – название объясняет красно-рыжие цвета (bay-color) на севере эту разновидность называют "Canadian lynx", так же можно встретить её первоначальные названия : "wildcat", "bob tailed cat", "bobcat" (так как она похожа на кошку с куцым хвостом);

Beaver – бобр; с появлением английских колоний, где бобры водились в изобилии, появились следующие сочетания слов:

Beaver price-цена на бобровые шкурки;

Beaver lodge-бобровая хижина;

Beaver stream-бобровый ручей;

Beaver trapping- промысел.

И переносные значения:

the Beaver State – прозвище штата Орегон (жителей штата шутливо называют "Beavers");

beaver – высокая шапка цилиндрической формы;

beaver – длинная бородка;

Beaverette – кроличий мех, крашенный под бобра,

трудолюбие животного послужило основой для выражений: to work like a beaver; to be as busy as a beaver;

racoon (coon) – енот, произошло от индейского языка.

В США распространены выражения to go the whole cook; to go the whole hog – «броситься очертя голову»:

"to see the thing to the bitter end and never mind the consequences" "coonskin on the wall" (букв. «шкура енота на стене») – символ победы кандидата в избирательной борьбе,

"The hide of the raccoon or opossum has had a long backgroung in American speech, and was the symbol of the frontiersman Daniel Boone. Estes Kefauver, Senator from Tennessee and democratic vice-president candidate wore

the coonskin cap for photographers and used it as a symbol of handshaking tours (Safire W.).

Opossum – опоссум, сумчатая крыса; заимствовано из языка индейцев в значении «белый зверек». При признаках опасности зверек притворяется, отсюда: "to play possum to act possum" – в значении притворяться, делать вид.

Skunk – вонючка, скунс; заимствовано из языка индейцев; этим словом называли презренного, отвратительного человека, это значение сохраняется в современном языке и сейчас,

"to skunk one's opponent in a game" – в спортивном сленге означает «победить всухую»

д) Названия птиц:

Bald eagle – белоголовый орел (назван так потому, что на голове белые перья, что кажется лысиной). Считается эмблемой США, отсюда его прозвища bird of Freedom, bird of Washington, American eagle, national bird.

Mockingbird – пересмешник,

mocking state – общеизвестное прозвище штата Флорида, что позволяет использовать его в прессе без всяких объяснений.

"To the surprise to the Mockingbird State politics he ran a very close third" (Newsweek)

«Неожиданно для политической жизни Флориды он на выборах занял третье месть, лишь ненамного уступив второму кандидату.»

Mourning dove – рыдающий голубь; назван так из-за крика напоминающего рыдание. Известен также как: Carolina pigeon, Carolina dove, wild dove, turtle dove, oil-field dove.

Passenger pigeons кочующие голуби» были полностью уничтожены в прошлом столетии. В сети для заманивания голубей помещались ранее пойманные птицы, привязанные к планкам опоры "stools"; отсюда название таких подсадных птиц "stool pigeons". В современном американском варианте языка stool pigeon (stoolie) – провокатор, осведомитель; stool, vi – быть провокатором, осведомителем

Franklin gull – чайка Франклина; названа по имени мореплавателя Джона Франклина, особо почитается в штате Юта, где в честь этих птиц установлен памятник"the Sea Gull Monument" (в 1848 г. чайки остановили нашествие саранчи на поля поселенцев–мормонов – " Mormon cricket").

Honker (also Canadian goose) – канадский гусь.

Самец этой птицы получил название gander (ср. Gander – название крупнейшего аэропорта в Ньюфаундленде). Индейцы называли этих птиц "cohonk", поэтому и в английском я зыке встречается слово "honker"

"The wild gander leads his flock though the cool night.
Ya-honk, he says and sounds it down to me like an invitation.
The pert may suppose it meaningless, but I listening close,
Find its purpose and place up there toward the wintry sky."
(Whitman W. 1959)

«Дикий гусь ведёт свою стаю сквозь холодную ночь.
Я-хонк ! – говорит он и это звучит для меня как призы,
Пошляку это кажется вздором, но я, слушая чутко,
Понимаю, куда он зовёт, – туда, в это зимнее небо.
(пер. К.Чуковского, 1969)

С появлением автомобильных рожков слово "honk' стало обозначать сигнал.

Boll weevil – хлопчатниковый долгоносик – опасный вредитель посевов хлопчатника на юге Америки, который заставил фермеров переключиться на другие культуры, что оказалось значительно выгоднее. В результате насекомому установили памятник с надписью:

'In profound appreciation of the boll weevil and what is has don as the herald of the prosperity this monument is erected by citizens of enterprise, Coffee County, Alabama" (Mathews M. 1959).

Таким образом, географические реалии национальной культуры, приведённые в данной статье, являются объектом сопоставительного страноведения. Значительную трудность здесь представляет выделение слов с национально-культурными коннотациями. Самые обычные, совпадающие в своём предметном значении могут обладать дополнительными значениями, обусловленными национально-культурными факторами. Они связаны с фольклором и другими культурными традициями народа – носителя языка. Поэтому работе с коннотативной лексикой следует уделять особое внимание на всех этапах обучения, привлекая для толкования той или иной реалии этимологические и лингвострановедческие словари.

Литература

1. ***Томахин Г.Д.*** Реалии-американизмы. М.: Высшая школа, 1988.
2. ***Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И.*** Пособие по переводу. М.: Высшая школа. 1988.
3. ***Чужакин А.*** Мир перевода. Изд-во Валенти, 1999.
4. ***Палажченко П.*** Жизнь имён или необыкновенные приключения антропонимов, географических названий и других имён собственных в английском и русском языках. Изд-во Валенти, 2002.
5. ***Whitman W.*** "the Song of Myself", "the Song of Hiawatha" 1859–60.
6. ***Fenimore Cooper*** "Leather Stocking Tales" 1827.
7. ***US News and World Reports*** 1990-s.

М.Н. МУРАВЬЕВ – ПЕРЕВОДЧИК ВЕРГИЛИЯ
(стихи 870–875 из 6 книги «Энеиды»)

Л.Б. Прокопьева
Томский государственный университет

Заниматься переводами М.Н. Муравьев начал в очень юном возрасте, еще в 1773 г. был издан его сборник «Переводные стихотворения лейб-гвардии Измайловского полку каптенармуса Михайло Муравьева», содержащий переводы таких античных авторов, как Анакреонт, Гораций, Тит Ливий, Петроний. В это же время он активно читает Вергилия, но переводить пока не решается. Лишь в 1778 г. появляется перевод начальных стихов из поэмы «Буколики» и во второй половине 1780-х гг. – отрывка из 6 книги «Энеиды».

Интерес к переводам греческих и латинских авторов (Гомер, Гораций, Вергилий, Овидий, Анакреонт, Сафо, Катулл) характерен как для эпохи классицизма, так и для более позднего этапа развития русской литературы. В частности, переводы из Вергилия имеют в русской литературе достаточно богатую и интересную историю.

Так, еще в хронике Иоанна Малалы, составленной по-гречески в 6 веке н.э., переведенной на славянский язык в X в. и известной в Киевской Руси не позднее XI в., довольно много внимания уделяется Вергилию. Автор постоянно имеет в виду «Энеиду», хотя самого названия поэмы не приводит. Часто повествование в хронике не совпадает с содержанием поэмы Вергилия или совпадает только в узловых моментах, но все же читатель получал не столь уж скудные (основное содержание «Энеиды» находит отражение в хронике), хотя и не всегда достоверные сведения о поэме Вергилия. В связи с этим очень важен тот момент, что Вергилий стал для авторов «не только источником исторических сведений, но поэтическим образцом…» [1. С. 361].

В 1769 г. «Энеиду» в прозе переводит В. Санковский. К этому же времени относится и перевод В. Петрова, который в 1770 г. выпустил в свет на русском языке шесть песен поэмы, а позже, в 80-е гг., – всю поэму. Текст В. Петрова, близкий к подлиннику, был переполнен славянизмами и авторскими неологизмами, что «отягощало» стиль, затрудняло понимание фрагментов «Энеиды». По этому поводу у В. Майкова есть даже эпиграмма:

Столь сила велика Российского языка:
Петров лишь захотел, – Вергилий стал заика! [2. С. 82].

Новые опыты перевода «Энеиды» Вергилия появляются во второй половине 1780-х гг., причем для этих опытов характерно в какой-то мере вольное обращение с классикой. Так, на рубеже 1780-х – 90-х гг. Н.П. Осипов переложил «Энеиду», использовав прием веселого «снижения» античного материала, но не с целью его дискредитации, а пытаясь «оживить» поэму, освободить от чопорности и книжности. В переводе Н.П. Осипова много живых сцен, изобилие простонародной лексики.

Вскоре после Н.П. Осипова И.П. Котляревский на украинском языке создал свою «Перелицованную Энеиду» (1798).

Таким образом, приступая к переводу отрывков из «Энеиды» Вергилия, М. Муравьев понимал, что хорошие переводы этого античного автора отсутствуют, и мог опираться в основном на опыт русских переводчиков вообще, и лишь в какой-то мере на опыт переводчиков «Энеиды».

Именно Вергилию М.Н. Муравьев отдавал предпочтение среди всех римских поэтов, называя его «главой стихотворцев римских» [3. С. 142]. Интерес к творчеству Вергилия носил у М.Н. Муравьева и мировоззренческий, и эстетический характер. Читая поэта в подлиннике, М.Н. Муравьев отмечал нежность, чувствительность его «Буколик», дидактизм в сочетании с лиричностью «Георгик», высокий патриотизм, гражданственность «Энеиды».

Поэта восхищает эпический талант Вергилия, чье мастерство он ставит в один ряд с гомеровским. В «Эмилиевых письмах» (1790 г.), восхищаясь природой, окружающей его, М.Н. Муравьев обращается к античной поэзии и упоминает Вергилия в одном ряду с великим греком: «Гомер, Вергилий... препровождают меня на возвышенный холм или в приятную долину, по которой сверкает студеный источник. Картины певцов восхищают мое воображение» [3. С. 121–122].

Но для М.Н. Муравьева, стоявшего на позиции сентиментализма, особенно ценно, что, наряду с величественным охватом событий, Вергилий отражает душевные качества своих героев, внутренний мир человека: «Философия века его умягчила черты Гомеровы и трогательное человеколюбие, нежныя пристрастия, просвещенное великодушие заменяют в «Энеиде» свирепую храбрость Илиады» [3. С. 142].

По мнению М.Н. Муравьева, Вергилий смягчил Гомера, чьим традициям в эпосе следовал, ему близко нравственное начало произведений античного автора: «Мы видим, что Гомер, который столько умеет различать свойства своих героев, но большей части прославляет их со стороны храбрости и иногда удивляется в них свирепству. Вергилий никогда не увлекается в своем удивлении к сей добродетели из настоящих пределов. Он столько соединяет вместе любезных свойств, по большей части

имеющих основание в чувствованиях, что воинская добродетель есть как бы оных спутница и идет за ними и без напоминания. Он знает, что храбрость есть иногда и участь жестокости и злодейства» [3. С. 254].

Интерес к внутреннему миру человека, к его психологии характерен для произведений Вергилия, что отвечало и потребностям М.Н. Муравьева как многостороннего писателя, сыгравшего большую роль в становлении русского сентиментализма. Лирический герой М.Н. Муравьева, гуляя по сельским окрестностям, вспоминает именно сочинения Вергилия: «...Мы (Я и Васенька) возьмем с собой Вергилиевы Георгики, и в виду хижин и пастухов, при шуме падающего источника, прочтем прелестный эпизод второй книги о похвалах сельской жизни» [3. С. 123–124].

В письме от 1 августа, сетуя на то, что он не может посетить места, которые помнят самого Вергилия, М.Н. Муравьев говорит о том, что его «утешают творения Виргилиевы. Блистательная кисть его повторила сию природу, и сделала прекраснее... Повествование его беспрестанно напоено чувствительностью» [3. С. 142].

Лирическое начало, свойственное Вергилию, также близко склонному к сентиментализму автору. Очень трогает М.Н. Муравьева добродетель и высокая нравственность, величие, патриотизм, гражданственность и вместе с тем сердечность Энея: «Вергилиев герой не есть свирепый завоеватель, ...сияющий только храбростью. Эней защищает отеческий град, доколе просвещенный взор его не увидит богов, трудящихся в ниспровержении Трои... Но как скоро нет отечества, Энею остается древний отец и боги и Асканий. Ему предоставлено спасти Трою и посеять надежду Рима. Сколько препятствий, сколько трудов!» [3. С. 255–256].

Единственным и неизменным образцом художественного вкуса М.Н. Муравьев считал «Энеиду»: «Вергилиевой Энеиде удивляются ныне так же, как и семнадцать столетий назад и во всем пространстве обитаемого света» (П. С. 239)

Итогом всему выше сказанному могут послужить слова М.Н. Муравьева, заключающие его рассуждения об этой поэме: «...Но что скажу о таком, который бы не чувствовал Энеиды? Душа его испортилась...» [3. С. 380].

Достижения М.Н. Муравьева в изучении и освещении творчества Вергилия позволили еще в XIX в. утверждать: «Скрывать нечего, надобно сказать правду, что после Муравьева никто не дал нам лучшего понятия о Вергилии, между тем как изучение классической литературы у нас значительно продвинулось» [4. С. 27].

М.Н. Муравьев прочувствовал, творчески осмыслил произведения Вергилия и выступил как критик, но процесс этого освоения шел не толь-

ко через чтение, но и через переводы античного автора на русский язык. М.Н. Муравьев достаточно критично и даже робко говорит о своих способностях переводчика. В «Эмилиевых письмах» в письме от 9 августа он пишет: «Переводить Вергилия! Я никогда столько не чувствовал, что переносить красоты его неискусною рукою есть истинное оскорбление вкуса. Список стихотворца должен отражать в себе сию живость красок, которою образец исполнен» [3. С. 143]. М.Н. Муравьев выдвигает требования к настоящему литературному переводу: «Что пользы в робком сохранении идей, ежели оне не производят того же чувствования, ежели оне также не обладают душою, не приводят в действо его насильственного волшебства, которое по изволению восхищает нас радостью или поражает ужасом и изумлением? Надлежало бы, чтобы переводчик стихотворца был в состоянии сам произвести красоты, которыя он перелагает» [3. С. 143].

Собственный опыт перевода «Энеиды» предпринят М.Н. Муравьевым во второй половине 1780-х гг. (отрывок из 6 книги, стихи 870–875). Именно шестую книгу, наряду с четвертой, называют «одной из вершин эпопеи» [5. С. 21]. Во время путешествия Энея из поверженной Трои на запад умирает, не выдержав тягот пути, его отец Анхиз. Герой спускается в царство мертвых и там встречает своего любимого отца. Анхиз рассказывает сыну о судьбе его будущих великих потомков, в частности о юном Марке Клавдии Марцелле, племяннике, зяте и предполагаемом наследнике императора Августа, о чьей преждевременной смерти Анхиз скорбит. Именно этот эпизод мог заинтересовать М. Муравьева по той причине, что в центре его – яркая, неординарная, достойная внимания личность:

Текст Вергилия:

O gnate, ingentem luctum ne quaere tuorum.
Ostendent terris hunc tantum fata neque ultra
Esse sinent, nimium vobis Romana propago
Visa potens, superi, propria haec si dona fuissent.
Quantos ille virum magnam Mavortis ad urbem
Campus aget demitus! Vel que, Tiberine, videbis
Funera, cum tumulum praeterlabere recentem!
Nec puer Iliaca quisquam de gente Latinos
In tantum spe tollet avos, nec Romula quondam
Ullo se tantum tellus iactabit alumno.
Heu pietas, heu prisca fides invictaque bello
Dextera! Non illi se quisquam impune tulisset

Obvius armato, seu cum pedes iret in hostem
Seu spumantis equi foderet calcaribus armos.
Heu miserande puer, signa fata aspera rumpas,
Tu Marcellus eris. Manibus date lilia plenis,
Purpureos spargam flores animamque nepotis
His saltem adcumulem donis et fungar inani
Munere.

Перевод М.Н. Муравьева:

Не спрашивай, мой сын, о горестной сей трате.
Покажет только рок и вмиг его похитит.
Чрез меру римский род вам силен показался.
О боги! если бы сей дар остался нам!
Какие вслед за ним стенанья устремятся!
И ты, о Тиберин, какой увидишь плач,
Как мимо новыя гробницы покатишься!
Никто б из юношей от рода илионска
Так Рима не вознес, и Ромулов бы град
Питомцем таковым вовек не похвалился.
О благочестие, о верность древних лет!
Непобедимая десница на войне!
Никто бы с ним не мог безбедно в бой вступить,
Хотя бы на врагов он пеший подвизался,
Хотя бы на коне он бурном прилетел.
Ах! отрок жалостный! коль прейдешь жребий свой,
Маркелл ты будешь. Ах! где свежие лилеи?..
Багряные цветы ему рассыплю в честь:
Я душу отрока сим даром успокою
И тщетный долг свершу. [9. С. 254].

O gnate, ingentem luctum ne quaere tuorum.
Ostendent terris hunc tantum fata neque ultra
Esse sinent, nimium vobis Romana propago
Visa potens, superi, propria haec si dona fuissent.

Перевод М.Н. Муравьева:

Не спрашивай, мой сын, о горестной сей трате.
Покажет только рок и вмиг его похитит.

Чрез меру римский род вам силен показался.
О боги! Если бы сей дар остался нам!

Подстрочный перевод:

О сын, огромную печаль не спрашивай твоих,
Покажут землям его столь великого судьбы и сверх того
Быть не позволят. Слишком вам римское потомство
Показалось сильным, боги, если бы эти дары были собственными.

М.Н. Муравьев в переводе O gnate («О сын») добавляет притяжательное местоимение *мой*, возможно, по той причине, что в gnate прозрачна связь с nascor «рождаться» и оно вполне соответствует русскому *родной*, «мой сын» передает внутреннюю форму слова gnate (букв. natus «рожденный») (ср.: filius «сын»). В переводе М.Н. Муравьева в первой строке отсутствует местоимение «твоих», возможно, это не случайный факт: автор акцентирует внимание на том, что утрата Марцелла – это горе для всех, а не только для близких, таким способом увеличивается масштаб несчастья. Ingentem luctum (огромную печаль) М.Н. Муравьев заменяет на «горестную трату» и, опустив tuorum (буквально *твоих*, то есть печаль близких) по отношению к печальному событию, произошедшему недавно (смерть Марцелла), использует в переводе «сей» (то есть этой). У М. Муравьева актуализируется факт (трата), а чувство передается прилагательным «горестная».

Во втором стихе Вергилий поднимает тему всевластия рока. Слово fatum (рок) имеет еще и значение «роковой исход, смертный час», что позволило М.Муравьеву ввести фразу, которая у Вергилия отсутствовала («и вмиг его похитит»); так автор, отойдя от первоисточника, используя метафору, делает акцент на кратковременности человеческого существования, трактует смерть как похищение героя у близких.

В третьем и четвертом стихе М.Н. Муравьев, точно следуя за Вергилием, называет Марцелла даром богов, ниспосланным римлянам. Но propria haec dona (этот собственный дар) он заменяет на «сей дар нам». Местоимение «нам» подчеркивает причастность поэта к всенародному переживанию, что делает строки более лиричными, интимными.

Quantos ille virum magnam Mavortis ad urbem
Campus aget demitus! Vel que, Tiberine, videbis
Funera, cum tumulum praeterlabere recentem!

Перевод М. Муравьева:

Какие вслед за ним стенанья устремятся!
И ты, о Тиберин, какой увидишь плач,
Как мимо новыя гробницы покатишься!

Подстрочный перевод:

Сколь многие мужей к великому городу Марса
Та равнина приведет стоны! Ведь, какие, Тиберин, ты увидишь
Похороны, когда будешь скользить мимо свежего холма.

М.Н. Муравьев дает точный перевод этих стихов: сохраняются риторические восклицания, обращение к Тиберину, божеству реки Тибр, общий эмоциональный настрой. Demitus «стоны» в переводе М.Н. Муравьева превращается в «плач», а tumulum recentem «свежий холм» заменяется на «новую гробницу». Слово «гробница» во втором своем значении обозначало в XVIII в. «место погребения, могила» [6. С. 238]. В современном русском языке такая явная связь с могильным холмом утеряна, так как в словаре С.И. Ожегова «гробница» определяется как «сооружение из мрамора, гранита и т.п., в котором хранится гроб с прахом умершего» [7. С. 125]. Во времена М.Н. Муравьева использование этих лексических средств усиливало драматизм ситуации потери молодого талантливого юноши, значимость его личности.

Nec puer Iliaca quisquam de gente Latinos
In tantum spe tollet avos, nec Romula quondam
Ullo se tantum tellus iactabit alumno.

Перевод М. Муравьева:

Никто б из юношей от рода илионска
Так Рима не вознес, и Ромулов бы град
Питомцем таковым вовек не похвалился.

Подстрочный перевод:

И никакой юноша из Илионского рода латинских предков
В такой надежде не вознесет, и Ромулова земля никогда
Не будет хвалиться настолько каким-либо питомцем.

В этих строчках подчеркивается исключительность молодого Марцелла, его заслуги перед Римом. Вместо метонимического обозначения Latinos avos «латинские предки» М.Н. Муравьев использует точное название *Рим*. Romula tellus «Ромулова земля» Вергилия у М.Муравьева звучит как *Ромулов град* – прием перифразы, усиливающий изобразительность речи, сохраняется.

Heu pietas, heu prisca fides invictaque bello
Dextera!

Перевод М. Муравьева:

О благочестие, о верность древних лет!
Непобедимая десница на войне!

Подстрочный перевод:

О благочестие, о старинная верность и непобедимая на войне
Рука!

Риторические восклицания Вергилия, придающие торжественность, приподнятость отрывку, у М. Муравьева сохраняются и еще усиливаются за счет использования старославянизма «десница» вместо нейтрального «рука» и развернутого словосочетания «древних лет» вместо эпитета prisca «старинная».

Non illi se quisquam impune tulisset
Obvius armato, seu cum pedes iret in hostem
Seu spumantis equi foderet calcaribus armos.

Перевод М. Муравьева:

Никто б за ним не мог безбедно в бой вступить,
Хотя бы на врагов он пеший подвизался,
Хотя бы на коне он бурном прилетел.

Подстрочный перевод:

Никто не устремился бы навстречу
Ему вооруженному безнаказанно, когда шел ли он пеший на врага
Или [когда] шпорил покрытого пеной коня.

Эти строки посвящены описанию воинской доблести храброго юноши. У Вергилия детали более конкретны, наглядны, вещественны (spumantis equi конь покрыт пеной, foderet calcaribus его шпорят). У М. Муравьева мысль автора сохранена, но выражена более абстрактно через глагол (герой «прилетает» на коне) и эпитет («бурный»). М. Муравьев сохранил и успешно передал авторскую анафору seu «или-или» с помощью повторяющегося «хотя бы», что, несомненно, украсило перевод. Наречие «безбедно», используемое М. Муравьевым для описания последствий встречи врага с Маркеллом, близко по структуре и семантике к авторскому impune «безнаказанно» (в «Словаре русского языка XVIII в.» к слову «безбедный» указано значение «не причиняющий вреда, не влекущий к опасности; безопасный») [6. С. 161].

Heu miserande puer, signa fata aspera rumpas,
Tu Marcellus eris. Manibus date lilia plenis,
Purpureos spargam flores animamque nepotis
His saltem adcumulem donis et fungar inani
Munere.

Перевод М. Муравьева:

Ах! Отрок жалостный! Коль прейдешь жребий свой,
Маркелл ты будешь. Ах! где свежие лилеи?
Багряные цветы ему рассыплю в честь:
Я душу отрока сим даром успокою
И тщетный долг свершу.

Подстрочный перевод:

О, достойный сострадания мальчик, если тяжелую судьбу разрушишь,
Ты будешь Маркеллом, полные руки дайте лилий,
Красные цветы я рассыплю и душу потомка
Этими дарами по крайней мере осыплю и исполню
Тщетный долг.

В заключительных строках Вергилий обращается к душе Марцелла до ее земного воплощения, утверждая, что если тот, победив рок, уйдет от ранней смерти, то станет равным своему пращуру Марцеллу. М. Муравьев, переводя puer словом «отрок», во-первых, точно передает юный возраст героя (puer в латинском – мальчик от 7 до 16 лет), во-вторых,

приподнимает стиль, вводя старославянизм. Более свободно звучит «прейдешь» (то есть «преодолеешь») в отношении судьбы по сравнению с rumpas «разрушишь» у Вергилия. Интересна синтаксическая организация перевода: М.Н. Муравьев вводит восклицательные обороты, которых нет у античного поэта (два раза повторяется междометие *ах,* восклицательным становится обращение *отрок жалостный*), употребляет риторический вопрос *где свежие лилеи.* Эти приемы делают перевод эмоциональным, экспрессивным. Эпитет *жалостный* вместо heu miserande «достойный сострадания» усиливает лирическое начало, вызывая сострадание к юному Маркеллу. Также более ярок и насыщен эпитет *багряные* (у Вергилия цветы purpureos «красные»).

«Энеида» написана гекзаметром, М.Н. Муравьев переводит отрывок шестистопным ямбом, который тем не менее сохраняет плавность, размеренность ритмического рисунка первоисточника.

В целом перевод М. Муравьева демонстрирует бережное и внимательное отношение автора к первоисточнику. Изменения, которые он вносит, усиливают лирико-драматическое начало, присущее поэме Вергилия. М. Муравьев постарался сохранить лексико-синтаксическую организацию, стиль, эмоциональную напряженность и яркие образы «Энеиды», что в итоге позволяет говорить об удачном опыте М. Муравьева-переводчика.

Перевод отрывка из «Энеиды» говорит о сентиментальной направленности автора, которому стали узки рамки классицизма. Внимание М.Н. Муравьева привлек яркий и значительный эпизод поэмы, но важно и то, что мысль Вергилия, переданная достаточно точно, облечена в изящную форму, выражена лиричным, чувствительным слогом.

Литература

1. ***Дерюгин А.А.*** Вергилий в древнем славянском переводе хроники Иоанна Малалы // Античность и Византия. М., 1975.

2. ***Русская*** эпиграмма. М., 1990.

3. ***Сочинения*** Муравьева. Издание А. Смирдина. С.-Петербург, 1847. Т. 1.

4. ***Старчевский А.В.*** Русская историческая литература в первой половине девятнадцатого века. Введение. М.Н. Муравьев. Карамзинский период. Статья первая // Библиотека для чтения. Т. CXI. СПб., 1852. Часть первая. Январь. С. 1–48.

5. ***Шервинский С.*** Вергилий и его произведения // Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971.

6. ***Словарь*** русского языка XVIII века. Вып. 1. Л., 1984.

7. ***Ожегов С.И.*** Словарь русского языка. Екатеринбург, 1994.

8. ***P. Vergili Maronis***. Aeneis. In usum scholarum. Iterum recognovit. Otto Ribbeck. MCMVII. Lipsiae. In aedibus B.G.Teubneri. P. 246–247.

9. ***Муравьев М.Н.*** Стихотворения. Библиотека поэта. Л., 1967.

СОВРЕМЕННЫЙ МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДИСКУРС: ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА КАРТИН МИРА

З.И. Резанова
Томский государственный университет

Одна из важных проблем в современных исследованиях дискурса – проблема единства картин мира участников дискурсивного пространства. Как представляется, единство картин мира участников коммуникации является одним из основных параметров, формирующих дискурсивное единство. Как отмечает В.З. Демьянков, «дискурс ... создаёт общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не только последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по мере развёртывания дискурса...» (Цитируется по: [2. С. 37]).

Дискурсивная картина мира – часть языковой картины мира, воплощённая в тексте, текстах, порождаемых в некоем типовом социально-психологическом контексте с типовым коммуникантами.

В содержательном плане дискурсивной картины мира выделяется дескриптивный, ценностный и деятельностный аспекты.

Дескриптивный компонент дискурсивной картины мира формируется 1) тематическими доминантами, 2) интерпретационной направленностью соответствующих тем, способами ментально-языковой репрезентации одного денотативного/референтного пространства. Интерпретация может различаться качественно – направленностью восприятия и анализа объекта – и количественно – глубиной анализа.

Ценностные компоненты составляют существенно значимую часть дискурсивной картины мира. Ценностная картина мира интерпретируется как «часть языковой картины мира, моделируемая в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными, литературными сюжетами» [1. С. 5].

В дискурсивных моделях мира также выделяется **деятельностный аспект,** так как существенной частью динамических моделей мира составляют сценарии коммуникативного поведения. Дискурсивные сценарии детерминируются принятыми нормами, общими для той или иной этнокультурной общности.

При обращении к проблеме миромоделирующей функции массово-информационного дискурса обнаруживается его значительная синхрон-

ная вариативность, определяемая изменчивостью проявления дискурсивных параметров. С одной стороны, этот институционный дискурс составляет некую целостность, формируемую единством макроцели: создание информационного поля, адресованного не индивиду, но социальной группе или группам.

Варьирование данного типа дискурса предопределяется изменчивостью референциального параметра, то есть тех сфер реальности, которые являются доминирующим предметом отражения в дискурсивном поле. Доминирующая референтная область на уровне порожденного текста проявляется в типе темы (тем) текста.

Тип референтной области активно взаимодействует с прагматическим фактором – доминантным полем модальностей, модальных рамок, оформляющих сообщение.

Один тип референтной области, соотнесённый с разными социовозрастными группами коммуникантов, также приводит к варьированию модальных рамок дискурса.

В варьировании массово-информационного дискурса большое значение имеет фактор адресата. Соотношение всех компонентов коммуникативного акта оказывает влияние и на выбор кода – языка, подъязыка, функционального стиля, функционального варианта идиолекта. Функционально ограниченные варианты кода избираются коммуникантами как соответствующие целям, условиям, теме общения, конвенциональным установкам, пристрастиям коммуникантов и т.д. С одной стороны, значимым оказывается ресурсный потенциал соответствующего подъязыка общения, с другой – субъективная предрасположенность коммуникантов к использованию единиц того или иного вербального кода.

Несомненно, весьма значимым дискурсивным параметром является среда коммуникации. Практически все сферы современной массовой коммуникации существуют в мультимедийных информационных пространствах, активно опираясь на средства смежных семиотических систем. В радиоинформации – это средства естественной мультимедийности человеческой речи, опирающейся на семиотику мелодики, интонирования. Массовая телевизионная коммуникация наряду с ресурсом естественной мультимедийности устной речи опирается на потенциал семиотики жеста, мимики, позы в соединении с семиотической значимостью монтировки кадра и монтажа.

Наконец, любой дискурс в текстовом воплощении разворачивается как некая совокупность жанрово определённых текстов. Речевой жанр, как первичный, так и вторичный, обладает единством содержательных и структурных параметров. Содержательная, целевая, структурная специ-

фика жанра проявляется в вариативности отражаемой картины мира, её смысловых доминантах.

Но дискурс – это единство процесса порождения и восприятия текста. Дискурсивный аспект исследования языка актуализирует значимость **факта диалогичности любого текста,** его направленность к определённому типу адресата. Только реальность единства картин мира автора и адресата коммуникации рождает дискурсивное единство, вхождение в дискурс – это вхождение в мир, единый для коммуникантов. Неорганичность картины мира, формируемой в рамках того или иного дискурса, для вступающего в данную систему общения человека может являться первым основанием разрыва коммуникации.

Дискурсивный анализ призван смоделировать дискурс как реальное речевое взаимодействие, предполагает учёт активной позиции слушающего, проявляющийся в том числе и в приятии или отрицании формируемой картины мира. Особенно остро эта проблема встаёт при обращении к **институциональным дискурсам,** формируемым как тип коммуникативного взаимодействия социальных групп. Прежде всего это относимо к массово-информационному дискурсу.

Обращение к массово-информационному дискурсу для анализа картины мира весьма значимо, что определяется его поливариантностью, обращенностью к практически всем сферам современной жизни.

Анализ картины мира, воплощенной в данных текстах, даёт практически полное представление о доминирующей в массовом сознании картине мира, сложившейся в тех или иных исторических обстоятельствах, в определённой социополитической, культурной ситуации. При этом языковая картина мира массово-информационного дискурса предстаёт как некая мозаика частных дискурсивных вариантов, различающихся тематически, адресатно, медийно и т.д. Задача исследователя в данном случае – выявить как варианты данной картины мира, зависимые от изменчивости значимых дискурсивных параметров, так и наличие (или отсутствие) общей тенденции, элементов инвариантности.

Анализ институционального дискурса как процесса и результата реального активного коммуникативного взаимодействия авторов и адресатов требует привлечения не только собственно лингвистических, но психолингвистических, социолингвистических и собственно социологических методик, ориентированных прежде всего на выявление ментально-языковой реакции адресата на текст определённого типа, определение типа дискурса, избираемого той или иной социальной группой из информационно-речевого потока, из разнообразных когнитивно-языковых пространств. В рамках выполнения исследовательского про-

екта «Поливариантность дискурсивного существования жителя современного сибирского города как следствие динамики социально-культурных процессов российской провинции» была поставлена задача выявления систем коммуникативных предпочтений реципиентов одной социальной группы – студентов. В качестве респондентов были привлечены студенты четырёх томских вузов – ТГУ, ТПУ, ТГПУ, РГСУ (около 200 ответов респондентов).

С использованием приёмов анкетирования и интервьюирования был определён круг включаемых в личностное коммуникативное пространство членов той или иной реципиентной группы информационных субъектов: телевизионных каналов, типов изданий газет и журналов, радиостанций, сайтов сети Интернет. При этом, исходя из того, что практически каждый из данных информационных субъектов представляет собой сложно организованное информационное единство, анкетирование было направлено на выявление аспектов привлекательности данных изданий, каналов и т.д. Способом последовательной конкретизации выявляется круг реальных коммуникативных пространств, в пределах которых транслируемая информация находит ответную, сочувственную реакцию слушающего. Наличие подобной, «сочувственной», реакции адресатов на предлагаемый текст позволяет сделать предположение о возможности осуществления дискурса как реального взаимодействия того или иного вещания (через посредство данной конкретной передачи) с данным типом слушателя. Таким образом определяются границы дискурса как некоей коммуникативной реальности.

Как показал анализ первого этапа эксперимента, при наличии достаточно большого разброса реакций выявилась система предпочтений в выборе как источников информации, различающихся носителем, так и её характера, содержательных особенностей, своеобразия оформления. Так, Интернет привлекается при необходимости восполнения ресурсов прежде всего учебной информации, а также выступает средством расширения круга неформального дружеского общения (он-лайн коммуникация в чатах), телевидение используется для восполнения потребностей развлекательной информации и т.д.

Анкетирование позволило выявить также перечень конкретных передач, телевизионных и радиопрограмм, жанров журнальных и газетных публикаций, входящих в поле дискурсивных предпочтений студентов, а также мотивы выбора предпочитаемого дискурса в интерпретации самих респондентов. На данном этапе анализа опросных листов делается предварительное заключение о характере пересечения картин мира адресантов – авторов того или иного продукта средств массовой информации.

На следующем этапе анализируются тексты соответствующего дискурса, методами текстологического анализа выявляется система ключевых концептов, реализованных в текстах того или иного дискурса. Затем на этапе проведения психолингвистических экспериментов, прежде всего методик ассоциативного эксперимента, проводится исследование степени совпадения фрагментов картин мира, формирующихся в пространстве дискурсивных предпочтений определённой группы адресатов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 64-04-64403а\Т).

Литература

1. ***Карасик В.И.*** Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.

2. ***Степанов Ю.С.*** Альтернативный мир. Дискурс. Факт и Принцип причинности // Язык и культура конца 20 в. М., 1995. С. 35–73.

НАЗВАНИЯ РАСТЕНИЙ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ЦВЕТОВОЙ ЛЕКСИКИ

И.В. Садыкова
Томский государственный университет

Имена цвета – это такая группа слов, которая формируется, как правило, на основе наименований предметов-эталонов. В качестве эталонов могут выступать самые разные предметы, среди них красители, ткани, камни, металлы, животные и др. Достаточно часто эталонами становятся растения и их различные части – листья, цветы, плоды. Возникновение цветовой тематики у прилагательных, образованных от названий предметов-эталонов, происходит в этом случае на базе относительной семантики, то есть направление семантического развития идёт от частного к общему, от названия предмета к обозначению оттенка цвета, который можно на этом предмете наблюдать.

Рассмотрим, в какой степени используются растения как эталоны при формировании группы обозначений красного цвета в русском языке. В современном русском языке насчитывается более 50 лексем, называющих различные оттенки красного цвета, из них у 14 имен цвета в качестве предмета-эталона выступают растения, точнее, их цветы, плоды, ягоды. Это прилагательные-цветообозначения, возникшие: 1) от названий фруктов (*апельсиновый, гранатовый, оранжевый*); 2) от названий ягод (*брусничный, вишнёвый, клюквенный, малиновый, рябиновый*); 3) от названий цветов (*маковый, розовый, гуляфный, пунцовый*); 4) от названий овощей (*морковный, свекольный*). У большей части названных лексем цветовая семантика оформилась лишь с течением времени, примерно в XVIII–XX вв., а появились они в русском языке с относительной семантикой, выражая отношение к предмету (*апельсиновый, гранатовый, брусничный, вишнёвый, клюквенный, малиновый, рябиновый, морковный, свекольный*). Два прилагательных были цветообозначениями уже при первом своём появлении в русском языке: *оранжевый* (XIX в.), *пунцовый* (XVIII в.), а три имели и относительную и цветовую семантику: *гуляфный* (XVI–XVII вв.), *маковый* (XVI в.), *розовый* (XVIII в.).

Отмеченные имена цвета называют самые разные оттенки красного: ярко-красный (*пунцовый*), тёмно-красный (*вишнёвый, клюквенный*), красный (*маковый*), красно-жёлтый (*апельсиновый, морковный, оранжевый, рябиновый*), красно-синий или красно-фиолетовый (*гранатовый, малиновый, свекольный*), бледно-красный или светло-алый (*гуляфный, розовый*), густо-розовый (*брусничный*).

Названные цветообозначения образованы средствами русского языка, чаще всего используются суффиксы -ов-/-ев-, -н-. Однако при этом производящие основы у рассматриваемых лексем являются как исконными, так и заимствованными. Исконные производящие основы имеют прилагательные-цветообозначения *брусничный, вишнёвый, клюквенный, маковый, морковный, рябиновый.* От заимствованных лексем образованы имена цвета *апельсиновый, гранатовый, гуляфный, оранжевый, пунцовый, розовый, свекольный,* при этом источники заимствования разные: а) латинский язык (*гранатовый* < granātum «гранат», *розовый* < rosa «роза»); б) древнегреческий язык (*свекольный* < σευκλον «свекла»); в) романские языки, преимущественно французский язык (*оранжевый* < франц. orange «апельсин», *пунцовый* < франц. ponceau «ярко-красный, густо-красный», ст.-франц. poncel «мак-самосейка»); г) германские языки (*апельсиновый* < голл. appelsina/apfelsine «апельсин»); д) персидский язык (*гуляфный* < н.-перс. gulāb/gulāv «розовая вода»).

Таким образом, цветообозначения, называющие различные оттенки красного цвета, имеющие в качестве предмета-эталона растение или его часть, разнообразны по происхождению, времени вхождения в русский язык. С их помощью можно описать практически любой оттенок красного тона. Они разнятся по частотности употребления, сфере функционирования, сочетаемостным возможностям. В настоящей работе рассмотрим более подробно историю и этимологию двух имён цвета – *клюквенный* и *свекольный*, первое из них исконное, второе заимствованное.

1. ***Клюквенный.*** Прилагательное ***клюквенный*** впервые фиксируется в середине XIX в. в Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля со значением «из клюквы, с приправою сока её сделанный. ***Клюквенный*** сок, иногда варёный, сгущенный. «*Клюквенный кисель*» [1; 2. С. 306]. Данное слово является дериватом сущ. **клюква**, образованным с помощью относительного суффикса *-енн-* , поэтому и первичное значение его связано с выражением отношения к предмету – клюкве.

Производящее существительное появляется в русском языке несколько раньше – в XVII в., о чём свидетельствуют данные Словаря русского языка XI–XVII вв.: «**клюква**, ж. собир. Клюква (ягоды). *Двадцат четвертеи клюков, осмина арехов, двадцат рубах, цена клюквамъ и орехом и рубахомъ тридцат четыре рубли.* Там. кн. Вяз., № 19, 149 об. 1654 г.» [СРЯ XI–XVII, 7. С. 182]. Здесь же отмечается ещё одно, более раннее по сравнению с прил. **клюквенный**, производное слово – **клюковный,** характеризующееся следующей относительной семантикой: «**клюковыйй**, прил. 1) Изобилующий клюквой. *Мъста клюковные.* Заб Мат. II, 1143. 1626 г. 2) приготовленный, сваренный из клюквы. *Кисель холодный съ*

сокомъ. Кисель гарячей съ патокой. Кисель клюковный. Кн. Расх. Кушаньям Адр., 143. 1699 г.» [7. С. 182].

Словари, отражающие лексический состав русского языка XVIII в., толкуют семантику сущ. **клюква,** указывая на цветовую характеристику ягоды: «**клюква,** -квы. умал. ***клюковка,*** -вки, ж. Ягоды в северных странах на мшистых болотах родящиеся из красна червленые, величиною с небольшую вишню, шаровидные, гладкие, лоснящиеся, при вершине с небольшим пупком четвероразделным. Сок в ягоде красный, нежный, в четырёх вместилищах содержащийся; семена мелкие, овальные; вкус ягод кислоты приятной, а особливо в пролежавших зиму под снегом. Делают из них сироп, пастилу, для одержимых горячкою полезные» [3. С. 640–641; 4]; «**клюква**, -ы, ж. Кислая красная ягода, растущая на болотах» [8; 10. С. 63]. Продолжает фиксироваться в XVIII в. и производное прил. **клюковный,** по-прежнему с относительной семантикой.

Как уже отмечалось выше, прил. **клюквенный** фиксируется в словаре В. Даля, причём оно даётся автором как параллельное образование с прил. **клюковный,** то есть, по всей видимости, эти лексемы взаимозаменяемы при употреблении в речи [1; 2. С. 306]. В дальнейшем происходит постепенное вытеснение прилагательного **клюковный** из литературного русского языка. Так в Толковом словаре русского языка (гл. ред. Д.Н. Ушаков) даются примеры сочетаемости прил. **клюквенный,** ранее свойственные лексеме **клюковный:** *«клюквенный морс, клюквенный кисель»* [1. С. 1379; 11]. А в БАС прил. **клюковный** фиксируется с пометами «устаревшее, областное», тогда как прил. **клюквенный** не имеет никаких специальных стилистических помет и характеризуется как относительное прилагательное с несколькими оттенками в семантике: «**клюквенный,** -ая, -ое. Относящийся к клюкве. *Клюквенный сок. Длинная клюквенная плеть, цепляясь за стебельки трав и неровности, оплела черный теплый пень.* Пришв., Кладовая солнца // Приготовленный сделанный из клюквы. *Клюквенное варенье. Сегодня Петров пренебрёг даже своим любимым клюквенным киселем.* Чирик., Ранн. всходы. ◊ **Клюквенный квас, морс; клюквенная вода.** Прохладительные напитки, приготовляемые с прибавлением клюквенного сока. // Имеющий цвет клюквы. *От Спасских ворот по санному следу скакали два всадника. Передний – в стрелецком клюквенном кафтане.* А.Н. Толст., Петр I. ◊ ***Клюквенный нос.*** Красный, как клюква (преимущественно о носе пьяниц)» [5. С. 1056; 9]. Представленный материал показывает, что в XX в. у анализируемого слова появляется цветовая семантика, которая толкуется через сопоставление с предметом-эталоном, в данном случае это ягоды клюквы насыщенного красного цвета. Сочетаемостные возможности прилагательного-

цветообозначения **клюквенный,** по всей видимости, могут быть достаточно широкими: в представленных примерах оно характеризует цвет как окрашенных предметов (кафтан), так и предметов с естественной окраской (нос).

Следует сказать, что и сущ. **клюква** может использоваться в сравнительных конструкциях, целью которых является описать цвет предмета. Например, в словаре Д.Н. Ушакова даётся сочетание ***красный как клюква*** [1. С. 1379; 11], с помощью которого можно охарактеризовать цвет тех реалий действительности, которые имеют окраску, подобную окраске ягод клюквы. На наш взгляд, именно такое употребление производящего существительного способствовало формированию цветовой семантики и у производного прилагательного **клюквенный.** Однако цветовое значение ещё не окончательно закрепилось за лексемой **клюквенный,** так как не всегда регулярно отмечается словарями, например, в Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой анализируемое прилагательное даётся только с относительным значением [2. С. 61; 6], а в Словаре русского языка С.И. Ожегова – Н.Ю. Шведовой цветовое значение «тёмно-красный, цвета клюквы» отмечается в качестве второго значения прил. **клюквенный** [2. С. 278]. Таким образом, как нам представляется, есть все основания полагать, что рассматриваемое слово закрепится в русском литературном языке не только как относительное прилагательное, но и как качественное прилагательное, называющее цвет.

Таким образом, рассмотренная лексема **клюквенный,** появившись в русском языке в XIX в. как относительное прилагательное, в XX в. начинает формировать качественное цветовое значение, основанное на цвете предмета-эталона – ягоды клюквы, с помощью прил. **клюквенный** может быть назван достаточно яркий, насыщенный оттенок красного цвета. Однако цветовая семантика ещё не до конца закрепилась за данным словом.

В этимологическом плане о рассматриваемом цветообозначении можно сказать следующее: **клюквенный** образовано суффиксом *–енн-*, имеющим относительное значение, от сущ. **клюкв-а.** Происхождение же производящего существительного неопределённо. Есть несколько предположений об этимологии сущ. **клюква.** Наиболее приемлемой, по нашему мнению, является гипотеза, представленная в Этимологическом словаре славянских языков. Следует сказать, что в данном словаре для рус. **клюква** приводится только два соответствия из других славянских языков, называющих ягоду клюкву: серб. хорв. **кльуква,** польск. **klukwa,** а также омонимичные лексемы рус. диал. **клюква** «кочерга» (новосиб., заурал.), «клюшка» (новосиб.), **Клюква** приток Сейма, укр. **клюква**

«жердь, которой прикрепляется солома на крыше» [10. С. 58; 14]. Как видим, семантика приведённых соответствий на первый взгляд разнородна, но дальнейшие размышления позволяют найти между ними нечто общее.

Авторы Этимологического словаря славянских языков, рассматривая происхождение сущ. **клюква**, указывают на родство ***kl'uky**, с которой сопоставляется русское существительное **клюква** и о.-слав. ***kl'uka** [10. С. 58; 14], для которой восстанавливается древнейшее значение «нечто непрямое, изогнутое». Эта реконструированная общеславянская праформа реализуется во всех современных славянских языках, при этом семантика реальных лексем весьма разнообразна (наиболее частотны «крюк, крючок», «(дверная) ручка», «клюка, костыль; палка, о которую опираются», «сплетни; хитрость, лукавство, обман» и под.) [10. С. 55–56; 14], но объединяет их, на наш взгляд, именно семантика, связанная с чем-то непрямым, изогнутым. Семантическое развитие, которое привело к возникновению названия ягоды, можно представить как «загиб, изгиб» > «разветвлённый стебель» > «ягоды, растущие на изогнутом стебле» > «клюква» [10. С. 58; 14]. А если учесть тот факт, что клюква – это растение со стелющимся, изгибающимся стеблем, на котором растут темно-красные ягоды, то предложенное развитие семантики представляется достаточно правдоподобным. Подобное объяснение происхождения сущ. **клюква** высказывалось Б. Клейбером [10. С. 58; 14]. Именно на основе семантического признака «нечто непрямое, изогнутое» можно объединить и название ягоды клюквы (если принимать предложенное развитие семантики), и название клюшки, кочерги, и название реки, которая течет не по прямой линии, а с изгибами, поворотами, а также лексему **ключ** «источник, родник».

По свидетельству ЭССЯ, о.-слав. ***kl'uka** производно от индоевропейского корня ***kleu-**, поэтому в общеславянском слове выделяется корень ***kl'u-** и суффикс ***-k(a)**. На корневом уровне славянской лексеме ***kl'uka** имеются соответствия в некоторых индоевропейских языках: лит. **kliūti** «цепляться», лат. **clāvus** «гвоздь», греч. **κλείς** «ключ, запор, засов» [14, 10, 56]. Объединяет эти слова в семантическом плане также значение «нечто непрямое, изогнутое».

II. ***Свекольный.*** Прилагательное **свекольный** начинает фиксироваться в русском языке с XVI в., об этом свидетельствуют данные Словаря русского языка XI–XVII вв., где находим такие сведения: «**свекольный,** прил. 1) относящийся к свекле. – *От листвиа свекол<ь>ново проход творить, но того соку не даемь прияти тъмь, кои недугуютъ стомахою.* Травник Любч., 176 об XVII в. ~ 1534 г. 2) приготовленный из свёклы. –

Во все лъто ... свекольной росол ставити и огурци солит<ь>же [подобает]. Дм., 121. XVI в.» [23. С. 107–108; 7]. Таким образом, первоначально прил. **свекольный** выступало только как относительное прилагательное, образованное от сущ. **свёкла** «овощное съедобное растение» с помощью суффикса *-н-*. Само же производящее существительное появилось в русском языке значительно раньше – впервые оно зафиксировано в Изборнике Святослава 1073 г. в форме **сеукль** [3. С. 343; 10]. Форма же **свёкла**, по всей видимости, стала отмечаться с XVI в., тогда было образовано и прилагательное.

При характеристике семантики сущ. **свёкла** первоначально также полностью отсутствовала цветовая сема: «**свёкла, ж.** Овощное съедобное растение свекла // мясистые, толстые корнеплоды этого растения // кушанье из свёклы» [23. С. 107–108; 7]. Однако постепенно в толкование данного слова вводятся цветовые прилагательные, что, на наш взгляд, оказало влияние и на формирование цветового значения у производного прил. **свекольный.** Напр., в Словаре Академии Российской (1806–1822) семантика сущ. **свёкла** описывается следующим образом: «Злак огородный, от коего употребляется корень конический, толстый, величиною в пядень и болкк, цветом красный, но сердцевина белая. Вкус имеет сладковатый; он питает и холодит; употребляется корень в пищу вареный и квашеный, также и самый бот или листья во щах и ботвинье» [5. С. 349–350]. Производное прилагательное зафиксировано в данном словаре с ударением на первом слоге **свéкольный** и значением «принадлежащий свекле, относящийся к свекле» [5. С. 350]. Таким образом, и в XVIII в. рассматриваемое прилагательное не стало ещё цветообозначением.

В словаре В. Даля прил. **свекольный** отмечается с ударением на втором слоге (**свекóльный**) и по-прежнему с относительным значением, хотя оно и не сформулировано прямо в тексте словарной статьи, но явно вычленяется из приведённых словосочетаний – *свекольная ботва, свекольный лист, свекольный рассол* [1; 4. С. 54]. Однако в словарной статье с главным словом **свёкла** автор приводит загадки об этом овоще, которые в своей основе имеют один из отличительных признаков корнеплода этого растения – цветовой: «*Вверху зелено, внизу красно, в землю вросло? Красный сапог (красен бархат) в земле горит*» [1; 4. С. 54]. Все эти детали, по нашему мнению, указывают на то, что в семантике сущ. **свёкла** имеется периферийная цветовая сема, соответственно и в семантике производного прилагательного она тоже содержится, что и проявилось впоследствии у прил. **свекольный** в его семантическом развитии.

Лексема **свекольный** становится цветообозначением лишь в XX в. Впервые как имя цвета данное слово фиксируется в БАС, хотя цветовая

семантика и не является здесь основной: «**свекóльный**, -ая, -ое. 1) относящийся к свёкле // приготовленный из свёклы, со свёклой; 2) цвета свёклы, красно-синий; 3) то же, что ***свекловичный*** в 3-ем знач. (= водящийся, паразитирующий на свекловице)» [9; 13. С. 292–293]. Как цветообозначение прил. **свекольный** называет смешанный с синим оттенок красного цвета, при этом оно характеризует цвет предметов, имеющих как естественную, природную окраску, так и полученную в результате окрашивания: «*Сегодня присутствовало на приеме шесть местных баронесс со свекольными щеками, шесть дородных баронов напряженно стояли за их обсыпанными мукой париками.* А.Н. Толстой, Пётр I, II, 3. *Одни деревья чуть-чуть распушились, на других ещё только высыпали разбухшие почки и висячие бархатные червяки свекольного цвета.* Федин, Необыкн. лето, 4. *Солдат, у которого от ярости уши покраснели до свекольного цвета, старался оторвать руки девушки от своей добычи.* Б. Полев., Золото, 1, 2 « [9; 13. С. 292–293].

Следует указать и на тот факт, что сущ. **свёкла** также может участвовать в определении цвета предметов, в частности, оно входит в сравнительный оборот «***как свёкла красный, багровый***», которая реализуется, например, в таких контекстах: «*Иннокентий Филатыч, как свёкла красный, с серебристой, начисто отмытой бородой пешечком возвращается из бани.* Шишк. Угрюм-река, V. 6. *Вижу, барин вне себя мечется по кабинету сам, как свёкла, багровый.* Эртель, Гарденины, I, 4» [9; 13. С. 289–290].

В Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой прил. **свекольный** отмечается с двумя значениями: относительным «прил. к **свёкла** // приготовленный из свёклы, со свёклой» и качественным, цветовым «лиловато-красный, цвета красной свёклы» [6. С. 40]. Будучи именем цвета, рассматриваемое прилагательное продолжает именовать оттенок красного цвета, смешанный с синим, называя как окрашенные предметы, так и предметы с природным цветом, при этом предметом-эталоном для данного имени цвета является корнеплод овощного растения свёклы.

Относительно происхождения рассматриваемых слов можно сказать следующее: прил. **свекольный** образовано от **свёкла** с суффиксом с относительным значением *-н-*, само же производящее слово заимствовано из греческого языка, причем это отмечается уже у И.И. Срезневского, который приводит греческие лексемы **σευκλον, σευτλον** [3. С. 343; 10]. К такому же выводу приходят и М. Фасмер [12], А.Г. Преображенский [3], П.Я. Черных [13]. Первичный облик сущ. **свёкла,** зафиксированный в словаре И.И. Срезневского (**сеуклъ**), подтверждает греческий источник заимствования. Форма же **свёкла** является результатом фонетического и грамматического освоения греческой лексемы на русской почве.

Итак, мы рассмотрели историю и этимологию двух цветообозначений, называющих различные оттенки красного цвета в русском языке, в качестве предметов-эталонов у этих имен цвета выступают части растений: у прил. **клюквенный** – ягоды, а у прил **свекольный** – корнеплод. Цветовая семантика является у этих прилагательных вторичной, возникшей на базе относительной. Спектр употребления данных цветообозначений достаточно широк: они могут называть предметы с естественной окраской и предметы окрашенные. В этимологическом плане прил. **клюквенный** является исконной лексемой, а прил. **свекольный** образовано от заимствованного из древнегреческого языка существительного **свёкла.** Следует отметить, что имена цвета, которые имеют в качестве предмета-эталона растение или его части, активно используются для характеристики цвета различных предметов, и есть основания полагать, что группа обозначений красного цвета может в ближайшее время пополниться новыми лексемами, например, прилагательными **земляничный, клубничный, томатный.**

Литература

1. ***Даль В.И.*** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Терра, 1995. Т. 2, 4.

2. ***Ожегов С.И.*** Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: РАН ИРЯ им. В.В. Виноградова, 1990. 921 с.

3. ***Преображенский А.Г.*** Этимологический словарь русского языка. М.: ГИС, 1959. Т. 1–2.

4. ***Словарь*** Академии Российской. СПб.: Академия наук, 1789–1794. Ч. 3.

5. ***Словарь*** Академии Российской по азбучному порядку расположенный. СПб.: Академия наук, 1806–1822. Ч. 5.

6. ***Словарь*** русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. язык, 1981–1984. Т. 1–4.

7. ***Словарь*** русского языка XI–XVII веков. М.: Наука, 1975–2002. Вып. 7, 23.

8. ***Словарь*** русского языка XVIII века. Л.; (СПб.), 1984–2004. Вып. 10.

9. ***Словарь*** современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 5, 13.

10. ***Срезневский И.И.*** Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.

11. ***Толковый*** словарь русского языка / Гл. ред. проф. Д.Н. Ушаков. М.: ГИС, 1935. Т. 1.

12. ***Фасмер М.*** Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 1–4.

13. ***Черных П.Я.*** Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Рус. язык, 1994. Т. 1–2.

14. ***Этимологический*** словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–2003. Вып. 10.

О НЕКОТОРЫХ СТЕРЕОТИПАХ В ФОЛЬКЛОРНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале современных русских загадок)

М.О. Смоляр
Томский политехнический университет

В последнее время наметилась тенденция исследования загадок с целью извлечения данных о картине мира, свойственной создателям этих текстов. Загадка в данной работе определяется как «небольшое фольклорное произведение, где иносказательно даются изображения предметов, которые предлагается отгадать» [2]. В качестве особенностей жанра следует отметить её способность подменять одни объекты другими, приписывая свойства одного объекта другому. Соответственно становится возможным моделировать две ситуации в рамках одного текста, где лексические единицы совмещают в себе значения, характеризующие одновременно реалию, обозначенную в отгадке, и объект, заменяющий его в самом тексте загадки. Характеризуя реалию в отгадке, загадка отражает его наиболее яркие характеристики, свойства, знание которых помогает её разгадать. Такое описание признаков объекта позволяет выстроить определённый «портрет» предметов и явлений действительности, выявить, каким образом носитель культуры представляет эти реалии, какие стороны он отмечает как наиболее значимые. Следовательно, изучение загадки способствует раскрытию механизмов восприятия и категоризации объектов в рамках культуры.

Сформировавшееся видение объекта получает в данной работе статус стереотипа, понимаемый как «устойчивое, то есть воспроизводимое, а не создаваемое каждый раз заново сочетание, закрепившееся в коллективной памяти на уровне лексем» [1]. Благодаря привлечению понятия стереотип мы получаем возможность не только охватить значение слова, но и усмотреть соотношение значения слова и говорящего субъекта с его системой ценностей, точкой зрения. Стереотип предстаёт как «образ в голове» (термин В. Липпманна), фиксирующий признаки предмета, и как следствие, способствует выработке к нему стабильного общественного отношения, появившегося даже до знакомства носителя с этим предметом.

Для выявления такого стереотипного представления необходимо обращение к когнитивным моделям, позволяющим фиксировать весь набор признаков, способствующих созданию такого «портрета» объекта. Актуализация признаков объекта обусловлена рядом факторов, таких как «миропонимание, тип мышления, точка зрения». Точка зрения в данной работе получает следующую дефиницию – «субъективно-культурный

фактор, определяющий способ говорения об объекте, в том числе категоризации объекта... о выборе признаков, которые приписываются предмету в конкретных высказываниях и закреплены в значении» [1]. Принятая точка зрения соответствует в языке комплексу ограничений, направлений значения, наполняющих лексические единицы. В зависимости от разных точек зрения объект действительности приобретает разные «портреты».

Думается, что загадка в нашем материале представляет одну единую точку зрения, что связано с её создателем – представителем народной культуры. Его точка зрения в загадке всегда нормирована, то есть представляет обычное, нормальное для всего социума положение вещей. Загадки в основном используются для проверки умения понимать определённый код, принятый в обществе. Поэтому тексты, как правило, обращены к молодёжи, в то время как их авторами являются более зрелые члены общины. Кроме того, загадки всегда создаются и адресуются людям, принадлежащим одной культуре, для которых свойственно тождественное отношение к действительности и наличие единого понятного всем носителям культуры кода.

В соответствии с определённой точкой зрения, а также в связи с тем, что загадка является фольклорным жанром, она вбирает в себя ряд оценочных, коннотативных смыслов. Однако следует отметить, что подобный пласт смыслов находится в загадке в области фоновых знаний, за границами текста. Привлечение фоновых знаний, заранее известных всем носителям культуры, позволяет в лаконичной форме включить в загадку какую-либо ситуацию вместе с её эмоциональными и оценочными смыслами. Таким образом, мы полагаем, что в загадке коннотативные элементы присутствуют, но специально не актуализируются.

Точка зрения обусловливает профиль объекта, то, каким именно образом предмет видится носителю народного сознания. Профилирование является субъективной понятийной операцией, заключающейся в своеобразном формировании образа предмета посредством восприятия его в определенных аспектах, категориях в рамках определенного знания и в соответствии с определённой точкой зрения. Существенно при этом, что подбор признаков объекта не является случайным. Способ представления предмета можно представить в виде определённых аспектов, где каждая характеристика объекта имеет статус категории, и может использоваться для проведения анализа. Вслед за А. Вежбицкой, назовём подобные категории фасетами (Вежбицкая, 1985. по цит. [1. С. 65]). Для каждого класса объектов выделяется свой собственный комплекс, набор свойств, которые репрезентируют объекты с тех или иных сторон, с определённых точек зрения. Фасета представляет собой аспект анализа, категорию, обо-

значающую и раскрывающую признак, характеристику объекта и свойственный (значимое его присутствие или отсутствие) подобным, однородным ему объектам. Выявление фасетной структуры для одного объекта позволяет при помощи тех же комплексов фасет определить признаки, выделяемые в другом однородном объекте, способствующие выявлению основных способов репрезентации объектов в тексте, следовательно, и в сознании.

Выявим набор фасет для ряда однородных реалий, обозначенных в отгадках и объединённых в группы текстов, посвящённых явлениям природы и современным изобретениям человека.

Загадки, посвящённые явлениям природы

В классе загадок о явлениях природы нами были использованы следующие фасеты: *внешний вид, действие (функция), локатив.* В исследуемых текстах не было выявлено использования замены загадываемой реалии на лексические единицы, обозначающие человека. Внешний вид таких явлений природы, как паутина, снежинка, сосулька, роса, выражается при помощи лексических единиц со значением предметов бытовой жизни людей, соответственно, использовались следующие предметы – замены: *мост, кружева, сетка, звездочка, пушинка, кулёк, гвоздь, бусы* и другие. При этом отметим, что реалия не разделяется на составные её части, а описывается или заменяется на другой объект целиком. В данном классе загадок отмечается также своеобразная автономность объектов, обозначенных в отгадке, как от других реалий действительности, так и от деятельности человека. Происходит формирование скорее созерцательной, нежели активной позиции человека или других объектов по отношению к исследуемым загадываемым реалиям. Сторонняя позиция человека как наблюдателя за явлениями природы также выражается в том, что взаимодействие человека с такими явлениями приводит к исчезновению, разрушению последних.

Покружилась звёздочка
В воздухе немножко,
Села и растаяла
*На моей **ладошке.** (Снежинка)*

Следует отметить, что в данном исследовании мы совмещаем фасеты действие (образ действия, результат действия) и функция в одну категорию, если понимать функцию как «обязанность, круг деятельности, назначение, роль» [3], а также поскольку это обусловлено спецификой жанра. При замене объекта, обозначенного в отгадке на подобный ему в тек-

сте загадки, привлекается описание свойств и характеристик обоих, с оговоркой, что действие (образ действия и результат) первого во многом является функцией другого.

Следует отметить, что в исследуемых текстах нам не встретилось оценочных смыслов в текстах загадок. Мы связываем это явление со спецификой жанра, которая проявляется в представлении и описании, хотя и иносказательным способом, реалий действительности, что становится возможным при условии соблюдения адекватности, точности в описании. Эмотивные оттенки в текстах присутствуют лишь в виде общепринятых представлений, фоновых знаний, предполагающих общность в понимании их истинного значения.

Загадки, посвящённые современным изобретениям человека

В данном классе текстов наиболее часто используемыми фасетами явились: *действие, образ действия, результат действия, функция* (в обозначенном выше значении), а также *внешний вид и локатив.* В связи с тем, что данные объекты действительности являются творением человека, они создавались с определённой целью. Соответственно, основной характеристикой таких предметов является их функциональный признак (включающий также образ и результат действия), который наиболее ярко и полно отражен в тексте загадок. Внешний вид представлен в загадках при помощи указания на части целого, как правило, человека. В данном случае мы имеем дело с двойной метафорой, понимаемой в когнитивном и языковом смысле. В текстах мы встречаем обозначение частей тела человека: носик, ушки, голова, брюхо, ручка, живот.

Я похож на пароход,
И на чайник тоже,
А горячий мой ***живот***
Гладить ткань поможет. (Утюг)

Следовательно, обозначение вышеупомянутых частей тела играет двойную роль: обозначает части человека, выступает в роли предмета-замены (человек), а также используется в прямом значении, обозначая составные части загадываемой реалии.

При проведении анализа достаточно своеобразно представлен локатив, признак местонахождения реалий в отгадке. В данном классе загадок он либо не выражен, либо представлен иносказательно, отсылая отгадчика к реальному месторасположению объекта в отгадке.

В Полотняной стране, по реке Простыне
Плывёт пароход то назад, то вперёд. (Утюг)

В данном классе загадок также не выявлена актуализация коннотативных смыслов, что также связано со спецификой исследуемого жанра.

Таким образом, каждый класс загадок по-своему организует набор признаков, выявляемых при помощи фасет. Их количественный показатель свидетельствует о существенности того или этого признака, свойства объекта, обозначенного в отгадке. Выявив особый набор фасет для представленных групп текстов, мы установили, что для каждой сферы действительности сознание формирует свою схему концептуализации и интерпретации. В загадке профилирование предметов организовано по принципу указания на их внешние признаки, используя следующие фасеты: внешний вид предмета, его части, действие и/или образ действия, результат действия, функция, поведение, внешние проявления характера и другие. При этом укажем на значимое отсутствие некоторых фасет, таких как: переживание, предсказание, предвестие. Наличие одних и отсутствие других фасет обусловливается жанровой спецификой, а именно описанием объектов реального мира. Следовательно, при проведении анализа были использованы лишь те фасеты, которые указывали на реальные, видимые или функциональные, свойства объекта. Со спецификой жанра также связано и своеобразное привлечение оценочных смыслов. Вследствие лаконичности формы жанра, а также его принадлежности к более общему национальному пласту культуры, происходит актуализация фоновых знаний одновременно с их коллективными оценками, которые, тем не менее, в данном жанре остаются на уровне фоновых знаний и в тексте, как правило, не выражены.

Литература

1. ***Бартминьский Е.*** Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 528 с.

2. ***Митрофанова В.В.*** Русские народные загадки. Л., 1958. 342 с.

3. Электронный ресурс – www.gramota.ru

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н.В. Соловьёва
Пермский государственный университет

В сфере диалогического общения специфическое место занимает дискуссия, представляющая собой механизм взаимодействия различных (нередко противоположных) точек зрения. В связи с этим именно в дискуссии находит своё проявление актуальная проблема толерантности, понимаемый как «соблюдение норм реагирования на высказывание другого, допущение того, что другой может иметь принципиально отличную точку зрения, которую не обязательно принимать, но надо признавать её право на существование...» (Андреева, 2002. С. 87). На наш взгляд, соответствие научной дискуссии такому принципу, как толерантность, – одно из условий эффективного общения. Толерантность речи – это кодекс речевого поведения автора по отношению к другим субъектам научной коммуникации.

Применительно к научному дискуссионному тексту (что является материала предпринятого анализа) в аспекте толерантности речи существенно рассмотрение таких диалогических позиций, как *автор – оппонент, автор – адресат (читатель),* и коммуникативно-познавательной деятельности автора в этих направлениях. Речь идёт о двух коммуникативных стратегиях, реализуемых автором: 1) выражении отношения к идеям оппонента (оценочная деятельность); 2) утверждении собственно авторской точки зрения в глазах читателя (рефлективная и прагматическая деятельность). Как отмечает Л.В. Славгородская, участники дискуссии «осуществляют, однако, и активный обмен информацией (научные факты, данные исследований и т.п.). Но сама эта информация в контексте такого диалога подчинена целям опровержения и утверждения, целям «модальным» более, чем информативным», поэтому дискуссию надо относить к типично модальному диалогу (Славгородская, 1978. С. 11).

Целесообразно подчеркнуть тесную связь толерантности с антропологическими аспектами эпистемической ситуации дискуссии, если представить эту ситуацию как статическое, фиксированное явление (Котюрова, 1988; Баженова, 2001) – рефлективно-аксиологическим и коммуникативно-прагматическим, отражающимися в научной коммуникации.

Процесс научной дискуссии можно понимать в виде последовательности таких коммуникативно-познавательных действий автора, как экспликация основных дискуссионных положений; изложение и оценка

взглядов оппонента (-ов); аргументация авторской позиции; апелляция к читателю; формулирование выводов и др. Структурно-процессуальным особенностям дискуссии – разновидности спора – посвящены многие работы (Штельцнер, 1973; Слемнев, Васильков, 1990; Поварнин, 1996; Ивин, 1997 и др.) в области логического направления, разрабатывающего содержательную сторону жанра научной дискуссии.

При подходе к научной дискуссии в аспекте толерантности речи с содержательной стороны необходим логически аргументированный анализ взглядов оппонента. Такой анализ возможен лишь при глубоком понимании его позиции. Вместе с тем автор стремится к тому, чтобы и его концепция была понята и поддержана читателем. С этой целью автор прогнозирует реакцию своего читателя и «выдаёт» информацию, удовлетворяющую запросы адресата. Можно предположить, что понимание субъектом текста своего коммуникативного партнёра и стремление быть понятым потенциальным адресатом – это и есть содержательное наполнение толерантности речи, способствующей достижению эффективной коммуникации.

В отношении формы толерантной речи предписывается соблюдение ряда максим, что составляет социально-этикетную сторону коммуникации. Толерантная форма выражения критического отношения к «чужой» точке зрения есть одно из важных правил, составляющих коммуникативный кодекс толерантности. К способам достижения такого речевого общения относятся ориентация на некатегоричность изложения при выражении негативной оценки (за счёт её смягчения, указания на субъективный или вероятностный характер, сообщения об объективных трудностях, высказывания замечаний в форме рекомендаций и др.)

Нетолерантность может быть проявлена, когда: 1) высказываются категоричные оценки лишь негативного характера без убедительной аргументации или негативные оценки эмоционального, а не рационального содержания (так, например, в текстах дискуссий по вопросам философии и в текстах дискуссий с идеологическим уклоном «в пылу полемики» или под влиянием идеологических установок авторы прибегают в грубым выражениям даже по отношению к личности; здесь сказывается влияние и таких психологических факторов, как целеустановка, негативное мнение о другом человеке); 2) внимание сосредоточивается лишь на недостатках концепции оппонента и сознательно замалчиваются её достоинства; 3) используется лишь формальное цитирование некоторых положений концепции оппонента без соответствующей аргументации или нарушаются правила цитирования, в результате чего искажаются идеи оппонента.

Анализ материала показывает, что отношение к оппоненту и его взгляды существенно влияет на результативность дискуссии. Убежденность коммуникантов в правоте своей концепции и ошибочности других мнений приводит к превращению дискуссии в острую полемику, в результате которой не происходит приращения знания, поскольку каждый отстаивает только свою точку зрения как единственно возможную. Именно здесь наблюдаются очаги преднамеренно нетолерантного речевого поведения (использование некорректных приёмов, наклеивание ярлыков и др.).

Приведём высказывание А.Б. Толстова и В.П. Филатова в отношении такого поведения: «В своей же среде учёные вполне осознают, что достоверность научного знания всегда относительна, что в самом знании всегда присутствуют гипотетические, не обоснованные до конца элементы. И нужно обладать чрезмерным (и, заметим, ни методологически, ни этически не оправданным) самомнением, чтобы утверждать, что собственная научная концепция является единственно достоверной и что альтернативные научные аргументы можно не принимать в расчёт» (Толстов, Филатов, 1988. С. 153).

Иначе протекает дискуссия, где коммуниканты заинтересованы в получении нового знания. Например, дискуссия по вопросам стилистики (в журнале «Вопросы языкознания» 1954–1955 гг.), участники которой были ориентированы на конструктивный диалог, понимание идей оппонента, возможность рассмотрения объекта с разных сторон, что способствовало синтезу научных идей и привело к новому пониманию многих явлений функциональной стилистики, а также «рождению» нового знания.

Для перспективы исследования важно отметить то, что в плане эффективности речевого общения особый интерес представляют наблюдения над индивидуально-авторскими способами достижения коммуникативной толерантности в дискуссии, что обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как индивидуальность личности, когнитивный (познавательный) стиль учёного-автора, его компетентность, уровень речевой культуры и др.

Литература

1. ***Андреева Г.М.*** Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М., 2002.

2. ***Баженова Е.А.*** Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001.

3. ***Ивин А.А.*** Основы теории аргументации. М., 1997.

4. ***Котюрова М.П.*** Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. Красноярск, 1988.

5. ***Поварнин С.И.*** Спор. О теории и практике спора. СПб., 1996.

6. ***Славгородская Л.В.*** О диалогизации научной прозы, Стиль научной речи. М., 1978.
7. ***Слемнев М.А., Васильков В.Н.*** Диалектика спора. Минск, 1990.
8. ***Толстов А.Б., Филатов В.П.*** Роль альтернатив в развитии науки // Диалектика и научное мышление (материалистическая диалектика – методология наук) / Отв. ред. А.Н. Аверьянов. М., 1988.
9. ***Штельцнер В.*** Логические проблемы дискуссии. АКД. М., 1973.

О СЕМАНТИКЕ И ЭТИМОЛОГИИ ОСНОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ СВЕТА В КЛАССИЧЕСКИХ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

О.В. Царегородцева
Томский государственный университет

Лексемы, обозначающие свет, в различных языках не тождественны семантически и имеют разную этимологию, хотя наблюдается множество пересечений в значениях, образующих семантические универсалии в данной группе лексем. Цель данной работы: 1) выявить область универсального и дифференциального в развитии семантики лексем; 2) выделить семантический показатель/признак, актуальный для исследуемых языков, через анализ семантического наполнения слов и этимологии.

В древнегреческом языке основное существительное, обозначающее «свет», – φάος и его стяженная форма φῶς. Слово имеет следующий набор значений: 1. свет; 2. дневной свет, день; 3. факел, светильник; 4. блеск, сияние; 5. глаза; 6. свет, счастье, радость; 7. блеск, блистательность, слава [1]. С ним связан глагол φαίνω, который помимо светового имеет значение «являть, показывать, обнаруживать», судя по контекстам, очень употребительное. Кроме того, контексты показывают, что глагол часто употреблялся с существительными, имеющими отношение к акту речи: φανεῖσα φάμα Παρνασσοῦ (Софокл) – «раздававшийся с Парнаса глас», φ. ἀοιδήν (Гомер) «запеть песнь», ἔφαινε τὸν ἐόντα λόγον (Геродот) «рассказал, как было дело». Производными слов с корнем φα- часто являются имена, эпитеты божеств, например: Φάεθων «Фаэтон», φωσφόρος «Артемида светоносная (эпитет Артемиды)». При написании такого сакрального текста, как Евангелие, для обозначения высшей божественной силы использовалось именно существительное φῶς: Ἐγὼ εἰμὶ τὸ φῶς τοῦ κοσμοῦ…(Ев. от Иоанна) «Я есть свет мира…».

Лексемы данного словообразовательного гнезда восходят к и. -е. корню *bhā- со значением «светить, говорить» [2]. В древнеиндийском языке основа *bhā- u проявляется в vi-bhā́va «светящий, светящийся». Основа, реализованная в φαίνω, *bhā – n, в других языках имеет такие проявления: в албанском языке bënj «светить, обнаруживать», в древнеисландском – bān «белый», «видение, явление, красота», в древнеанглийском – bōnian «делать блестящим», в готском – bandwa «знак, знамение». Также от корня *bhā- в древнеиндийском языке встречаются слова со значениями: bhatin «свет», bhanam «светить, появляться, видеть» [3]. Так же, как и в древнегреческом языке, есть слова со значениями говорения и видения. Кроме этого, появляется значение «красота», явление, имеющее отноше-

ние к зрительному восприятию человека. Рассмотрев дериваты и.-е. корня *bhā-, наблюдаем, что прослеживается связь значений «светить» – «видеть». У глагола φαίνω, хотя и не фиксируется значение «видеть», обнаруживается семантика «замечать, обнаруживать», которая непосредственно связана с видением.

Восстанавливаемое значение корня *bhā- не только «светить», но и «говорить». У глагола φαίνω и его производных прослеживается сема говорения, что свидетельствует о неслучайной связи этих значений. Ю. Покорный приводит дериваты с семой говорения в латинском языке: for, fari «говорить», fabula «рассказ, басня», fama «болтовня, молва, толки», в древнеиндийском bhanati «говорить», в армянском ban «слово, речь, разум, рассудок» [3].

В славянских языках тоже встречаются образования с таким значением: в церковнославянском БАЯТИ «рассказывать, сообщать, обсуждать», старочешском baiu «говорить, выдумывать», в болгарском **бая** «шептать заговоры, заклинания», одновременно в верхнелужицком baćso «незаметно гореть, тлеть», в нижнелужицком bajaś se «тлеть, мерцать». С.Д. Бак отмечает связь семантики говорения – свечения и приводит такую эволюцию значений: «светить» → «делать ясным» → «говорить», то есть значением-посредником является семантика ясности. О.Н. Трубачев, споря с мнением С.Д. Бака [1. С. 138–140; 4], считает лексемы со значениями «говорить» и «блестеть» родственными на индоевропейском уровне, объясняя это синкретической ономатопеей. А.С. Мельничук [5] устанавливает связи между указанными значениями корня *bhā-, обнаруживая тождество их еще с корнем *bhei- «бить, ударять». Исследователь делает предположение, что первоначальной функцией корневого элемента *bhə- в праиндоевропейскую эпоху было обозначение удара грома, сопровождающегося блеском молнии, то есть соглашается с О.Н. Трубачевым.

Аналогичные связи значений наблюдаются не только в производных корня *bhā-, но и в других лексемах. Например, в польском языке существует глагол świerkać «чирикать, щебетать», в русском языке глагол с таким же корнем – СВЕРКАТЬ «ярко блестеть, сиять» и существительное СВЕРЧОК. В украинском также есть существительное ЛУНА «отражение света, отблеск» и «отражение звука, эхо», ЛУНАТИ «звучать», ЛУНКИЙ «звонкий», тогда как в большинстве индоевропейских языков слово с этим корнем обозначает небесное светило: в русском языке ЛУНА, в латинском luna, французском lune. Это, как нам представляется, говорит о том, что подобная близость значений является закономерным явлением. Семантика «говорить», «звучать» развивается у слов, обозна-

чающих свет, через семантику «делать ясным, обнаруживать», в греческом глаголе φαίνω фиксируется это значение-посредник, так же как в русском языке есть выражение «осветить вопрос», которое содержит в себе и сему говорения, и сему ясности.

Однако отрицать этимологическую близость и.-е. корней *bhā- и *bhei- мы не можем: представление о каком-либо предмете у древнего человека было синкретичным, предмет как вещь, явление осмысливался в неразрывной связи со всеми свойствами предмета, поэтому в случае с *bhā- можно говорить о синкретизме значений и о том, что явление, изначально описываемое дериватами *bhā-, было ударом грома и молния. Таким образом, в греческом языке основное слово, обозначающее свет, – лексема, этимологически связанная со значением «говорить», «звучать», «раздаваться», свет ассоциировался, прежде всего, с молнией и громом.

В латинском языке для обозначения света существует существительное lux, lucis. Словарь И.Х. Дворецкого приводит 8 значений данного слова: 1. свет, освещение, сияние; 2. блеск, сверкание; 3. ясность, очевидность, широкая гласность, известность; 4. слава, украшение, цвет, светоч; 5. помощь, утешение, спасение; 6. дневной (солнечный) свет, день; 7. жизнь; 8. поэт. зрение [6]. Глагол, обозначающий действие света, luceo, luxi, –, ēre, имеет и значение «просвечивать, быть видимым, виднеться», то есть связан с видением. Производные с корнем luc- также имеют отношение к божественным силам, священным действиям: lustro, āvi, ātum, āre «святить, освящать, очищать, искупать жертвоприношением», lucus «лес, священная роща», Lucina «богиня Луцина».

Для лексем восстанавливается и.-е. корень *leuk-/*louk-/*luk- со значением «светить, свет», а также «видеть» [7]. Среди дериватов в индоевропейских языках обнаруживаются, например, такие: в древнеиндийском существует rocate «светить», в кимрском llwg «блестящий»; в литовском laũkis «с белой лысиной на лбу», lauks «белолобый»; в германских языках: древнепрусском lauxnos «светило», в древневерхненемецком loug «пламя, огонь»; в древнегреческом λευκός «светлый, белый», а также в русском ЛУЧ, ЛЫСЫЙ [3].

Со значением видения в древнегреческом языке зафиксировано λεύσσω, в кимрском go-lwg «видеть», llygag «глаз», в литовском языке láukiu, láukti «за кем-либо смотреть, ухаживать», в церковнославянском ЛОУЧИТИ «кого-нибудь видеть, заставать». Аналогичные связи «смотреть» и «светить» наблюдаются в словах: русское ВИДЕТЬ, польское widać «видно», widok «вид», widny «ясный, видимый, светлый»; в русском ГЛЯДЕТЬ, в украинском ПОГЛЯД «взгляд», в латышском (диалект.) glendi «ищи глазами», а в германских языках glinzen (средневерх-

ненемецкий) «лосниться, мерцать, блестеть», glanz (средневерхненемецкий) «лоск, блеск», а также в шведском gläntа «приоткрывать», в бретонском glein «ясный, светлый». Совмещение у дериватов одного корня семантики видения и света неслучайно. П.Я. Черных объясняет это семантической цепочкой: «блестеть» → «блестеть глазами» → «вращать глазами». На наш взгляд, развитие шло другим образом. Свет был противопоставлен тьме по многим признакам, в том числе и по тому, что во тьме ничего не видно, свет же дает возможность видеть мир, отсюда развитие таких значений, то есть связь «светить» и «видеть» на более глубоком уровне, на уровне сознания человека, изначально мифологического, склонного к синкретизму.

В русском языке лексема СВЕТ является основной для выражения понятия света, посредством ее описываются все близкие понятия. Основное значение лексемы «электромагнитное излучение, воспринимаемое глазом и делающее видимым окружающий мир» [8], то есть СВЕТ – это то, что противостоит тьме. Лексема не сочетается с существительными, обозначающими неизлучающие свет предметы: *свет штыков/оружия/железа – недопустимые в русском языке выражения, тогда как в у φῶς и lux эта сочетаемость возможна: φ. τοῦ λύχνου (Плутарх) «блеск, свет меди», τὸ φ. παρέχειν τινί (Ксенофонт) «придать блеск/свет чему-либо», lux ferri (Папиний Стаций) «блеск железа, меча», lux aenea (Вергилий) «блеск медного котла», lux zmaragdi (Лукреций) «блеск изумруда». Существует множество переносных значений лексемы, все они имеют положительные коннотации: «радостное выражение лица», «то, что делает радостной, счастливой жизнь, символ радости, счастья», «ласковое обращение к кому-л.», например: «Свет ты мой!». Видим, что круг значений лексемы СВЕТ часто совпадает со сферой значений греческой и латинской лексем: то есть в переносных значениях встречаются такие, которые связаны с радостью, со всем положительным в жизни человека. История лексемы СВЕТ позволяет выявить некоторые особенности семантики русского СВЕТ.

Слово СВѢТЪ зафиксировано в XI в. в значении «противоположность тьме, свет», которое является основным: *Свѣтъ убо въ храминѣ свѣштя, свѣт же въ чювствѣ молтвьный разумъ*. Изб. Св.1076 г., 249 [9. С. 134]. Семантика видения эксплицирована в значении «свет, воспринимаемый человеческим глазом» в выражениях: Свѣтъ взяся, отъяся (отнялся) – о наступлении слепоты, Свѣтъ, вольный свѣтъ видѣти – быть зрячим, Свѣта не видѣти – быть слепым, незрячим, где СВЕТ равен понятию ЗРЕНИЕ: *И отяся умъ его и свЕтъ его*...Пролог (Срз.) 1 об XV в. [9. С. 134]. Лексема в значении «зрение» зафиксирована в XIV в., но вероятнее всего, это значение существовало и ранее. Об этом свидетельствует контекст, в ко-

тором встречается прилагательное СВЕТЛЫЙ: *Бѣже сеи Василько лицем красен, очима свѣтел и грозен взором и паче меры храбор* Моск. Лет, 129. 1238 (XIII в.) [9. С. 149], где *свѣтел* значит *зорок*, а также прилагательное СВѢТОЗАРНЫЙ, зафиксированное с XI в., со значением «обладающий даром ясновидения». Соположение понятий света и зрения является очень древним, о чем свидетельствуют и данные классических языков, поэтому правомерно полагать одновременное появление значении, связанных с видением со значениями непосредственно световыми.

Остальные значения существительного являются переносными и представляют собой развитие первого значения, испытавшего ощутимое влияние христианских текстов, в которых часто встречалось слово φῶς в значении «свет, свет божественный». Греческое φῶς переводится русским СВЕТ, это не могло не оказать влияния на последующие развития значений слова. И.И. Срезневский фиксирует следующие значения: «светило, носитель света духовного», «свет духовный», «чистота, святость», «божественное начало», а также «просвещение, сила просвещающая» [10. С. 195–197], которые, по сути, являются развитием одного значения, связанного с сакральной сферой бытия, с божественным началом, которое несет свет, просвещение, просвещает ум и чувства, а, следовательно, несет радость, веселье, доброту. В этом значении лексема отмечается также с XI в. Приводится очень большое количество контекстов на это значение, что позволяет предположить едва ли не большее распространение слова в переносном значении, нежели в прямом, хотя речь, безусловно, идет только о книжном стиле. Но важность этой семантики для сознания необходимо подчеркнуть, если учесть употребление слова в сакральных текстах: в молитвах, евангелиях, где оно обозначало центральное для религиозного человека понятие – Бога: Отецъ свѣтомъ – Бог: *Всякъ дар свершенъ, съвыше есть съходяи от тебе, Ѻца свѣтомъ* служ. Варл. л. 19. XII в. [9. С. 135], или *Бѣ свѣтъ истинныи, иже просвѣщаеть всякого чл҃ка.* (Ио. 1, 9) Остр. Ев., 2 об. 1057 [9. С. 135], где слово свет является тождественным слову Бог. Также слово встречается в выражениии «о духовной силе, святости»: *Тако да сияеть свѣтъ вашь предъ чл(о)вкы, да узьрять дѣла ваша добрая.* (Матф. V, 16) Мст. Ев., 236. XI–XII вв. [9. С. 135]. Надо заметить, что «свѣт» и «святость» в древнерусском языке тесно переплетались в значениях, о чем свидетельствуют параллельные формы некоторых слов: святилище и свѣтилище «храм», святити и свѣтити «сообщать кому-л., чему-л. святость, чистоту, силу божественной благодати».

Лексема имеет вторую сферу значений, отличную от только что рассмотренной. В словаре XI–XVII вв. отмечены значения «земля, мир, все-

ленная, все страны», «мир, мироздание, жизнь, человеческое общество//земная жизнь//загробная жизнь (свет иной)» [9. С. 136]. Значение представляет собой эволюцию первого, основного значения, является закономерным развитием слов такого рода, так же, как и в древнегреческом φῶς, где значение «жизнь» развивается из сочетаний «прийти на свет», «родиться»: ἐς φ. ἐλθεῖν (Пиндар) «прийти на свет», ἐν φάει εἶναι (Софокл) «видеть солнечный свет, жить», или как в латинском, где тоже появляется значение «жизнь»: luce privare (Цицерон) «лишить жизни, отнимать жизнь». По свидетельству П.Я. Черных [11. С. 145], это значение появилось до распадения общеславянского языкового единства, то есть является достаточно древним. Действительно, слова с подобной семантикой («мир, вселенная, жизнь») зафиксированы и в восточно-, и в западно-славянских языках: в украинском світ, в белорусском свет, в болгарском свят, в сербском свêт, в словенском svet, в польском świat. Все встречающиеся значения эволюционировали следующим образом: жизнь → этот мир → люди в этом мире, человеческое общество → мироздание вообще → земля, вселенная, все страны.

Отмечается в словаре и такое значение, как «жизнь в миру», в качестве противоположности монашеской, духовной жизни.

В период начала формирования национального русского языка (XVIII в.) и в новый период истории РЯ (XIX в.) в семантике происходят некоторые изменения: 1) в XVIII в. зафиксировано слово «свѣтский» со значением «мірскій, противуполагается слову духовный», например, «свѣтский человек». У слова СВѢТЪ вместе с прилагательным «большой» появляется значение «обращеніе, обхожденіе въ обществѣ знаменитыхъ людей». Это связано с таким фактом, как формирование высшего общества в России. Данное значение представляет собой эволюцию значения «жить в миру», то есть среди людей; 2) в XIX в. лексемы свѣтлый, свѣтъ сужают круг своих переносных значений, таких, как «святой, святость», «красивый, торжественный» и прочие, хотя у свѣтлый остаются значения «радостный, веселый».

В XX в. СВЕТ «лучистая энергия...» и СВЕТ «мир, земля, человеческое общество» воспринимаются и фиксируются как омонимы.

Лексема СВЕТ является дериватом и.- е. корня * k̑vei- «светить» с расширением -t- * k̑veit, * k̑voit- «светлый» [3]. Надо заметить, что, по мнению А.Г. Преображенского, * k̑veit- обозначал более яркий свет, чем *leuk- [12. С. 265]. Для слова СВЕТ О. Н. Трубачев восстанавливает общеславянскую форму *svĕtъ с первоначальным значением «противоположность тьме, то, что делает видимым окружающий мир». В других и.-е. языках производными и.- е. корня *k̑vei- являются: авестийское spaēta

«белый», древнеиндийское śvéta-(h) «белый, светлый», польское świetny «превосходный, отличный», А.Г. Преображенский указывает также литовское sviẽsti «светить».

Другая группа производных и.- е. корня *k̑vei- в русском языке – это ЦВЕТ, ЦВЕСТИ, общеславянские формы *květъ, *kvisti [4. С. 163]. Таким образом, восстанавливаются две общеславянские формы: *svetъ, откуда русское СВЕТ, и *květъ, откуда русское ЦВЕТ. С.М. Толстая указывает на вторичность значения «цвет» по сравнению с семантикой света и приводит следующие примеры: русс. диал. цвести, цветать «рассветать», сербское цвет «пламя свечи», цветати «гореть, пламенеть» [13. С. 560]. Вероятно, первоначальное *světъ обозначало «яркий свет, цвет», далее развитие значений у слов шло различными путями. Из-за дифференциации в семантике произошло разделение форм с разным значением. А сосуществование кентумных и сатэмных форм возможны, если слова имеют отличную друг от друга семантику: славянские ГРЪЛО и ЖРЬЛО, русское город и русское диалектное зород «ограда для скота». Образование на материале русского языка лексем со значением «яркий свет», «цвет» может служить подтверждением предположения А.Г. Преображенского о том, что изначально и.-е. *k̑vei- обозначал более яркий свет.

Таким образом, проанализировав семантическое наполнение и этимологию лексем, можно сделать следующие выводы:

1) семантика лексем, производных от трех и.-е.- корней, имеет некоторые различия. Эти различия проявляются в значениях тех дериватов, которые мы постарались рассмотреть в данной работе. И.-е. корень * k̑vei- «светить» обозначал яркий свет, поэтому, очевидно, производные его имеют значения «цвет, окраска», например, русское ЦВЕТ. И.-е. корень*bhā-, кроме значения «светить», имеет семантику говорения, а также в дериватах встречаются значения «обнаруживать, выявлять», которые связаны с видением. У корня *leuk- семантика света совмещается с семантикой видения. Можно выделить некоторые универсальные направления в развитии значений: свет → глаза, зрение; свет → слава; свет → радость, счастье; свет → жизнь; свет → бог, божественная сила, святость; синкретически связанными являются значения светить → говорить; светить → видеть; 2) в классических языках лексемы φῶς, lux сочетаются со словами, обозначающими не излучающие свет предметы (железо, мечи), тогда как в русском языке подобных сочетаний не встречается. Для носителя русского языка четко делятся явления блеска – света, в классических языках эти явления более близки, их может обозначать одна лексема; 3) история русского языка показывает, что у лексемы СВЕТ одновременно со значениями «святость», «божественная сущность» раз-

виваются значения «жизнь в миру», «высшее общество», «люди», которые в дальнейшем образуют омонимичную лексему СВЕТ; 4) анализ этимологии лексем позволяет выдвинуть гипотезу, касающуюся принципа номинации явления, а также выделить актуальные семы для называния явления света в классических и русском языках. В древнегреческом языке φῶς генетически связан с громом молнии, lux с белым цветом и светом, СВЕТ восходит к и.-е. корню, который изначально обозначал более яркий свет, значит, актуальной семой для этого слова была яркость.

Литература

1. ***Дворецкий И.Х.*** Древнегреческо-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 2. 1900 с.

2. ***Frisk Hj.*** Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I-III. Heidelberg: Winter Universtätsverl, 1954–1970.

3. ***Pokorny J.*** Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, München, 1959–1969.

4. ***Этимологический*** словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1, 13. М.: Наука, 1974, 1987.

5. ***Мельничук А.С.*** Об одном из важных видов этимологических исследований // Этимология. 1967. М.: Наука, 1969. С. 57–68.

6. ***Дворецкий И.Х.*** Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 2000. 846 с.

7. ***Walde A., Hofmann J.B.*** Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1938–1954. Bd. I–III.

8. ***Словарь*** русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой: В 4 т. М.: Русский язык, 1983. Т. 2. 736 с.

9. ***Словарь*** XI–XVII вв. Вып. 23. М.: Наука, 1996. 253 с.

10. ***Срезневский И.И.*** Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 3, Ч. 1. 1–910 ст.

11. ***Черных П.Я.*** Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык; Медиа, 2004. Т. 2. 560 с.

12. ***Преображенский А.Г.*** Этимологический словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. Т. 1. 674 с.

13. ***Толстая С.М.*** Семантическая реконструкция и проблемы синонимии в праславянской лексике // Славянское языкознание. 13-й Международный съезд славистов. М., 2003. С. 549–563.

НАЗВАНИЯ ОСНОВНЫХ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
(историко-этимологический аспект)

Н.В. Цымфер
Томский государственный университет

Изучение тематических групп как составных частей лексикосемантической системы языка позволяет более полно описать данную систему. Этим определяется актуальность исследования различных пластов лексики, в частности названий пищи и продуктов питания.

Несмотря на постоянный исследовательский интерес к изучению отдельных групп лексики, актуальность этого изучения не снижается и в настоящее время. Сложный процесс развития и формирования лексических микросхем освещён ещё далеко не полно.

До настоящего времени не существует полного описания данной тематической группы, а имеющиеся статьи и исследования по этому вопросу носят преимущественно фрагментарный характер.

Сопоставление эквивалентных лексических единиц на уровне тематических групп двух языков даёт интересные материалы, иллюстрирующие особенности национального менталитета, особенности мышления народов – носителей языка, специфику восприятия людьми, носителями разных языков, окружающего их материального мира, реалий внеязыковой действительности и специфику отражения этого восприятия в языковых знаках [1–2].

В данной работе ставилась цель описать историю формирования конкретного фрагмента лексической системы немецкого языка – тематической группы **продукты питания.** Для достижения этой цели были определены границы данной тематической группы на разных этапах истории немецкого языка, особенности функционирования отдельных членов этой лексической группы, когда и в связи с чем пополнялась группа, что она представляла из себя на общегерманском, региональном западногерманском и собственно немецком уровне. При исследовании данных вопросов применялся историко-этимологический подход к материалу.

Этимологическая характеристика основана, главным образом, на данных этимологических и историко-этимологических словарей [3–12]. В результате проведённой работы описано 40 слов, обозначающих мясные и молочные продукты питания, а также хлебобулочные изделия.

В данной статье представлены результаты исследования лексики, относящейся к литературному немецкому языку, стилистически не окрашенной. Большую часть рассмотренной тематической группы (72%) составля-

ют широко употребительные слова. Остальная часть слов распространена в различных областях Германии, а также в Швейцарии и Австрии.

Лексемы представленной тематической группы были подразделены на исконные и заимствованные. Заимствования на разных этапах развития языка составляют большую часть данной тематической группы (27 лексем из 49-ти).

1) Заимствования общегерманского периода:

а) возможно, из балтийских языков; der Laib;

б) из латинского языка: первая часть слова das Käse, die Semmel;

в) из романских языков: der Kuchen.

2) Заимствования древневерхненемецкого периода:

а) из народной латыни: die Butter;

б) из романских языков: die/der Matte;

в) из итальянского языка: die Schotte;

г) из ретороманского языка: der Zieger.

3) Заимствования средневерхненемецкого периода:

а) из нидерландского языка: die Sahne;

б) из нижнелужицкого языка: der Quark;

в) из народной латыни: die Pastete.

4) Заимствования нововерхненемецкого периода:

XVI в.:

а) из французского языка: das Frikasse;

б) из итальянского языка: die Salami;

в) из нижненемецких диалектов: первая часть слова die Mettwurst.

XVII в.:

а) из итальянского языка: die Frikadelle, первая часть слова die Zerverkatwurst;

б) из чешского языка: der Schmetten;

в) из английского языка: der Pudding.

XVIII в.:

а) из французского языка: das Frikandeau, das Kotelett;

б) из шведского языка: der Klops.

XIX в.:

а) из французского языка: die Bulette, die Mayonnaise.

XX в.:

а) из русского языка: der Kefir;

б) из турецкого языка: das/der Joghurt;

с) из английского языка: das Rumpsteak.

В исконной лексике только два слова унаследованы из индоевропейского языка в значении продуктов питания: der Anke и die Milch.

Шесть лексем являются германскими ареальными образованиями, возникшими в результате семантической инновации: das Fleisch, die Wurst, der Schinken, der Speck, die Molke, das Brot.

Десять лексем (die Bockwurst, der Leberkäse, das Schnitzel, der Kloss, die Sülze, der Tropfen, der Schmant, das Obers, das Eis, der Weck) являются собственно немецкими новообразованиями.

Неясность происхождения ещё четырёх лексем (die Biestmilch, der Rahm, der Braten, das Wildbret) не позволяет отнести их к той или иной группе.

В исконной лексике на синхронном уровне только шесть слов являются производными: в результате словосложения образованы der Leberkäse и die Bockwurst, в результате субстантивации – das Obers, в результате метафорического переноса – der Topfen, der Kloss и das Eis.

По данным диахронного анализа вся исконная германская лексика является производной. На прагерманском уровне только слова индоевропейского происхождения (der Anke и die Milch) были непроизводными.

Исконную германскую лексику по способу образования можно разделить на две подгруппы: слова, образованные морфемным и неморфемным способом.

К первой подгруппе относятся слова, образованные в результате аффиксации (die Molke, der Speck, der Schinken) и словосложения (der Leberkäse и die Bockwurst).

Ко второй подгруппе относятся слова, возникшие в результате конверсии, в данном случае только субстантивации (das Obers, der Schmant, das Flaisch, die Wurst, das Brot), а также в результате семантического переноса: метонимического (die Sülze) и метафорического (der Kloss, das Eis, der Topfen, der Weck, das Schnitzel).

Для исконной германской лексики определены способы номинации. Принципы номинации слов индоевропейского происхождения и заимствований не учтены в силу того, что способ номинации отражает особенности мышления народа – носителя языка, а в качестве носителей языка нас интересовали только германцы, в частности немцы.

В исконной германской лексике данной тематической группы можно выделить слова, возникающие в результате первичного и вторичного способов номинации.

К первым относятся слова, обозначающие продукты питания, возникшие в результате какого-либо процесса: «бродить» – «нечто перебродившее» (das Brot), «свежевать» – «нечто освежёванное» (das Fleisch), «скручивать, сворачивать» – «нечто скрученное» (die Wurst), «нарастать» – «нечто наросшее» (der Speck).

Ко второй группе относятся слова, возникшие в результате переосмысления:

по смежности:

– место – изделие (die Bockwurst)

– материал (часть туши животного) – блюдо (der Schinken);

– исходный продукт – изделие из него (die Molke);

– синекдоха (die Sülze).

по сходству внешних или внутренних признаков:

– по форме (der Weck, der Kloss);

– по консистенции (der Leverkäse, der Topfen);

– по месту нахождения (das Obers);

– по состоянию (das Eis);

– по качеству (der Schmant).

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать определённые выводы об истории материальной культуры немцев и об определённом фрагменте их языковой картины мира, связанной с названиями основных продуктов питания у германцев.

В названии хлеба запечатлелся этап знакомства германцев с кислым тестом, в названии молока (ставшего со временем обозначением сыворотки) отразился способ его получения путём доения, а в названии мяса – способ обработки убитого животного. В названии сала зафиксировано наблюдение над тем, как, нарастая, возникает жировой слой, а в названии колбасы способ её приготовления путём сворачивания. В названии масла отражена идентификация его с жиром, а в названии творога – его смешанная комковатая консистенция. Названия сливок отражают не только их местоположение на поверхности молока, но и их качество («нечто мягкое, гладкое, упругое»).

Все эти «отражения» лишний раз доказывают то, что язык – это зеркало души и истории народа.

Литература

1. ***Филатова А.С.*** Тематические группы русского языка в мотивационно-сопоставительном аспекте: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2004. 22 с.

2. ***Чижик Н.А.*** Мотивационно-сопоставительный аспект исследования предметно-бытовой лексики русского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2005. 22 с.

3. ***Duden.*** In 11 Bänden. B. 7. Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. 2, völlig neu bearb. und erweit. Aufl. 1989. 859 S.

4. ***Duden.*** In 11 Bänden. B. 5. Fremdwörterbuch. 5, neu bearb. und erweit. Aufl. 1990. 832 S.

5. ***Etymologisches*** Wörterbuch des Deutschen / Erarb. Im Zentralinst. Für Sprachwissenschaft, Berlin, under der Keitung von W. Pfeifer. 2. Aufl. München: DTV, 1995. 1665 S.

6. ***Fremdwörterbuch.*** Leipzig: Bibliographisches Inst., 1951. 688 S.

7. ***Kluge F.*** Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21, unveränderte Aufl. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1975. 920 S.

8. ***Kluge F.*** Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Bearb. von E. Seebold unter Mithilfe von M. Bürgisser und B. Gregor. 22, völlig neu bearb. Aufl. Berlin, New York: Walter der Gruyter, 1989. 822 S.

9. ***Lloyd A.L., Springer O.*** Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen. Göttingen: Vandenhoech & Ruprecht, 1998. B. 1: A bezzisto. 578 S.

10. ***Paul H.*** Deutsches Wörterbuch / Bearb. von A. Schimer. 8. Aufl. Halle: Niemeyer, 1961. 782 S.

11. ***Paul H.*** Deutsches Wörterbuch / Bearb. von H. Henne und G. Objartel unter Mitarbeit von H. Kämper-Jensen. 9, vollständig neu bearb. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1992. XXXIX+1130 S.

12. ***Pokorny J.*** Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern. A. Francke A.G. Verlag. 1954. Achte Lieferung.

ТРАДИЦИИ АНТИЧНОГО РОМАНА У Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (РОМАН «ИДИОТ»)

Р.Б. Щетинин
Томский государственный университет

В своём творчестве великий русский писатель Ф.М. Достоевский обращался к различным мировым культурам. В произведения писателя наряду с христианской традицией входит и античная, между ними возникает диалог. Связь с античной культурой нашла своё отражение и в жанровых особенностях романов Ф.М. Достоевского.

Целью нашего исследования является рассмотрение того, как в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» реализуются традиции античного романа Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел». Надо сказать, что на связь этих двух романов указывают многие современные исследователи, среди которых можно назвать Т.А. Касаткину и Г.С. Морсона [1].

Надо сказать, что популярность «Золотого осла» в эпоху поздней античности была очень велика, сохранялась она и в Средние века, когда сказке об Амуре и Психее было дано аллегорическое толкование. Этой популярностью объясняется и то обстоятельство, что до нас дошло сравнительно большое количество рукописей романа. Все они восходят к одной рукописи XI в., хранящейся в Медипейской библиотеке во Флоренции. В эпоху Возрождения роману уделяли большое внимание многие гуманисты, выпустившие ряд образцовых изданий, первое из которых появилось в Риме в 1469 г., и составившие комментарии, которые не утратили своего значения и до наших дней. Боккаччо использовал сюжеты некоторых вставных новелл Апулея в «Декамероне».

Уже в XVI в. появляются переводы «Золотого осла» на европейские языки. Особенную популярность имела сказка об Амуре и Психее: об этом свидетельствуют фрески Рафаэля на этот сюжет. Сказка подвергалась и многочисленным литературным переработкам; из них прежде всего следует назвать роман Ж. Лафонтена «Амур и Психея», а также незавершенную переработку К.М. Виланда.

В России роман Апулея «Золотой осел» был переведен еще в XVIII в. В 1780 г. вышла первая, а в следующем году вторая часть перевода Ермила Кострова, будущего переводчика «Илиады». Книга имела большой успех; возможно, что именно в этом переводе Пушкин «читал охотно Апулея».

Еще год спустя появилась «Душенька» Богдановича – стихотворное переложение «Сказки об Амуре и Психее». Таким образом, Ф.М. Дос-

тоевский, с интересом читавший произведения античных авторов, мог быть знаком с текстом романа Апулея.

Показательно, что в самом тексте романа «Идиот» есть отсылка на роман Апулея. Князь Мышкин во время первой встречи с семейством Епанчиных, рассказывая о своем первом впечатлении о Швейцарии, говорит: «Совершенно пробудился я от этого мрака, помню я, вечером, в Базеле, при въезде в Швейцарию, и меня разбудил крик осла на городском рынке. Осел ужасно поразил меня и необыкновенно почему-то мне понравился, а с тем вместе вдруг в моей голове как бы все прояснело» [2. С. 48]. За этим монологом князя Мышкина следует реплика генеральши Епанчиной: «Осел? Это странно, – заметила генеральша. – А впрочем, ничего нет странного, иная из нас в осла еще влюбится, – заметила она, гневливо посмотрев на смеявшихся девиц. – Это еще в мифологии было. Продолжайте, князь» [2. С. 48].

Комментируя это место в романе, Н.Н. Соломина пишет: «Имеются в виду сюжетные мотивы знаменитого произведения древнеримского писателя Апулея (ок. 135 – ок. 180) «Метаморфозы, или Золотой осел» и, может быть, также комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь»« [3. С. 432]. Это даёт нам некоторое основание говорить о том, что роман «Идиот» имеет очевидные точки соприкосновения с романом Апулея.

Наиболее ярко связь жанровых особенностей между этими двумя романами проявилась в том, что в них присутствуют вставные новеллы. Роман Апулея, как и европейские плутовские романы Нового времени, полон вставных рассказов, разнообразящих его содержание, увлекающих читателя и дающих широкую панораму современной автору жизни и культуры. В романе «Золотой осёл» таких новелл около шестнадцати.

В романе «Идиот» две больших вставных новеллы: первую рассказывает князь Мышкин (рассказ о Мари), вторую читает Ипполит («Моё необходимое объяснение»). Показательно, что, как и в романе Апулея, в романе Ф.М. Достоевского вставные новеллы напрямую связаны с основным сюжетом произведения.

Большинство вставных новелл, присутствующих в романе Апулея, имеют нравоучительное содержание. Так, например, в десятой книге изображается женщина, которая из ревности убивает сестру своего мужа, считая её своей соперницей, а затем врача, давшего ей яд, и своего мужа. Надо сказать, что в этой новелле присутствуют определённые переклички с романом «Идиот», в котором Рогожин убивает Настасью Филипповну из ревности и, кроме того, пытается убить и своего соперника – князя Мышкина.

Сюжет романа «Идиот» перекликается и с другой вставной новеллой из романа «Золотой осёл» о Харите, Тлеполеме и Тразилле. Эта новелла

занимает половину восьмой книги и изображает типичную для греческих романов ситуацию. Тразилл, имевший дурную славу, хочет жениться на Харите, но получает отказ, и девушка выходит замуж за Тлеполема. Негодующий Тразилл замышляет кровавое преступление и во время охоты на кабана убивает Тлеполема. После этого, хотя ещё не прошёл траур, Тразилл предлагает Харите стать его женой. Она, делая вид, что согласна, заманивает Тразилла к себе в спальню и ослепляет его, а затем кончает жизнь самоубийством на могиле своего мужа. Потрясённый этим Тразилл запирается в этой же гробнице, обрекая себя на голодную смерть. В этой новелле можно видеть множество сюжетных перекличек с романом Ф.М. Достоевского. К примеру, может быть проведена такая параллель: Рогожин (Тразилл) пытается убить князя Мышкина (Тлеполема), которого любит Харита (Настасья Филипповна). Интересно, что в этой новелле в качестве места убийства фигурирует топос спальни, как и в романе «Идиот».

Кроме вставных новелл, в роман Апулея входит большая сказка об Амуре и Психее. В ней изображен Амур, влюбившийся в смертную девушку, необычайную красавицу – царевну Психею. Эту сказку, которая занимает в романе более двух из одиннадцати книг (IV, 28 – VI, 24), рассказывает пленной девушке старуха. Сказка об Амуре и Психее служит параллелью к основному сюжету о злосчастной судьбе Луция, который пострадал от своего любопытства, был превращен в осла, после множества бед вернул себе человеческий облик и посвятил себя служению богине Изиде.

По поводу этой сказки И.П. Стрельникова пишет: «Вопрос об истолковании сказки имеет свою длинную историю, незавершившуюся до сих пор. Две крайние точки зрения сводятся к следующему: одна из них предлагает понимать апулеевскую сказку как платонический миф о скитаниях души, а вторая предлагает отбросить какие бы то ни было аллегорические или религиозные объяснения и понимать сказку такой, какая она есть, – просто как сказку о хорошей женщине» [4. С. 356].

Здесь необходимо заметить, что Апулей считал себя и действительно принадлежал к числу философов-платоников, и сказка об Амуре и Психее подтверждает это, лишний раз пересказывая идею Платона о скитаниях души. Но не только это делает ее совершенно незаменимой в романе; ведь и Луций, и Психея страдают от одного и того же – собственного любопытства – движущего стержня всей книги. Только, как указывает И.П. Стрельникова, «для Психеи – это апофеоз; для Луция – божественное посвящение. Общая для сказки и романа тема страдания и нравственного очищения через страдания сообщает этим, различным по тональности, частям произведения Апулея определенное идейное единство» [4. С. 356].

Сразу после появления «Золотого осла» было обращено внимание на символическую параллель между судьбой главного героя Луция и Психеи. Она так же, как и Луций, поплатилась за свое любопытство, вынуждена была пройти через тяжкие испытания и, наконец, обрела свое счастье. Психею интерпретировали даже как образ души Луция, прошедшей путь от тайных низменных страстей к любви, освященной богами.

Можно провести параллель между сказкой об Амуре и Психее и вставной новеллой о Мари в романе «Идиот». Историю о Мари рассказывает князь Мышкин в первой части романа, и она занимает всю 6 главу и также является важной для понимания общего содержания всего романа. Об этом, в частности, пишет Л.А. Левина в статье «Некающаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну» [5]. Она указывает на то, что свою «особенную любовь» к Мари князь Мышкин перенёс на Настасью Филипповну, отказывая себе в обычной любви к Аглае.

Важно, что вставная новелла об Амуре и Психее толковалась как аллегория пути человеческой души к Христу, оккультного посвящения и т.п. В то же время, на наш взгляд, роман Ф.М. Достоевского «Идиот» может толковаться как путь Рогожина к вере, т.е. к Христу.

Обе эти новеллы позволяют ввести в романы религиозно-мифологический подтекст. Так, сказка об Амуре и Психее может быть истолкована как путь человеческой души к Богу (христианское толкование), кроме этого она вводит в роман мифологический сюжет. На наш взгляд, таким же путём идёт и Достоевский. Рассказ о Мари позволяет ввести в роман мифологический пласт легенды о Марии Магдалине (здесь важно, что Настасья Филипповна, как и Мари, была соблазнена). Кроме этого, проводя параллели между главными действующими персонажами этих вставных новелл, где Мышкин – Амур, а Мари – Психея, можно сказать, что это сравнение вводит в роман тему пути Мари и через нее Настасьи Филипповны к Мышкину-Христу. Таким образом, данная вставная новелла развивает дальнейшую идею романа Князь-Христос. Стоит заметить и то, что образ Мари дается как бесплотный образ: «Мари была ее дочь, лет двадцати, слабая и худенькая; у ней давно начиналась чахотка, но она все ходила по домам в тяжелую работу наниматься поденно – полы мыла, белье, дворы обметала, скот убирала» [2. С. 58].

В заключение можно отметить, что роман Ф.М. Достоевского «Идиот», как и роман Апулея «Золотой осёл», строится с использованием концептуальных вставных новелл. Конечно, роман Ф.М. Достоевского гораздо сложнее античного романа, он только использует некоторые его жанровые особенности, наполняя их новым содержанием. Но эти особен-

ности были принципиально важны для античного романа и носили далеко не периферийный характер, поэтому рассмотрение их в структуре романа «Идиот» является важной задачей для понимания самой жанровой структуры романа Ф.М. Достоевского.

Литература

1. ***Роман*** Ф.М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения: Сб. работ отечественных и зарубежных ученых / Под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наследие, 2001. 560 с.

2. ***Достоевский Ф.М.*** Полное собрание сочинений: В 30 т. / Гл. ред. В.Г. Базанов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. Т. 8: Идиот. 509 с.

3. ***Достоевский Ф.М.*** Полное собрание сочинений: В 30 т. / Гл. ред. В.Г. Базанов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. Т. 9: Идиот (Рукописные редакции). Вечный муж. Наброски 1867–1870. 528 с.

4. ***Стрельникова И.П.*** «Метаморфозы» Апулея // Античный роман / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1969. С. 332–364.

5. ***Левина Л.*** Некающаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну // Достоевский в конце XX века: Сб. ст. / Сост. К.А. Степанян. М.: Классика плюс, 1996. С. 343–369.

6. ***Бахтин М.М.*** Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЖАНРА
(на материале официальных поздравлений)

Ю.А. Эмер
Томский государственный университет

Повышенное внимание в системе гуманитарного знания к человеку, его деятельности, в том числе и речевой, приводит к активному изучению речевых жанров в разных аспектах. Поскольку жанры являются «формой видения и осмысления действительности» [1], представляют «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [2], их описание позволяет выявить зафиксированную в языке специфику существования индивидуума, общества, национальной культуры в целом.

В настоящее время речевые жанры изучаются с позиций и лингвистики текста, и психолингвистики, и риторики, и когнитивистики. По мнению Т.В. Шмелевой, определяющей характеристикой современного подхода «является признание существования в речевом сознании «типового проекта», канона, схемы речевого жанра (РЖ), задача же исследователя состоит в том, чтобы это интуитивное представление эксплицировать в формулировках научной дефиниции, обозначив его как модель РЖ» [3]. Исследователи сосредоточивают внимание на когниотипе – фрейме, отражающем инвариантные ментально-лингвистические характеристики текстов определенной предметной области, выявляют вертикальные модели, которые обеспечивают цельность текста и т.п. (см. работы А.Г. Баранова и др.).

На материале поздравлений политиков и бизнесменов в региональных СМИ представим лингвокогнитивную модель вторичного жанра поздравления. Сегодня жанр поздравления активно используется и в бытовом дискурсе как первичный жанр (по определению М.М. Бахтина), и в политическом, рекламном и других дискурсах как жанр вторичный, эстетически обработанный. При общности целей, структуры бытового и «небытового» поздравления, политические, коммерческие, рекламные дискурсивные особенности во многом определяют и специфику когнитивной модели, и особенности ее языкового воплощения.

Жанр поздравления традиционно относится к малым по объему жанрам. В нем фатическая функция преобладает над информативной. В суперструктуре жанра можно выделить композиционную, тематическую, семиотическую, языковую и др. составляющие. Охарактеризуем некоторые из них подробно.

Устойчивая композиционная структура исследуемого жанра состоит из обязательных и факультативных элементов. К числу обязательных элементов относятся следующие:

1. Обращение: (*Милые женщины, дорогие коллеги, дорогие томичи и др.*). Отметим, что в редких случаях поздравление не содержит обращения, *(Поздравляем прекрасных женщин с праздником 8 марта!);*

2. Поздравление: (*Сердечно поздравляем вас с теплом, с надеждой, с первыми весенними цветами, с весенним праздником – 8 марта!;*

3. Пожелание (*В новом году хочу пожелать всем добра, тепла, радости от общения с близкими и любимыми людьми...*);

4. Адресант *(управл. Томским филиалом АКБ «Промсвязьбанк, С.А. Сахаров).*

Факультативными являются:

1. Характеристика праздника: *(9 мая по праву относится к самым величественным страницам нашей истории...)*;

2. Благодарность адресату *(Спасибо вам за мудрость и терпение, красоту и любовь...).* Данная составляющая жанра является факультативной, при этом отметим, регулярность ее реализации во многом зависит от темы поздравления. Так, в поздравлениях с 9 мая, Днем старшего поколения этот элемент переходит в разряд обязательных;

3. Характеристика адресата: (*Женщина – основа мира. Но прежде всего, она – возлюбленная, верный друг и коллега, мать и хранительница семейного очага...; Вы прошли очень сложный и славный ратный и трудовой путь, много сил отдали ради сегодняшнего благополучия детей и внуков*).

Анализ материала показал, что в лингвокогнитивной модели поздравления реализуется фрейм «праздник», который определяет набор элементов, а также правила их последовательности в употреблении. Названный фрейм обусловливает не только композиционную структуру, но в первую очередь набор слотов, которые будут реализованы в каждом конкретном случае. Обратимся к анализу поздравлений, посвященных празднику 8 марта.

В сознании каждого россиянина есть представление о празднике, в котором актуальными оказываются следующие составляющие: конкретная дата, связанная с историческими событиями (например, 9 Мая); время года, когда празднуется праздник (Новый год, 8 марта); адресат (23 февраля, День старшего поколения и др.).

Любую из этих составляющих мы можем рассмотреть как сценарий, отдельные элементы которого реализуются в разных текстах поздравления. Отметим, что фрейм «праздник 8 Марта» в поздравлении сворачивается до реализации двух главных составляющих: характеристики адреса-

та и характеристики праздника. Подобная тенденция наблюдается и в поздравлениях с Новым годом, 23 февраля и другими праздниками.

8 марта – Международный женский день – отмечается в нашей стране с начала XX в. Актуальными в сознании адресанта категориями этого праздника являются время года, адресат. Представления об этих составляющих проявляются в разных композиционных частях жанра. Так, достаточно часто в текстах, в «действии поздравления», в характеристике праздника реализуются следующие слоты: ***первым весенним праздником, самым теплым и радостным весенним праздником, праздником весны и красоты и др.)***. Историческая составляющая праздника актуализируется в единичных случаях – при наименовании праздника – ***Международный женский день***.

Адресатом поздравления в данном случае является женщина. В поздравлении актуализируются следующие характеристики адресата: а) положение в семье: *мама, жена, сестра…*; б) функции в семье: *хранительницы семейного очага…;* в) черты характера: *терпеливые, заботливые, добрые*; г) внешние характеристики: *красивые, очаровательные…*; д) личностные характеристики: *талантливы*, е) роль в истории: *музы, вдохновляющие на подвиги*; ж) общественная роль: *коллеги, верные друзья, берущие на себя большую часть работы.*

Перечисленные выше характеристики адресата поздравления «женщины», реализованные в тексте, позволяют говорить о фиксации в тексте национально-культурных, в том числе и гендерных стереотипов.

Стереотипы играют существенную роль при воздействии на сознание адресата, на внутреннюю готовность человека воспринимать действительность, оценивать ее, определяют выбор индивидуумом тех или иных действий. Если первичный жанр поздравления отражает коллективные стереотипы (коллективное сознание достаточно стереотипно), то вторичный жанр поздравления, как жанр сознательного воздействия на индивидуума, и отражает, и опирается на действующие стереотипы. Так, женщина в поздравлениях с 8 Марта традиционно предстает как мать, жена. В настоящее время в связи с изменениями, происходящими в общественной жизни страны, образ женщины трансформируется. Она предстает как личность, занимающаяся активную, часто маскулинизированную позицию, что отражается и в текстах поздравлений.

Заметим, что использование «новых» стереотипов отличает тексты Главы Администрации Томской области, благодаря чему создается образ политика, динамичного развивающегося, современного. С другой стороны, отражение изменения взгляда на роль женщины в обществе во мно-

гом обусловлено и дискурсивными особенностями «политического» поздравления.

При всей общности суперструктуры вторичного исследуемого жанра, отличия в семиотике и языковом оформлении поздравления, как уже отмечалось выше, во многом мотивированы особенностями дискурсов. Так, поздравления политиков является жанром политического дискурса. Это один из видов политического текста (деятельности), направленного на привлечение сторонников, закрепление результатов, пропаганду взглядов, идей партии (*Уважаемые ветераны войны и труда, представители старшего поколения!* ***От имени Российской либерально-демократической партии*** *сердечно поздравляю вас с днем старшего поколения!* ***ЛДПР свято ценит*** *Родину и ее оплот, первый эшелон – наших дорогих стариков...* ***ЛДПР всегда стояла и стоит*** *за справедливость и порядок, за благополучие народа...* (Поздравление А. Диденко, координатора Томского регионального отделения ЛДПР)).

В поздравлениях бизнесменов проявляются черты рекламного дискурса. В первую очередь поздравление выступает как инструмент маркетинговой коммуникации, способствующий продвижению и сбыту товаров и услуг. Чаще всего это проявляется в оформлении поздравления: обязательный логотип организации и т.д., но в некоторых случаях воплощается и вербально (*Пусть наступающий 2006 год будет радостным и ярким. А о том, чтобы ваша жизнь всегда была наполнена светом,* ***позаботятся профессионалы «Томскгорсвета»!*** (Поздравление директора УПМ «Томскгорсвет» Н. Чаринцева)).

Главное отличие вторичного жанра «поздравление», на наш взгляд, заключается в определенной жесткости жанровых форм, обязательности воплощения определенных слотов фрейма, их языковом воплощении, что во многом обусловлено дискурсивными особенностями политической, коммерческой среды.

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-04-64404 а/Т.

Литература

1. ***Бахтин М.М.*** Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 250.

2. ***Дементьев В.В., Седов К.Ф.*** Социопрагматический аспект теории речевых жанров. 1998. С. 6.

3. ***Шмелева Т.В.*** Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 90.

АЛГОРИТМ ОПИСАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ю Кон-Сю
Томский политехнический университет

В учебниках по корейскому и японскому языкам недостаточно полно освещаются вопросы о спряжении глаголов и структуре грамматических конструкций (ГК). Рассматриваемые нами корейский и японский языки возникли в древности на базе наречий алтайских кочевников. А становление многочисленных национальных языков данного семейства в новую эру явно шло в направлении: материк → корейский полуостров → японские острова.

Оказалось, что наклонение и построение ГК алтайских языков (тюркских, монгольских и тунгусских) в большинстве случаев многовариантны (до 3–5 вариантов) и определяются различными второстепенными факторами.

Естественно, в корейском языке склонение имен, наклонение, спряжение глаголов и строй ГК несут родимые пятна алтайских языков: в каждом конкретном случае определяющими становится один или два из доминирующих вариантов, ранее присутствовавших в алтайском семействе. В корейском языке второй вариант склонения имен и спряжения глаголов строго оговорен и чаще представляет собой один наиболее характерный случай для алтайского семейства.

Японский язык представляет как бы вершину этой гигантской пирамиды алтайского семейства языков. И в морфологическом плане как склонение имен, так и *наклонение, спряжение глаголов (следовательно, и структура ГК)* предельно конкретны. С большой долей вероятности можно утверждать, что основание этой пирамиды составляют многочисленные уральские и алтайские группы языков. Результатом многовекового процесса упрощения и обобщения языков, распространенных на этом гигантском ареале, выступают (в хронологическом порядке) корейский (по строю окончаний ГК чаще двухвариантный) и, наконец, японский язык (в основном одновариантный при различных изменениях).

Вместе с тем, во всех учебниках и учебных пособиях по корейскому и японскому языкам (изданных как в РФ [1], так и в самой Японии [2]) при подобной же однозначности изменений знаменательных слов вовсе не приведено подробного описания окончаний и ГК.

А студентам (изучающим японский и корейский языки как первый или второй иностранный) просто необходимо иметь наглядные описания

окончаний ГК, тем более в двух указанных восточных языках во всех случаев окончания ГК строго регламентированы.

Таким образом, наша работа будет представлять и элементы еще не разработанного до конца машинного перевода.

2. Следует отметить, что проблема изучения строя и структуры ГК японского языка остро стоит не только в РФ и СНГ, потому целесообразно давать японское произношение и латинским шрифтом для более широкого распространения наших принципов.

Далее для успеха потребуется весьма детальная классификация глаголов.

Такое детальное разбиение всех глаголов на классы и подклассы по аналогии с тунгусскими языками [3] (из алтайского семейства) проведено в одной из наших работ [4].

В японском языке у глаголов 1-го класса основы в исходной форме (в настоящем-будущем времени НБВ) оканчиваются на открытые слоги, а у глаголов 2 класса – на закрытые слоги (табл. 1).

Таблица 1

Классы глаголов	Подклассы	Основы глаголов	
		Корень	Суфф. НБВ
1 Открытые основы		KA	Ø
2 Закрытые основы	2 (B)	TABE	(R)
	2 M	NO	M
	2 S	DA	S
	И так далее	. . .	. . .

Например, у корня глагола 1 класса *купить* – **KA** показатель суффикса НБВ нулевой Ø. Везде для наглядности в конце опущено окончание НБВ U.

Основы 2-го класса в исходной форме оканчиваются на суффикс настоящего-будущего времени (НБВ).

И глаголы 2-го класса делятся в зависимости от знака того же суффикса НБВ на подклассы 2 (R); 2R; 2T; 2B; 2M; 2N; 2K; 2G; 2S. Здесь скобка 2 (R) означает, что ее содержимое исчезает при некоторых спряжениях (когда в одном месте встречаются ***две скобки***) согласно *правилу двух скобок*, введенному автором данной работы [4].

К глаголам 3 класса относим собственно неправильные глаголы, оканчивающиеся на -SURU. Надо отметить, что в японском языке все глаголы 3 класса изменяются вполне упорядоченно.

Истинно неправильных глаголов в японском языке всего несколько, в том числе *идти* ИКУ, *прийти* КУРУ, *отдавать (кому)* ЯРУ, *давать (мне)* КУРЭРУ.

Предварительно введем и уточним обозначения и составные части ГК.

b … binding простая **связка**, или связующий (глагол с ГК).

f … a suffix of the present-futue time **суффикс** НБВ.

n … noun имя существительное.

p… a suffix of the past time **суффикс** прошедшего времени: TT, T, ND, IT.

v …a root of the verb **корень** глагола.

g ядро грамматической конструкции ГК (его может и не быть).

Окончание НБВ всегда ..... – U (константа).

Окончание прошедшего времени ПВ ..... – A (константа).

Заметим, что малыми латинскими буквами обозначены переменные, а константы – заглавными, как принято в математике и физике.

Основная идея нашего подхода состоит в том, что в большинстве случаев готовая фраза представляет собой суперпозицию вида

(v корня глаголов + суффикс f или p) + (b связка + g ядро ГК).

Иными словами, готовая фраза есть собственно суперпозиция специально оформленных основ глаголов (они могут иметь и круглую скобку) с ГК.

В качестве примера опишем структуру придаточного предложения определительного *который*….

Для определенности ниже приводим примеры применения глагола подкласса типа 2 (R) *есть*, *кушать* во временах НБВ и ПВ с грамматической конструкцией ГК *который* (табл. 1, 2).

Предположим, что искомые обороты ГК значится под номерами № 47 и 48 в гипотетической сводке грамматических конструкций ГК.

№ 47	Студенты, которые едят дома, …	v	f	U	n
		TABE	*(R)*	*U*	*GAKUSEI*

По приведенным обозначениям (переменным и константам) v, f, U, n и по классификации глаголов студенты воссоздают требуемую фразу. Последняя дана *курсивом*.

Здесь круглая скобка встречается не дважды, а лишь один раз. Значит, ею можно пренебрегать (согласно правилу двух скобок).

То же имеем в прошедшем времени ПВ.

№ 48	Студенты, которые ели дома, …	v	p	A	n

Согласно расшифровке алгоритм ГК выражен в математических записях v f U n, v p A n.

Мы считаем, что сводки ГК подобного типа будут встречены с пониманием изучающими японский и корейский языки.

Литература

1. ***Прядхина Л.В., Колесник А.А.*** Очерки грамматики японского языка. М.: Муравей, 2002. 168 с.
2. ***Икэда М.*** Грамматика японского языка. М.: ИЛ, 2003.
3. ***Суник О.П.*** Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.: Изд. АН СССР, 1962. 363 с.
4. ***Ю Кон-Сю, Скоркина Д.Г., Скоркина Е.С.*** Классификация глаголов по классам в японском языке // Сб. матер. 17-й научной конф. «Язык и культура». Томск: ТГУ, 2004.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В ПИСЬМЕННОРЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОГО КОЛЛЕКТИВА

(на примере функционирования запятой в конспектах Томских студентов)

Л.И. Ярица
Томский Политехнический университет
Институт Международного образования

В последние годы в работах по языкознанию придается достаточно большое значение необходимости изучения функционирования знаков препинания в современных текстах (Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева, О.В. Тискова, Н.В. Майзенгер, Е.М. Хакимова и др.). В работах вышеуказанных авторов рассматривается позиционно-содержательная значимость знаков препинания в современном английском языке [1]; изучается проблема влияния пунктуации на письменноречевые коммуникативные процессы (на материале интерпретации читающим письменных текстов) [2]; изучается ортологическое преломление основных принципов русской орфографии и пунктуации в практике письменной речи (на примере восприятия стихотворений В.В. Маяковского) [3], подробно рассматриваются письменные нормы и нарушения норм [4]. Следовательно, функционирование пунктуации изучалось как соблюдение или несоблюдение языковых норм. В работах исследователей изучаются особенности речевого коллектива, однако письменноречевая деятельность и пунктуация конкретного языкового коллектива не становилась предметом рассмотрения исследователей языка. Использование пунктуации в письменной речи языкового коллектива нуждается в изучении, необходимо также уделить внимание текстопорождающей деятельности коллектива.

Цель данной статьи – показать, как используются некоторые знаки препинания (с учетом понятий факультативной, авторской пунктуации) в текстопорождающей деятельности языкового коллектива. На фоне наблюдений над пунктуационной практикой в последнее время в лингвистике наметилась тенденция коммуникативного понимания роли пунктуации (возможность подчеркивания в письменном тексте с помощью знаков препинания коммуникативной значимости слова или группы слов).

В современной лингвистике активно развивается изучение пунктуации в функциональном плане. Вышеуказанное направление предполагает выявление закономерностей употребления знаков препинания с учётом

их функционирования в реальных текстах [5. С. 407]. Таким образом, исследование функционирования русской пунктуации в практике языкового коллектива (по текстам, сформированным в пределах одного языкового коллектива) является актуальной задачей на пути исследования функционального аспекта пунктуации в целом.

Предметом нашего рассмотрения является употребление знаков препинания в современной пунктуационной практике (в конспектах студентов томских вузов).

Известно, что синтаксис и пунктуация отличаются небольшой восприимчивостью к внешним влияниям и медленной изменяемостью [6. С. 182].

Современная русская пунктуация, как определенный этап в её становлении, представляет собой, с одной стороны, функциональную систему, достаточно устойчивую и стабильную, а с другой, – систему гибкую, нежесткую, способную адекватно отражать «движение мысли» и стилистические нюансы [6. С. 239].

Важной особенностью современной пунктуации, сложившейся в ходе исторического развития, является её системность [7. С. 6]. Системный характер пунктуации может быть понят при функциональном и позиционном подходе к пунктуационным знакам. Функциональный (телеологический) подход ставит во главу угла *назначение знаков препинания, цель их применения* (выделено нами. – *Л.Я.*) в тех сферах, где они используются. В последние годы в языкознании появились работы, в которых заявлялась необходимость изучения функционирования знаков препинания в современных текстах [1–4, 8–9].

Для анализа пунктуационной практики коллектива необходимо опираться на определенные положения пунктуационной теории. Наиболее существенным нам представляется факультативность.

Особенностью русской пунктуации является многофункциональность знаков препинания (использование одного и того же знака с различным назначением) и синонимия знаков препинания (использование разных знаков для одной и той же цели). Оба эти обстоятельства позволяют в условиях контекста производить оптимальный выбор знаков, создают возможность факультативного их использования. Но абсолютно синонимичных знаков препинания не бывает, выбирая тот или иной вариант, автор находит в нем преимущества смыслового, стилистического, интонационного характера [6, 10, 11].

В последних исследованиях пунктуационные правила, действующие в современном русском письме, по большей части факультативны [10. С. 36]. Такое утверждение имеет веское основание, так как знаки препи-

нания часто «выбираются» в зависимости от конкретных задач организации содержательной, а подчас даже эмоциональной и стилистической стороны текста, т.е. знаки могут варьироваться при изменении этих задач, и, значит, пишущий свободен в их применении. Как видим, в работах ученых последних лет нет четкого различия авторской и факультативной пунктуации.

Термин «факультативные знаки» содержательно полярен термину «обязательные знаки». Говоря о факультативности и обязательности применительно к действию принципов пунктуации, мы должны признать [10], что знаки «грамматические» (= фиксирующие структурное членение речи) должны быть обязательными, а «смысловые» и «интонационные» – факультативными, поскольку они индивидуализированы авторским употреблением. Однако и «грамматические» знаки не всегда жестко обязательны, ибо структурное членение предложения в тексте так же, как и смысловое и интонационное, подчинено воле пишущего.

Решение задачи «наибольшего воздействия на читателя» путем выбора оптимального для каждого отдельного случая варианта осуществляется именно благодаря факультативности нашей пунктуации (в лучшем смысле этого слова!).

При анализе же пунктуации связного текста проблема факультативности, как правило, не стоит, поскольку выбор знаков основывается на конкретных смысловых связях ряда синтаксических построений, объединенных единством мысли, общей эмоционально-экспрессивной направленностью, авторским стремлением передать смысл написанного таким, каким он представляется им самим.

При таком понимании функционирования пунктуации учитывается разное понимание контекста: контекста ситуации (широкий контекст), контекста как отрезка текста (в обычном понимании слова), контекста предложения (малый контекст). В некоторых исследованиях [10. С. 44] предлагается вышеперечисленные случаи так называемого факультативного употребления знаков препинания назвать контекстуальным употреблением, а сами знаки – контекстуальными (а не факультативными).

Отдельные пунктограммы авторской пунктуации так же, как, например, лексические и синтаксические средства языка, способны наряду с основным своим значением иметь значения дополнительные, стилистически значимые.

Индивидуальность в применении знаков препинания, по мнению исследователей [11. С. 103], может проявляться и в расширении границ их употребления, и в усилении их функциональных свойств. Комбинация знаков препинания или нарочитое повторении одного из знаков могут

быть чисто авторскими и подчас являть собой пример, найденный писателем для передачи особого состояния лирического героя (речь идет о художественной литературе). Если пунктуация включается в систему литературных приемов, помогающих вскрыть сущность поэтической мысли и создаваемого с ее помощью образа, она становится мощным стилистическим средством.

Однако авторская пунктуация не исчерпывается описанными случаями контекстуального употребления. В последних исследованиях говорится, что есть такие знаки, постановка которых вызывается не столько требованием контекстов (когда знаки подчинены содержательной стороне), сколько ярко выраженным пристрастием автора к определенным приемам [10]. Известно, что у многих авторов знаки бывают излюбленными, как, например, тире у М. Горького, точка у И. Бабеля, тире у М. Цветаевой и т.д. Такие знаки (они считаются исследователями факультативными в «самом прямом значении слова») передают только эмоциональный строй речи, соответствующий данной индивидуальности; знаки «служат созданию экспрессии – способствуют динамичности речевого потока, либо, наоборот, плавности его протекания» [10. С. 45]. Такие знаки не фиксируют смыслового членения речи, не затрагивают грамматических и смысловых связей между словами, не уточняют структуры предложения в связи с заданным смыслом. Они несут чисто стилистическую функцию, и это свойственно художественным произведениям.

Такие знаки не регламентируются правилами, они всецело принадлежат авторской индивидуальности и являются мощным стилистическим средством. Индивидуальность заключается не в нарушении пунктуационной системы, а в расширении и обогащении практики её применения: знаки в этом случае помогают читателю постичь глубину мыслей и чувств пишущего. Индивидуализированная пунктуация, несущая в себе лишь заряд экспрессивности и не связанная с семантико-синтаксическим членением речи, факультативна и значима стилистически, она способна усилить художественную выразительность письменного текста.

Знаки препинания, в современном их применении, являются совокупностью обозначений, внутренне связанных устойчивыми, осмысленными отношениями, закономерно проявляющимися на письме. Системность применительно к пунктуации – это качество, обнаруживающее себя в двоякой значимости пунктуации: *пунктуация от пишущего* (направленность от смысла к знакам) и *пунктуация для читающего* (направленность от знака к смыслу). Пишущий идет от смысла к членению (порождаемого им) текста с целью передачи первого; читающий идет через членение (чужого, данного ему готовым) текста к синтезирова-

нию скрытого за ним смысла. Если между пишущим и читающим через знаки налаживается контакт, т.е. восприятие оказывается адекватным написанному, это означает, что пишущий и читающий пользуются одним кодом, и, следовательно, пунктуация функционально и социально значима и набор знаков в тексте системно организован и соответствует общепринятым канонам. По-видимому, возможен еще один, третий, подход, совмещающий обе названные точки зрения: подход редактора текста как посредника между пишущим и читающим. В нашей работе мы старались последовательно проводить точку зрения *пунктуация от пишущего и для пишущего* (для себя).

Для достижения поставленной цели осуществлен эксперимент, в ходе которого методом сплошной выборки просматривались конспекты студентов томских вузов, выписывались и анализировались предложения, в которых имелись знаки препинания. Затем авторам конспектов предлагалось объяснить наличие или отсутствие какого-либо знака препинания для того, чтобы выяснить, какие знаки препинания используют информанты и насколько они знают правила их употребления.

Были исследованы конспекты студентов политехнического, государственного университетов, университета систем управления, опрошено 50 информантов, получено около 500 реакций, что позволяет сделать некоторые выводы о современной пунктуационной практике в текстах современного языкового коллектива. В данной статье представлены наиболее типичные случаи употребления знаков препинания в конспектах.

В текстах томских студентов в основном соблюдаются нормы постановки знаков препинания в конце предложения. Только в конспекте одного студента знаки препинания отсутствовали совсем. В этом конспекте каждое предложение информант писал с новой строки как отдельную, заслуживающую внимания мысль. Объяснение простое: конспект составляется для одного человека (для себя), а ему и так понятно, что он написал.

Некоторые особенности употребления точки. По частотности употребления в качестве знака конца предложения в рассматриваемых конспектах точка стоит на первом месте. Это совпадает с мнением о том, что точка стала употребляться активнее [11. С. 105]. Для изучения знаков препинания целесообразно перечислить их основные функции.

Общая функция знака препинания

1. Характеристика процесса членения текста, а именно:
2а. Объект членения;

2б. Результат членения.

2. Собственно частная функция знака препинания:

3а. Грамматическая;

3б. Смысловая.

Функции запятой

1. Общие функции знака препинания – разделение (и связь) слов, словосочетаний, частей сложного предложения.

2. Объект членения – предложение (простое, сложное).

2а. Результат членения – элементы простого предложения, части сложного предложения.

3. Позиция употребления знака – середина (в составе) предложения.

Частная грамматическая функция запятой – указание на следование далее равноправных и однородных членов предложения и сочиненных предложений в составе сложного.

Запятая является немаркированным продуктивным знаком препинания; употребляется для членения элементов простого предложения; для членения частей сложного предложения; графически соотнесена с парными знаками [7. С. 24–27].

Запятую относят к отделяющим знакам препинания [6. С. 55]. По классификации Б.С. Шварцкопфа, этот знак относится к разделительным знакам середины предложения.

В рассматриваемом материале одиночная запятая всегда стоит между синтаксически равнозначными частями текста или равнозначными по синтаксической функции словами: она выполняет отделяющую функцию в сложном предложении или в простом с однородными членами.

- *Экономическая теория – это наука о том, как общество использует ограниченные ресурсы для производства полезных продуктов и распределяет их среди различных групп людей.*

Запятая поставлена в соответствии с правилами, отделяет части сложноподчиненного предложения.

- *Задачи курса: изучение теоретических основ и овладение методами и средствами воздействия на экономику предприятия с целью повышения экономической эффективности производства, обеспечения максимальной прибыли при минимальных затратах общественного труда.*
- *В микрочасти объектом изучения являются закономерности межтренового движения товаров, услуг и факторов производства.*

Запятая поставлена в соответствии с правилами расстановки знаков препинания при однородных членах предложения, не соединенных союзами.

• *При этом экономика предприятия рассматривает как внутренние механизмы достижения цели предприятия, так и процессы взаимодействия предприятия с окружающей конкурентной средой.*

Знаки препинания в предложении с однородными членами, запятая в соответствии с правилами стоит перед второй частью сочинительного союза.

• *Мобильность факторов производства значительно ниже, чем в рамках национального государства.*

Запятая в простом предложении перед союзом *чем* поставлена в соответствии с правилами.

• *...естественный барьер – размер транспортных издержек: чем выше объём транспортных издержек в общей сумме издержек производства, тем вероятнее его неторгуемость;*

В соответствии с правилами запятая поставлена перед второй частью сочинительного союза *чем – тем.*

• *Мировая экономика – это часть теории рыночной экономики, изучающая взаимодействие хозяйствующих субъектов разной государственной принадлежности в сфере обмена товарами, услугами, факторами производства и в сфере разработки международной экономической политики.*

Знаки препинания поставлены в соответствии с правилами (первая запятая отделяет обособленное определение, выраженное причастным оборотом, стоящим после определяемого слова, вторая и третья запятые поставлены между однородными членами предложения *товарами, услугами, факторами*).

• *Субъекты мировой экономики – на микроуровне – мелкие и средние предприятия и физические лица, осуществляющие внешнеэкономическую деятельность; на макроуровне – национальные государства, крупные города, интеграционные объединения стран.*

Знаки препинания поставлены в соответствии с правилами. Наряду с другими знаками препинания первая запятая отделяет причастный оборот после определяемого слова (*лица, осуществляющие внешнеэкономическую деятельность*), вторая и третья запятые находятся между однородными членами предложения (*государства, города, объединения*).

• *Мировая цена – это цена экспортно-импортных сделок, заключаемых на мировых товарных рынках.*

Запятая отделяет обособленное определение, выраженное причастным оборотом, стоящим после определяемого слова. Студент показал достаточно твердое знание данного пунктуационного правила.

Примеры позволяют сделать вывод, во-первых о достаточной твердости усвоения правил расстановки пунктуационных знаков при однородных

членах предложения, а также в сложных предложениях, во-вторых, о сложившейся системе знаков препинания в конспектах студентов вузов. Система эта в последние годы упрощается, но остается достаточно строгой.

Наблюдаются случаи постановки лишней запятой.

- *Такие цвета, называются плашечными.*

Постановку этого знака студент объяснить не может. Есть основания думать, что в данном случае студент отразил тема – рематическое членение предложение.

- *Возникает дефицит государственного бюджета, когда доходы государства, меньше государственных расходов.*

Запятая перед прилагательным в сравнительной степени – типичная и часто встречающаяся ошибка: запятая перед словом «меньше» ставится, хотя по правилам ее нужно ставить после этого слова, ибо дальше часто следует союз «чем».

Встречаются случаи нарушения постановки запятой, например, иногда запятая ставится в конце предложения, на том месте, где должна быть точка или другой знак конца предложения:

- *Социальная структура:*
- *великий князь: Киев – Новгородский*
- *бояре (аристократы)*
- *дружинники – гридни*
- *смерды – свободные крестьяне,*

Постановку двоеточия студентка объяснила («уточнение»), а вот отсутствию запятых между однородными членами предложения и употреблению запятой вместо точки не придала значения.

Иногда встречаются случаи нарушения правил постановки знаков препинания, например, отсутствие запятой между однородными членами предложения.

- *Международная специализация – 2 направления:*

1. *производственное;*
2. *территориальное.*

Объяснение в этом случае простое: нет времени на лекции, но каждый пункт плана писал с новой строки, следовательно, и так понятно, что речь идет о равнозначных понятиях.

По мнению исследователей, изменения, которые произошли и постоянно происходят в пунктуации, касаются не только сужения или расширения функционального значения отдельных знаков, но и появления новых значений или утраты старых.

Современную пунктуацию отличает не столько качественное изменение знаков препинания, нормы их употребления (хотя и это безусловно

есть), сколько новые общие тенденции пунктуационного оформления письменного текста, прямо отражающие синтаксические преобразования современного языка, которые проявляются, в частности, в активизации экспрессивных конструкций, в динамической ритмизации письменной речи в целом [10. С. 409].

В конспектах томских студентов имеются случаи соответствия правилам и отклонения от общепринятых правил, которые можно объяснить не только поспешностью во время лекции, но и изменениями в правилах, которыми реально руководствуются студенты в случае употребления некоторых знаков препинания. Это позволяет говорить, что при составлении конспектов студенты используют свои правила расстановки знаков препинания, что делает целесообразным изучение этой пунктуации, ее параметров, устойчивых и неустойчивых элементов ее системы. Правила, которыми пользуются студенты, по-разному соотносятся с общепринятыми пунктуационными правилами. Исследуемый материал показал, что в одних случаях знаки препинания расширяют свои функции, иногда сужают, употребление некоторых знаков препинания требует дальнейшего осмысления. Изучение употребления знаков препинания в конспектах томских студентов представляется важным и перспективным.

Литература

1. ***Майзенгер Н.В.*** Позиционно-содержательная и прагматическая значимость знаков препинания в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.

2. ***Тискова О.В.*** Проблема влияния пунктуации на письменноречевые коммуникативные процессы (на материале интерпретации читающим письменных текстов): Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.

3. ***Хакимова Е.М.*** Ортологическое преломление основных принципов русской орфографии и пунктуации и практика письменной речи // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. 3. Барнаул, 2004. С. 191–200.

4. ***Жукова А.Г.*** Ортология в теоретическом и прикладном аспекте: Дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.

5. ***Языкознание.*** Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.

6. ***Валгина Н.С.*** Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003.

7. ***Шварцкопф Б.С.*** Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988.

8. ***Голев Н.Д.*** Антиномии русской орфографии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997.

9. ***Лебедева Н.Б.*** Некоторые аспекты исследования естественной письменной русской речи // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 267–376.

10. ***Валгина Н.С.*** Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 2003.

11. ***Валгина Н.С.*** Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М.: Высшая школа, 2004.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО КОНЦЕПТА «НЕБЫВАЛОЕ» В ЛИРИКЕ З. ГИППИУС

Т.Е. Яцуга
Томский политехнический университет

Поэтическая картина мира (далее ПКМ), как и любая индивидуальная картина мира, является «частью коллективной, национальной, связана с ней системой национального языка, но одновременно личностно ограничена, личностно осмыслена и личностно окрашена» (Шестак, 2003. С. 21). В то же время поэтические картины мира со временем частично обогащают национальные картины мира, «номинативные находки» (Шестак, 2003. С. 29) художников усваиваются читателями. *Художественный концепт* является единицей ПКМ автора, отраженной в тексте, «характеризуется эстетической сущностью и образными средствами выражения, обусловленными творческим замыслом создателя» (Болотнова, 2005. С. 7).

Проблема вербализации индивидуального авторского концепта в художественной речи, связанной с установкой на «семантическую и знаковую новизну» (Б.А. Ларин), решается в зависимости от особенностей авторского мышления, от выбора приоритетных для данного поэта способов эстетического преображения действительности (приверженность к определенным поэтическим приёмам). Как отмечает И.А. Стернин, «в художественном тексте могут репрезентироваться и такие индивидуально-авторские концепты, для которых нет обозначения в национальном языке» (Попова, Стернин, 2002. С. 223). Исследователем выявлено несколько способов репрезентации подобных когнитивных единиц: 1) описательный; 2) введение индивидуально-авторского неологизма; 3) посредством метафоры [5. С. 222–223]. В данной научной работе рассматриваются особенности репрезентации индивидуально-авторского концепта, отражающие уникальность мышления языковой личности поэта и функционирующего на уровне концептосферы художественного текста.

Авторское новообразование З. Гиппиус (концепт «небывалое») значимо и в постижении идеи отдельных художественных текстов поэта, и в выявлении особенностей его поэтической картины мира, в которой данный концепт является одним из ключевых.

В концептосфере поэта ключевой может стать любая лексема (ср. концепт «небывалое»), получившая уникальное ассоциативное наполнение в художественных текстах автора. Для большинства ключевых концептов поэтической концептосферы З. Гиппиус («огонь», «слово», «бо-

жественное», «время», «пространство») характерно разнообразие лексических репрезентантов, частота их словоупотреблений в текстах поэта и детерминированность относительно других концептов-доминант. Вместе с тем в результате исследования поэтических текстов автора выявлено, что ключевым статусом могут обладать индивидуально-авторские концепты, не отвечающие данным критериям, актуализированные имплицитно в лексической структуре поэтических текстов З. Гиппиус («небывалое», «несказанное слово»).

Концепт «небывалое» связан с базовой идеей лирики поэта – идеей невыразимости мира, которая занимает центральное положение в эстетике символизма и, соответственно, в творчестве З. Гиппиус. Невозможность найти адекватное языковое воплощение «новому знанию», приобретённому поэтом в результате мистического опыта, порождает ощущение неэффективности прежних поэтических средств, необходимых для творческого диалога автора и читателя, и приводит к эксперименту, поиску новых форм их взаимодействия в процессе художественной коммуникации. В связи с тем, что в представлении З. Гиппиус некоторые явления окружающей действительности не поддаются прямой номинации, в своих поэтических текстах необычные парадоксальные образы автор вербализует косвенно.

Межтекстовое ассоциативно-смысловое поле концепта ***«небывалое»*** имеет сложную и разветвлённую сеть ассоциатов и разнообразные способы экспликации в художественном тексте. В Словаре частотности лирики З. Гиппиус отмечено 5 словоупотреблений номинанта концепта в поэзии автора. Концепт «небывалое» впервые вербализуется в ранней лирике З. Гиппиус (см. стихотворение «Песня»: «*О, пусть будет то, чего **не бывает***», «*Мне нужно то, чего нет на свете*»). Данная лексема может быть как положительно маркированным элементов лексической структуры текста («*А на поле цветы **небывалые** / И называется поле нетово*») (актуальный смысл лексемы небывалые – *фантастические*); «*Какие тяжёлые волны курения, / Какие цветы **небывалой** весны, / Какие молитвы, какие служения... / Какие живые, великие сны!*»), так и отрицательным (ср. синтагматический ассоциат *позор*: «*Ещё не изжито проклятие, / **Позор небывалой** войны, / Дерзайте! Поможет нам снять его / Свобода великой страны*» («*Юный март*»).

Заметим, что у лексемы «небывалое» отсутствуют закрепленные в языковом сознании носителей языка ассоциации и что в лирике З. Гиппиус смысловое наполнение этого концепта достаточно вариативно. Прилагательное *небывалое* может быть актуализировано в основном значении: «*И вот, мы горим в непонятном огне / Любви, никогда **не бывалой***»

(*«Баллада»*), (небывалый – *не случавшийся, не бывавший прежде,* МАС, Т. 2. С. 423). В то же время в стихотворении «Поликсене Соловьевой» словосочетание *небывалая любовь* приобретает иной смысл, чем в ранее приведённом примере: *небывалая любовь* – та, которая бывает, случается постоянно, но которой не должно быть в определенной ситуации: «*Земля – в содроганьях, в грязи и в крови – / А мы распеваем о вешней любви. / ...Ведь топчут сейчас где-то первую травку, / Ведь кто-то сидит над предсмертным письмом – / А мы о любви* ***небывалой*** *поём, / О робких балконах, о каплях дождевых, / О сладких мечтаньях, бессильно-беггневных*».

В стихотворении «Молодое знамя» *небывалое* становится синонимичным понятию *будущее*: «*Да здравствует молодость, правда и воля! / Вперёд! Нас зовёт* ***Небывалое!***».

К способам репрезентации данного концепта относим развёрнутые текстовые ассоциаты, включая случаи индивидуально-авторской номинации цветообозначений, а такие приёмы вербализации «парадоксальных» явлений и образов, как окказионализм и оксюморон.

Рассмотрим наиболее яркие случаи оригинального лексического воплощения данного концепта в поэтических текстах З. Гиппиус.

1. Необычность цветовой символики, расширяющей границы референции цветообозначений (Кондрашова, 1998), в поэтической картине мира З. Гиппиус вызвана утратой типовых ассоциаций, закреплённых за прилагательными, и возникновением уникальных. Снитагматическая спаянность лексических единиц, обозначающих оттенки зелёного и красного цвета, наблюдается во многих стихотворениях З. Гиппиус (*«зеленопламенный», «разлив зари зеленовато-винный», «и зелен зорь весенних тихий цвет», «идём к Зелёному дорогой красною»*). Смысловая слитность зелёного (символизирует возрождение) и красного (цвет крови, олицетворяет преобразование) цветов становится понятной при проецировании природных явлений в мир человека: *зелёная заря* символизирует возрождение, воскресение, связана с обновлениями и изменениями. Подобный эффект новизны, повышающий общую экспрессивность текста, создаёт сочетание цветовых прилагательных, с абстрактными существительными, которые называют незримое явление. Так, в стихотворении «*Серебряный день*» происходит расширение коммуникативных возможностей слова «*серебряный*» (о коммуникативном потенциале слов писали: Болотнова, 1992; Бабенко, 2001). Прилагательное «*серебряный*» свидетельствует о глубине проявления чувства (*«серебряная нежность», «серебряная печаль»*), становится символом «отсутствия наносного блеска», «искренности».

2. Фантастические, парадоксальные образы небывалого в поэзии З. Гиппиус репрезентируются косвенно местоимением 3 лица (*оно, он*), частицей *то*, описанием действий «странных персонажей»: «*Схватило, заперло, оставило / Многоголовое* ***Оно.*** */ В холодной келье замуравило / Моё последнее окно*» («*Красноглазое*»); «*Побежало тесно, тучно, / Многоногое* ***Оно.*** */ Упоительно – и скучно. / Хорошо – и всё равно. / И слежу, гляжу, как тучно / Мчится грозное* ***Оно.*** */ Покатилось, зашумело, / Раскусило удила, / Все размыло, всё разъело, / Чем душа моя жила...*» («*Оно*»); ***То,*** *что меж нами, – непонятно, / Одето в скуку, в полутьму, / Тепло, безвидно и невнятно, / Неприменимо ни к чему. /* ***Оно*** *и густо, как* ***молчанье,*** */ Но и текуче, как вода. / В* ***нём*** *чье-то лживое признанье / И неизвестная беда. Колеблется в одежде зыбкой, / То вдруг распухнет и замрёт. / Косой коричневой улыбкой / И взором белым обольёт...*» («*Ничего*»).

3. Всё новое, небывалое, необычное, как правило, репрезентируется в поэтических текстах автора использованием оксюморона и окказионализмов.

Оксюморон, основанный на сочетании слов с противоположными семами, создаёт эффект размытости лексического значения, что соответствует авторской интенции – показать разрушение «старых» отношений между людьми, крах прежней действительности: «*Теснятся буквы черным роем,* ***Неверность верную*** *храня, / И чистотою, и покоем / От лжи их веет на меня*» («*Сентиментальное стихотворение*»); «*и верные нездешней лжи* ***неложной***» («*Слова любви*»); «*это други* ***война не военная***...» («*Божий суд*»); ***рассвет несветлого дня*** («*Другой Христианин*»); «*Ласка нежданная,* ***утоляющая неутолимую*** *боль*» («*Божья*»).

Небывалые чувства, события, непередаваемые привычными словами и образами, актуализированы в поэтических текстах З. Гиппиус окказиональными единицами. Так, например, лексический окказионализм *нетово* («*А где-то на поле – цветы небывалые / и называется поле –* ***нетово***...», «Программа») воплощает новую программу поэта; окказиональное слово ***васильковел*** («Голубой конверт») становится символом яркого, жизнеутверждающего начала, окказиональное прилагательное ***угрозный*** («*Душа моя угрюмая,* ***угрозная*** *живёт в оковах слов*», «Водоскат») раскрывает нестандартность внутреннего мира лирического героя, потенциальное слово ***дление*** отражает субъективное восприятие поэтом времени.

Таким образом, можно говорить о том, что номинат индивидуально-авторского концепта «небывалое» имеет низкую частоту употребления в текстах поэта и репрезентируется как развёрнутыми текстовыми ассоциа-

тами, так и использованием оксюморона и окказиональных единиц, необычной номинацией цветообозначений.

Литература

1. ***Бабенко И.И.*** Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М.И. Цветаевой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 25 с.

2. ***Болотнова Н.С.*** Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992. 312 с.

3. ***Болотнова Н.С.*** Изучение концептуальной структуры художественного текста в коммуникативной стилистике // Художественный текст и языковая личность: Материалы IV Всероссийской научной конференции (27–28 октября 2005 г.) / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2005. С. 6–13.

4. ***Кондрашова О.В.*** Семантика поэтического слова (функционально-типологический аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 42 с.

5. ***Попова З.Д., Стернин И.А.*** Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. 314 с. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. 2. К-О. 1986. 736 с.

6. ***Шестак Л.А.*** Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса. Волгоград: Перемена, 2003. 312 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Гураль С.К. Синергетика и образование 3
Цатурова И.А., Афанасьев М.А., Аветисова К.А. Поиск стратегий для инновационного образования: формирование медиа компетенции в контексте становления глобального информационного сообщества 9

Часть I. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРИКЛАДНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Блинова О.И. Квазиремотивация в лексикографическом аспекте 15
Власов М.С. Русская и английская пунктуация в условиях синтаксической омонимии (на экспериментальном материале) 20
Вяничева Т.В. Синлекс и слово: сходство и различия (на материале субстантив-субстантивной синлексики) 25
Жукова Н.С. Инновационные черты в категории наклонения средне- и ранненововерхненемецкого языков 30
Захарова Л.А. Структура антропонимов Томского уезда XVII в.: сопоставительный анализ 36
Казакова Н.Н. Опыт составления словаря образных слов по показаниям метаязыкового сознания 41
Калиткина Г.В., Устинова Н.А., Яжинова У.А. Сибирский диалектный текст как источник лингвокультурологического исследования 46
Канащук С.А. Эффективное применение систем машинного перевода в контексте современной культуры 54
Катунин Д.А. Экспериментальные методы в исследовании картин мира институциональных дискурсов 59
Кобенко Ю.В. Ревю экзоглоссных влияний в этногенезе германских племён 65
Конончук И.Я. Адаптация заимствованных имен прилагательных в русском языке XVIII в. (на материале писем А.В. Суворова) 70
Королева Ю.В. Русская глагольная префиксация: от пространственности к оценочности 77
Косарева Н.В. Отражение лексико-семантических расхождений американского и британского вариантов английского языка при переводе художественных текстов 82
Леушина Л.Т., Ёркина А.Б. Рефлексы древних прилагательных с основой на -u- в современном греческом языке (сопоставительный анализ) 87
Маругина Н.И. Когнитивный аспект перевода метафоры 96
Мишанкина Н.А. Языковая картина мира в виртуальном дискурсе 101
Одегова О.В. Географические реалии в практике художественного перевода 105
Прокопьева Л.Б. М.Н. Муравьев – переводчик Вергилия (стихи 870–875 из 6 книги «Энеиды») 112
Резанова З.И. Современный массово-информационный дискурс: проблема единства картин мира 122
Садыкова И.В. Названия растений как источник формирования цветовой лексики 127

Смоляр М.О. О некоторых стереотипах в фольклорном дискурсе (на материале современных русских загадок) 135
Соловьёва Н.В. Научная дискуссия и толерантность: к вопросу об эффективной коммуникации 140
Царегородцева О.В. О семантике и этимологии основных обозначений света в классических и русском языках 144
Цымфер Н.В. Названия основных продуктов питания в немецком языке (историко-этимологический аспект) 152
Щетинин Р.Б. Традиции античного романа у Ф.М. Достоевского (роман «Идиот») 157
Эмер Ю.А. Лингвокогнитивная модель жанра (на материале официальных поздравлений) 162
Ю Кон-Сю. Алгоритм описания грамматических конструкций в японском языке 166
Ярица Л.И. Функционирование отдельных знаков препинания в письменно-речевой деятельности языкового коллектива (на примере функционирования запятой в конспектах Томских студентов) 170
Яцуга Т.Е. Особенности лексической репрезентации индивидуально-авторского концепта «небывалое» в лирике З. Гиппиус 179

Научное издание

Язык и культура

Сборник статей XIX Международной научной конференции, посвященной 130-летию Томского государственного университета

17–20 октября 2007 г.
Томск, Россия

Том 1

Под ред. С.К. Гураль

Издание подготовлено в авторской редакции

Оригинал-макет разработан по материалам
представленным редакционной коллегией сборника

Оригинал-макет В.К. Савицкого
Дизайн обложки М.Н. Долгих

Подписано к печати 10.05.2008 г. Формат 64x80/16.
Бумага писчая. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 10,81. Тираж 250 экз. Заказ № 72 .

Томский государственный университет
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Участок оперативной ризографии и офсетной печати
редакционно-издательского отдела ТГУ

ISBN 5-94621-247-8

Sprache und kultur

Langue et culture

Language and culture